ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 26 ИЮНЬ 1988

КЛЮЧИ ОТ СЧАСТЬЯ

АУКЦИОН: КТО БОЛЬШЕ?

ПУБЛИЦИСТИКА БОРИСА МОЖАЕВА

ВОДНЫЙ ТУРИЗМ — И СПОРТ, И ОТДЫХ

ПРОБЛЕМЫ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (3179)

25 ИЮНЯ — 2 ИЮЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Один из домов молодежного жилого комплекса «Комсомольский» города Свердловска. (См. в номере материал «Первородство»)

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 06.06.88. Подписано к печати 21.06.88. А 00358. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2522.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ВЛАСТЬ НЕ Д... ПО РАЗН...

— Валентин Арсентьевич, давайте сразу о главном. Киевскую городскую парторганизацию слушали на заседании Политбюро ЦК КПСС. Принято соответствующее постановление Центрального Комитета. Была серьезная критика за некомплексное развитие столицы Украины, отставание социальной сферы. Как случилось, что город, который известен в стране своей благоустроенностью, относительно развитой сферой комфорта, неплохо налаженным снабжением, вдруг стал терять свои позиции?

В. З. Думаю, само определение, что Киев «вдруг» стал терять свои позиции, не совсем отвечает истине. Да, проблем у нас немало. Есть серьезные упущения. Но это случилось не «вдруг», а является следствием тех издержек в планировании развития социальной сферы по территории, которые допускались на протяжении последних 25—30 лет, а также экстенсивного пути развития киевских предприятий и организаций многочисленных министерств и ведомств. Мы подсчитали: за одну лишь пятилетку в Киеве, образно говоря, появилась «еще одна Винница» с населением 250—300 тысяч человек. Для такой массы людей построить сразу же жилье, магазины, объекты общепита, здравоохранения, народного образования и т. д. весьма и весьма непросто. Тем более, что проблемы нарастают. Например, транспортные, ведь внутри города, который по территории приближается к Москве, людей нужно вовремя доставить к местам приложения труда, учебы, вовремя увезти.

Тут правомерен вопрос: ну, а что же Советы? Почему же они слабо влияли на ситуацию, не использовали своих прав в деле комплексного развития третьего по величине города страны? Все объясняется весьма просто: нет у Советов пока еще столь нужных прав и полномочий. Это только в последние годы повернулись лицом к проблемам Советов. А ранее мы не имели реальных возможностей для управления многими процессами комплексного развития. Волюнтаризм министерств и ведомств приводил к искусственному «разбуханию» города, перекосам в развитии социальной сферы. Ведь ведомственным интересам всегда отдавали предпочтение. Киев рос невиданными для таких городов темпами. С 1970 по 1987 год его население увеличилось на миллион человек и превысило 2 миллиона 600 тысяч. Разумеется, в основном за счет механического притока населения. Какая социальная инфраструктура и какой бюджет города выдержит такое?

С. К. ***Ну, а что же союзные и республиканские органы? Неужто они не знали, не видели всех этих перекосов? Почему они не помогали Киеву?***

В. З. Конечно, помогали, но в основном в экстремальных случаях, когда ситуация обострялась, как говорится, «до невозможности». Так было, например, с обеспечением города детскими дошкольными учреждениями. Но в ряде случаев они, прямо скажем, даже усложняют нашу жизнь. Госпланы Союза и республики, выделяя средства, ресурсы, фонды, расписывают буквально все по строчкам, диктуя, куда что направить. А мы, шестьсот депутатов горсовета, утверждая проекты планов, только поднимаем руки, не вправе изменить предопределение свыше... Или взять, к примеру, наши «куцые» возможности в пла-

СОБСТВЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» СТАНИСЛАВ КАЛИНИЧЕВ БЕСЕДУЕТ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КИЕВСКОГО ГОРИСПОЛКОМА ВАЛЕНТИНОМ ЗГУРСКИМ

АЮТ АРЯДКЕ

нировании строительства объектов социально-культурной сферы.

С. К. ***Извините, Валентин Арсентьевич, а не могли бы вы для убедительности назвать один-два примера, когда такая «зарегулированность» давала печальные последствия?***

В. З. Почему же? Сколько угодно. Скажем, ежегодно Госплан определяет Киеву около миллиарда рублей капиталовложений. И только один-полтора миллиона рублей из этой суммы идет на развитие учреждений культуры. Вот вам и отношение к культуре: один рубль из... тысячи. Это сейчас называется «остаточным подходом»... Короче, в духе времени. Но ведь ранее вообще ни о каком подходе не могло быть и речи. Объекты культуры были под «табу». Нельзя! — и все тут. Именно поэтому у нас сейчас несколько новых театров не имеют вообще своих помещений. В свою бытность генеральным директором производственного объединения имени С. П. Королева мне пришлось применить всю свою предприимчивость, пойти на нарушение ряда инструкций, чтобы пробить для многотысячного коллектива сооружение крайне нужного для нас Дворца культуры. Официально мы объявили его... актовым залом учебного комбината, и, хотя в итоге я и даже мой преемник получили по несколько выговоров, Дворец давно уже действует.

Да, у нас, у Советов, был минимум прав. Вот красноречивый пример. Есть в городе здание костела — к 1500-летию Киева там был создан зал органной музыки. А рядом — бывший домик ксендза, построенный в начале века. Как вы думаете, что сейчас в этом домике, рассчитанном на семью ксендза? Не угадаете — исполком Московского районного Совета народных депутатов. В районе 300 тысяч жителей, а орган Советской власти, по сути, бездомный. Мы две пятилетки подряд просили разрешение на строительство здания для райисполкома — и все безуспешно. А в то же время разные ведомства, заручившись высокой поддержкой, возводили целый ряд «престижных» зданий. Правда, пользуясь принятым недавно постановлением по Советам, мы теперь будем, наконец, строить здание райисполкома за счет перераспределения отпущенных средств. Давно пора!

С. К. ***Вы представили все не в весьма радужных красках. А на то были очень серьезные причины. Тем не менее хотелось бы знать, как сработал город за последние годы по ряду ключевых социальных позиций, что он решил и что пока не удалось решить?***

В. З. Киев — один из самых зеленых, самых уютных городов страны. Это не бахвальство, а констатация факта. У нас с учетом лесопарковой зоны на каждого жителя приходится около двухсот квадратных метров зеленых насаждений. Кроме того, в черте города на Днепре и озерах имеется около ста километров пляжей... Сейчас особое место во всех делах и заботах киевлян занимают экологические субботники. На въездах в город работают семь механизированных моек для автомашин. Как говорят, едешь в гости — умойся... Но мы понимаем: само выражение, бытующее в народе, о том, что «Киев есть Киев», обязывает нас максимально заботиться о зеленом наряде города, его окружающей среде. Исполком горсовета, например, серьезно потребовал от завода химикатов, загрязняющего Днепр, в кратчайшее время обеспечить оздоровление экологической обстановки в своей зоне.

С. К. ***Жилищная проблема по-прежнему актуальна для города. Валентин Арсентьевич, как исполком горсовета думает реализовать программу обеспечения к 2000 году каждой семьи отдельной квартирой?***

В. З. Путей тут несколько. Укрепляем наши строительные организации, прежде всего Главкиевгорстрой, наращиваем их мощности, движем кирпичное производство. Далее. Разворачиваем хозяйственный способ строительства жилья, координируем все эти вопросы с активным участием совета директоров по проблемам комплексного развития города, созданного несколько лет назад при исполкоме горсовета. Взялись сообща за монолитный метод сооружения жилья, который сулит немало выгод.

Развиваем ЖСК и МЖК, причем молодежные жилищные комплексы создаем уже не только на новом строительстве, но и при комплексном капитальном ремонте жилых зданий. Участие наших МЖК в капитальном ремонте домов с предоставлением им половины отремонтированного жилья — это один из серьезных факторов решения жилищной проблемы.

Начали внедрять и создание добровольных обществ строительства жилья. Что это такое? А вот что. По решению горисполкома предприятия и организации направляют в эти общества на два-три года своих работников, нуждающихся в жилье и стоящих на квартучете. За это время каждый член общества должен построить три квартиры: одну — предприятию, одну — городу и еще одну — себе. Ныне три тысячи киевлян вошли в состав добровольных обществ сооружения жилья.

С. К. ***Валентин Арсентьевич, вы доктор экономических наук, профессор, в прошлом талантливый хозяйственник, отмеченный званием Героя Социалистического Труда. Последние девять лет — мэр Киева. Невольно возникает вопрос: а как вы и стоящий за вами исполком воспользовались экономическими рычагами, на которые ориентирована перестройка?***

В. З. Мы избрали несколько направлений, выработали главную линию: управление комплексным развитием города строить с помощью преимущественно экономических методов. Как, например, сбить мощную волну механического притока и в то же время иметь максимум пользы от привлечения в Киев иногородних работников? Тем более, что город, его хозяйство находились в неравных условиях с влиятельными ведомствами. И вот мы сделали расчеты: во что обходится (в среднем) городскому хозяйству такой новый житель, привлеченный со стороны. Оказалось, в 12,4 тысячи рублей. Это на «первый случай». И мы решили переложить эти расходы на ведомства и забрать эти деньги в городской бюджет. Ведь к жилью нужны магазин, столовая, детсад, больница, кинотеатр... бытовой комплекс, наконец, и многое другое.

На согласование «в верхах» мы бы потеряли уйму времени, да и наверняка не пробились бы через частокол инструкций. Вынесли вопрос на сессию городского Совета, которая единогласно сказала: «да!». Даже депутаты-директора не стали идти против нового течения, тоже проголосовали за такое положение.

Мне рассказывали, что такая наша мера вызвала в Минфине СССР бурные споры. Но в конце концов большинство сошлись во мнении, что Киевсовет поступил правильно, в духе времени и, самое главное, в соответствии с «буквой» принятого постановления по Советам.

Теперь многие руководители задумались над тем, как повысить производительность труда, чтобы обойтись без привлечения рабочих рук извне. Ведь такие отчисления бьют по карману коллектива...

И все же часть хозяйственников в силу различных обстоятельств вынуждена «открывать кошелек». По их гарантийным обязательствам в городской бюджет должно поступить более 20 миллионов рублей.

С. К. ***Но это, видимо, не единый канал поступления средств от предприятий и организаций на социальное развитие города и, собственно, практической реализации идеи «города на хозрасчете».***

В. З. Да, конечно. Реализация идеи «город на хозрасчете» требует дальнейшего усиления экономических методов управления, предполагаемый переход к принципиально иным финансовым взаимоотношениям между исполкомами местных Советов, предприятиями и организациями на основе платежей. Это прямо вытекает из Закона о государственном предприятии (объединении). Речь идет не только о внедрении известных финансовых рычагов, но и формировании специальных фондов денежных средств, создаваемых за счет долевого участия предприятий. Первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Мы давно уже ведем работу по привлечению долевых средств на жилищное строительство. В нынешнем году, например, они составляют 189 миллионов рублей, или 72,4 процента всех капиталовложений на жилье. Тут вроде бы у нас порядок. Но разве справедливо, когда основная ноша по обеспечению этого человека всеми видами городского обслуживания целиком ложится на плечи Советов? Наши специалисты подсчитали стоимость всех видов услуг в расчете на одного человека и пришли к выводу: к каждому рублю на жилье необходимо брать с предприятий и организаций еще 45 копеек на социальную сферу. Были разработаны и утверждены на той же сессии городского Совета удельные нормативы отчислений на развитие социальной инфраструктуры. И сегодня эти нормативы уже работают на перестройку, на человека.

С. К. ***Киевляне получили широкую информацию еще об одном ценном новшестве, внедряемом в интересах комплексного развития города. Речь идет об утвержденных недавно сессией городского Совета нормативных документах по комплексной экономической оценке территории Киева, и вы уже упоминали о них. Считают, что принятый сессией документ по стоимостной оценке территории служит основой финансовых обязательств предприятий перед городом за пользование городскими участками. Как родилась эта идея и что стоит за ней?***

В. З. Город вплотную подошел к Зеленому поясу. У нас практически нет свободных территорий. Проблема свободного квадратного метра будет все более и более обостряться. Город будет развиваться за счет уплотнения существующей застройки, освоения неудобий, перебазирования ряда предприятий. Конечно же, земля у нас бесплатная. Но то, что уже построено на ней или проложено (например, мощные инженерные коммуникации), имеет свою цену. Стоимостная оценка одного гектара территории составила от 3 миллионов рублей в историческом ядре города до 600 тысяч на окраинах.

По стоимостным показателям город разделен на пять экономико-планировочных зон. В зависимости от зоны будем брать различную плату за пользование городской территорией. Многие, несомненно, задумаются: то ли строить один «престижный» дом в центре или за те же деньги соорудить два дома на еще мало освоенной территории. Надеюсь, что и предприятия потеснятся, не станут беспредельно разбрасывать свои одноэтажные склады и цехи, особенно в районах плотной застройки. Это поможет нам обеспечить и сохранность исторического лица города.

Данный подход заинтересовал многие Советы крупных городов. Приезжают специалисты, интересуются, и мы охотно делимся крупицами опыта. Кстати, с пропагандой актуальных методов работы Советов, взаимообогащением опытом у нас в стране не все обстоит должным образом. Мы обратили на это внимание во время недавней учебы в Академии общественных наук при ЦК КПСС председателей горисполкомов Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик, областных и краевых центров. Там же все мы пришли к выводу о необходимости организации в условиях перестройки систематического обмена опытом работы советских органов по развитию регионов, комплексному управлению подведомственными территориями. С этой целью председатели горисполкомов решили создать свой рабочий орган — постоянно действующее совещание председателей горисполкомов Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик (ПДС), председателем которого был избран ваш собеседник.

С. К. ***Валентин Арсентьевич, в новшествах ощущаются дух перемен, оригинальные подходы. Но не кажется ли вам, что взаимоотношения горисполкома и предприятий несколько напоминают «игру в одни ворота»? Мне кажется, вы идете по пути «выжимания» средств из предприятий. Не ущемляет ли такой подход интересы коллективов?***

В. З. Ну, начнем с того, что такая «игра в одни ворота» до этого всегда велась в пользу предприятий и организаций, министерств и ведомств. И все же то, что делаем,— все в интересах города, а стало быть, и тех же трудовых коллективов. Согласитесь, что это законная плата предприятий за наши региональные ресурсы. А кроме того, мы нашли приемлемую форму социального партнерства исполкомов местных Советов с трудовыми коллективами. Это социально-коммунальный договор, призванный регулировать характер отношений между райисполкомами и предприятиями в социально-бытовой сфере на хозрасчетной основе. Сущность его можно выразить так: исполком не только берет от предприятия, но и дает ему. Скажем, исполком и его службы возьмут на себя социальные вопросы, например, создание на предприятиях медико-санитарных частей или здравпунктов, проведение всеобщей диспансеризации, а предприятие, в свою очередь, поможет в оснащении медицинских учреждений города. Кроме того, мы могли бы совместно с предприятиями строить больницы, поликлиники, санатории, профилактории... Немало общих моментов такого сотрудничества и в развитии, например, сферы обслуживания. Такая постановка вопроса продиктована самим временем, ведь в соответствии с Законом о предприятии (объединении) трудовой коллектив сам вправе решать свои острые социальные проблемы.

Как было раньше? Действовал нажимной метод. Руководство предприятия, решая тот или иной вопрос, «обхаживало» райком партии, райком партии «давил» на исполком, и тот выполнял указание... Не оставался в долгу и сам исполком, который с помощью райкома нередко пытался «выколотить» как можно больше из предприятия... И это вошло в практику. Короче говоря, система взаимоотношений района и предприятия действовала с помощью учетной партийной карточки коммуниста-руководителя, который не рисковал портить отношения с райкомом партии.

Социально-коммунальный договор между местными Советами и предприятиями поможет всем нам уйти от такого «силового» давления, избавиться от него. Взаимоотношения органов власти и трудовых коллективов становятся на прочную, деловую основу.

С. К. ***Значит, можно сказать, что Киевский горисполком максимально использует возможности, которые открыла перестройка?***

В. З. О чем вы говорите! Пока еще, к сожалению, больше разговоров о расширении прав Советов и мало дела. Работа исполкома до сих пор так зарегламентирована, что многие его права, объявленные с высоких трибун, остаются лишь красивой фразой... Попробуйте у нас в городе соорудить гараж под домом.

С. К. ***О таком гараже можно только мечтать...***

В. З. А наш горсовет не в силах преодолеть дремучую инструкцию. По логике чиновников, такой гараж удорожит стоимость объекта, а следовательно, и квадратного метра жилой площади... Нельзя — и все тут! Вот и уродуем территорию одноэтажными гаражами-трущобами... Я затронул лишь один из множества злободневных вопросов. А сколько еще запретов, спускаемых с различных управленческих этажей, тормозят перестройку! Вот и выходит: на трибунах говорится одно, а в жизни другое... И надо нам быстрее устранять разрыв между словом и делом, дать, наконец, Советам реальные права.

С. К. ***В последнее время немало говорится о необходимости решительного размежевания функций партийных органов и Советов. Чем, на ваш взгляд, вызвана такая постановка вопроса?***

В. З. Ответ ясен: широкой демократизацией всей нашей жизни. Советы должны стать, наконец, подлинными хозяевами положения на своих территориях. Вы поднимите решения бюро и пленумов горкома и райкомов партии. Там же сплошь и рядом: «обязать горсовет», «потребовать от исполкомов», «усилить работу горсовета», «Советам обсудить и решить» и так далее. Но, позвольте, по какому праву? Киевсовет — власть или подотчетная организация? Такие указания противоправны, от них веет партийным администрированием, желанием везде и всюду командовать Советами, опекать даже в мелочах. Они наша повседневная реальность, причем более реальная, чем наши права на бумаге.

Все мы оказались перед явлением: в системе управления городом главенствующую роль взяли на себя партийные органы. А ведь они-то не должны командовать системой городского хозяйства. По нашему мнению, за ними должно оставаться решающее политическое влияние, выбор стратегических направлений развития.

Правильно поднимается вопрос: пора уже в партийных органах иметь не инструкторов, а партийных организаторов, людей, владеющих политическими методами руководства. Мне кажется, аппаратные партийные работники уже сами изрядно устали от бумаг и кабинетного стиля. Им нужен широкий выход «на люди», умение проводить в жизнь линию партии. А Советы должны и обязаны заниматься практическим воплощением назревших экономических и социальных проблем. И отчитываться они должны прежде всего перед народом, перед избирателями. Мы же то и дело в основном отчитываемся перед партийными органами, да еще, как правило, в письменной форме.

С. К. ***А что, и сегодня эта тенденция дает о себе знать?***

В. З. И сегодня... Хотя кое-какие изменения уже произошли. Ну, например, в постановлении недавно состоявшегося пленума горкома появилась уже такая запись: «рекомендовать горисполкому...» Хотя есть и один чисто директивный пункт. Но в целом все же наметился отход от традиции. Это — в бумагах. А вот в делах... В делах перестройка проявляется слабо. Дважды за последние годы мне приходилось с трибуны пленума горкома резко говорить о кадровой чехарде в системе Советов города, которая создается «усилиями» партийных органов. Дело доходило до того, что даже должность председателя райисполкома была использована для временной «пересидки» номенклатурного товарища с его последующим выдвижением на должность заведующего отделом строительства и городского хозяйства горкома. Разве это разумная кадровая политика? Далее. Не так давно ряд райкомов партии возглавили новые руководители — молодые, полные сил и энергии. Но свои силы и энергию они направили с первых же шагов на «выживание» неудобных для них председателей райисполкомов, их заместителей. Спрашивается: нужна ли нам такая, с позволения сказать, «кадровая политика»?

Исполкомовцев постоянно «утюжат» на пленумах, различных партийных активах. Мы не против справедливой и объективной критики (хотя кто ее любит?). Мы — против тенденциозности, однобокости в подходах к работе советских органов. Ранее в докладах в основном фигурировали исполкомы, а первичные партийные организации, райкомы партии были словно в стороне... Сейчас тональность несколько изменилась, но дух «раздевания» Советов остался практически тот же. Не раз задаю сам себе вопрос: почему итоги сессии горсовета подводит бюро горкома, персонально первый секретарь? Это же Совет! Почему бы не подводить итоги председателю сессии, председателям постоянных комиссий, членам исполкома при участии депутатов — руководителей горкома, наконец, представителям Верховного Совета УССР, которые у нас всегда присутствуют на сессиях. Этого требует углубление демократизации в работе Советов.

Отход от стереотипов продиктован самим временем. Мы пошли на то, чтобы изменить привычную форму проведения сессий. Теперь уже нет обычного президиума в составе членов бюро горкома и членов исполкома. В президиуме — только председатель и секретарь сессии, причем возглавлять работу сессии по нашему настоянию стали уже не первые секретари райкомов, а рядовые труженики-депутаты, а также председатели райисполкомов. Все это — внешние, я бы сказал, но весьма необходимые элементы демократизации. Депутаты хорошо восприняли такой порядок.

Сама подготовка к сессии потребовала решительного отказа от любых проявлений формализма и заорганизованности. Ведь с чем мы раньше сталкивались? У наших сессий было два режиссера. Первый — отдел оргпартработы горкома партии, второй — наш оргинструкторский отдел. Но последний зачастую исполнитель, а основное вершилось в горкоме: и регламент, и список выступающих, и т. д.

Ныне наметились серьезные перемены к лучшему, хотя, конечно, нет-нет да и прорвется «режиссерская нотка» горкома. Но привычных назидательных команд становится все меньше. Мы сами ищем новые формы работы Советов, проведения сессий. Так, несколько необычно провели мы последнюю нашу сессию. Заслушали депутаты доклады (а обсуждали мы задачи Советов города, вытекающие из постановления ЦК КПСС по Киевской городской партийной организации, а также вопросы совершенствования структуры городского хозяйства), затем депутаты собрались группами (14 районов — 14 групп) и отдельно рассмотрели изложенные в докладах проблемы, высказали свои замечания, предложения, дополнения (а их поступило 394). Они и были максимально учтены в решении сессии. И вы бы слышали, с какой активностью депутаты отстаивали свои предложения, какая живая дискуссия велась на сессии.

Прошу правильно меня понять, я ничего не противопоставляю, но хочу сказать, что такой же перестройки требует и работа партийной группы Совета. За два созыва на партгруппе было заслушано четыре начальника управлений горисполкома по хозяйственным вопросам и один председатель постоянной комиссии горсовета. Кстати, с четырех руководителей управлений никто так и не спросил как с депутатов-коммунистов за депутатскую работу... Просто это были очередные «накачки», в основном от первого секретаря. А где же тут демократизация? Где же настоящее партийное влияние на коммунистов-депутатов? И потом: партийная группа работает только в день сессии, и то не каждый раз, причем в течение часа-двух. Это же формализм чистейшей воды. А может, пора уже ей работать постоянно, а не в «дежурном» порядке?

С. К. ***Валентин Арсентьевич, когда я эту нашу беседу перепечатаю с пленки и принесу вам на подпись — не откажетесь?***

В. З. Но ведь я называю общеизвестные истины. А назвать назревшие проблемы — это уже встать на путь их решения. Думаю, пришло время по-настоящему считаться с Советами, уважать их статус, наделить их широкими полномочиями. Их нельзя ни подменять, ни подминать. Известно, что советское строительство — это целая наука, а в жизни нередко выходит, что некоторые партийные работники, глубоко не знающие работу Советов, пытаются «опекать» их даже в мелочах. Сегодня со всей актуальностью в стране звучит вопрос: почему мы в реальной жизни ушли от прекрасной ленинской формулировки «Вся власть — Советам!»?

С. К. ***Вы член бюро горкома партии. Всегда имеете возможность поставить какой-то острый вопрос перед членами бюро, отстоять свое мнение... А как это на самом деле происходит?***

В. З. И ставлю вопросы, и позиции отстаиваю. Если, конечно, чувствую правоту. Но решения принимает большинство. И порой мои предложения «не проходят». И не члены горкома тут виноваты... Таковы порядки и традиции. Четко срабатывает система, при которой решающее слово — за партийной инстанцией...

С. К. ***Сейчас много говорят о гласности, широкой информированности населения. А вот в местной городской прессе, а конкретно в двух газетах, которые являются органами горкома партии и городского Совета, еще недостаточно материалов о депутатах, о многогранной работе советских органов. В чем причина, почему вы активно не влияете на данный процесс?***

В. З. Какое мы имеем на них влияние? Да никакого! Если убрать с полосы газеты, что она — орган Киевсовета, то ни депутаты, ни просто читатели этого и не заметят. Вы же знаете, что газеты подчинены партийным и только партийным органам (кроме газет отдельных ведомств)... Как-то спрашиваю у ре-

дактора «Вечерки» В. А. Карпенко: а почему информация по интересному для города вопросу заседания исполкома вышла куцей и общей? А он в ответ: в горкоме сказали дать именно столько строчек!.. Вместе с тем вы посмотрите, как расписывают в газетах пленумы райкомов! Дают широко отчеты, излагают (дозированно, правда, в зависимости от рангов) выступления членов бюро горкома. А о сессиях райсоветов в лучшем случае идет скудная информация. Это явная несправедливость и необъективность! Может, был бы смысл иметь в республике, городе газету как орган Советов? Есть же у нас в стране газета Советов — «Известия». Данный вопрос, думаю, тоже заслуживает внимания XIX Всесоюзной партийной конференции.

С. К. ***Мы касались уже депутатских дел. Как вы считаете, депутаты Киевсовета выполняют свою миссию перед киевлянами?***

В. З. В целом — да! Оживилась депутатская работа и в избирательных округах, и в постоянных комиссиях, и на самих сессиях. Все чаще звучат теперь депутатские запросы, в том числе и председателю горисполкома. Однажды на сессии депутат из Ленинградского района В. И. Дубоделов, можно сказать, «загнал в угол» руководителей Главукса и Главного управления здравоохранения. Он несколько раз брал слово, пытаясь выяснить, почему на массиве Ново-Беличи не предусмотрено строительство поликлиники, которая там крайне нужна. В итоге на место выехала авторитетная комиссия, которая пришла к выводу: поликлинику надо строить немедленно. Депутат Дубоделов доказал правоту своей позиции, достойно отстаивая интересы избирателей.

Другой наш депутат — бригадир слесарей одного из заводов того же Ленинградского района О. А. Медвидь, возглавляющий одну из лучших депутатских групп, на сессии горсовета призвал к активности нескольких руководящих работников горкома партии, которые не бывали в своих округах, являлись «почетными» депутатами. Критика воздействовала тогда. Но сейчас мы вновь вынуждены говорить о том, что для иных секретарей, заведующих отделами горкома партии депутатство остается «приложением» к должностям. Прием, как правило, они не ведут, с избирателями не встречаются. Так, может быть, в силу служебной загруженности их не следовало бы выдвигать кандидатами в депутаты на очередных выборах?

Кстати, недавно мы провели широкое анкетирование депутатов городского и районных Советов: «Демократизация и мы». Поставили перед ними 80 вопросов. В частности, и такой: «Как вы считаете, почему именно вас избрали депутатом?». Целая группа товарищей ответила примерно в таком духе: анкетные данные, видимо, подошли... Спасибо людям за откровенность. Но такую практику надо ломать. Советy нужны действительно народные, а не формальные избранники.

С. К. ***Не обижайтесь, Валентин Арсентьевич, но и вы избирались в тех же условиях... Вашу кандидатуру предложили свыше, ну а затем уже поддержали избиратели. В общем, все было, как обычно. Как и с другими кандидатами... Меня самого в данном случае смущает не формальность выборов (как-то привык), а насилие над русским языком. Ну как можно выбирать из одного? Или трех из трех? В любом случае, когда на семнадцать или двадцать семь мест называют столько же кандидатов,— это неправомочно называть выборами. Тогда уж в лучшем случае — утверждением.***

В. З. Я согласен с вами. Как показала анкета, и многие депутаты с этим согласны. Формализм и выборы — это несовместимо...

С. К. ***Еще один «деликатный» вопрос: а вы не боитесь, что в компании двух-трех кандидатов вас могут и не избрать?***

В. З. Не боюсь. Председательского хлеба попробовал, это трудный хлеб. Посмотрите на мой еженедельник — на 2—3 недели вперед все по минутам расписано, в том числе и субботы, и во многих случаях — даже воскресенья. Своей должностью не пренебрегаю, ведь в этом кресле можно полнее раскрыть свои возможности, чем в роли руководителя крупного предприятия. Главное в том, что именно здесь можно больше сделать для родного города. И все же... Если придется уступить место более достойному, по мнению избирателей, преемнику, я это приму с пониманием и найду приложение своим силам. Но если из нескольких кандидатов избиратели отдадут предпочтение мне, если я по их свободно выраженной воле вновь стану мэром, то буду стремиться использовать все возможности, а также имеющийся опыт в новых условиях — условиях перестройки. Конечно, кое-кто думает: хоть и нелегко, видать, быть председателем горисполкома, зато у него нет личных проблем, престижная квартира и так далее.

С. К. ***Кстати, о квартире... Простите за нескромность, но она у вас действительно «престижная»?***

В. З. Для меня — да. Я получил ее еще тридцать лет назад, будучи рядовым инженером на заводе, на известной еще до революции рабочей Соломенке. Тогда строили с минимумом удобств. В доме, где живу, нет лифта и горячей воды (есть колонка!). Кухня — 5 метров... Но мне дорога эта квартира — тут прошла большая часть моей жизни. Кое-кто считает, что мэр имеет другое, более комфортабельное жилье. По крайней мере мне известны уже адреса... десяти квартир, где я якобы проживаю. Считают так — ну и пусть... Было, конечно, предложение перебраться поближе к месту работы. Но я как-то привык к своей Соломенке. Зато любому киевлянину на приеме (я принимаю 5—6 часов кряду 25—27 человек) я могу спокойно смотреть в глаза.

С. К. ***Хватает ли мэру рабочих суток? Ведь вы же еще ведете большую общественную работу как председатель Комиссии по жилищно-коммунальному и городскому хозяйству Совета Национальностей Верховного Совета СССР?***

В. З. Это очень ответственный участок работы. Со всех концов страны идут письма, обращения. Их приходится рассматривать, разъяснять, отвечать людям, ведь в них затрагиваются их самые животрепещущие вопросы, связанные в основном с жильем, социально-бытовым обустройством. Наряду с этим ведется большая работа в самой постоянной комиссии по подготовке к рассмотрению плановых вопросов. Ведь проблем и в отрасли, и во многих регионах страны достаточно. И в тех, и других случаях иногда это связано с командировками, необходимостью изучения положения дел на местах.

Но рабочей загрузки не боюсь. Устаешь от другого: от суеты, текучки, накаленных телефонов. Вы посмотрите, сколько их у меня на столе. Думаете, это я кем-то командую? Скорее наоборот. По этим спецлиниям каждые пять минут — два звонка. Конечно, в такой обстановке выйти рядовому гражданину на связь с председателем горисполкома весьма проблематично. По наиболее острым вопросам мне оперативно докладывают из приемной. А вообще-то начинаем и мы у себя внедрять «прямую линию» в определенные дни и часы.

Почему нам все-таки очень часто звонят из районов города? Да потому, что за многие годы горисполком традиционно зацентрализовал на себя целый ряд вопросов, которые могли бы решать исполкомы райсоветов. Очень правильно критиковали нас за это на Политбюро ЦК КПСС. Сделали выводы, извлекли урок. Действительно, положение сложилось непростое. Мы в горисполкоме взяли на себя ряд вопросов, которые «переварить» физически уже не в состоянии.

С. К. ***Теперь — о работе с обращениями граждан. Вы внедрили систему приемных в городе. Что дает она?***

В. З. Приемные — это подразделения исполкомов. В их составе — опытные работники, многие из которых имеют юридическое образование. Они берут на себя огромный поток обращений, влияют на решение вопросов, обеспечивают прием посетителей руководством исполкомов. Несколько лет назад мы создали приемную в горисполкоме и в каждом районе. Люди поверили в них, идут туда, нередко — за консультацией и советом. Обращения граждан вводятся в ЭВМ, обобщаются. Ни одно из них не остается без ответа. В итоге сокращено количество обращений в вышестоящие инстанции, коллективных писем. Многие вопросы, волнующие киевлян, решаются на месте. Мы совершенствуем работу приемных, видим в них живые каналы связи с населением.

С. К. ***Расскажите, пожалуйста, о самых последних инициативах исполкома. О тех, которые, так сказать, уже «на выходе» и вскоре будут обнародованы...***

В. З. Нас по-прежнему волнует проблема трудовых ресурсов, наиболее рационального их использования. В Киеве из полутора миллиона работающих — половина занята в сфере материального производства. В этой сфере все отлажено, есть конкретные, поддающиеся прямому учету меры отдачи и меры непроизводительных потерь. Но как определить эффективность труда 750 тысяч киевлян, занятых в непроизводственной сфере?

Как определить здесь непроизводительные потери? По нашим прикидкам, в масштабе всего города картина примерно такова. В среднем каждый работающий теряет столько рабочего времени, что это равнозначно двум ежегодным дополнительным отпускам...

С. К. ***Подсчитали, обобщили... Ну и что же дальше?***

В. З. Дальше — надо работать над тем, чтобы более эффективно использовать трудовые ресурсы непроизводственной сферы. Это глобальный вопрос, и мы беремся за его реализацию.

С. К. ***Валентин Арсентьевич, какие выводы сделали вы лично для себя из заслушивания работы Киевской городской партийной организации на Политбюро ЦК КПСС?***

В. З. Самые серьезные. У меня по-новому открылись глаза на многие вещи, многие проблемы и недостатки. Некоторые из этих вопросов я затронул в нашей беседе. Строю свою работу в духе тех требований, которые были высказаны Михаилом Сергеевичем Горбачевым, членами Политбюро непосредственно в мой адрес. Как гражданин и коммунист считаю: на этом ответственном посту обязан сделать максимальное для киевлян, для нашего родного города.

С. К. ***Остается пожелать вам успехов в реализации всего того, что продиктовано нашей жизнью, нашим временем. Спасибо за беседу.***

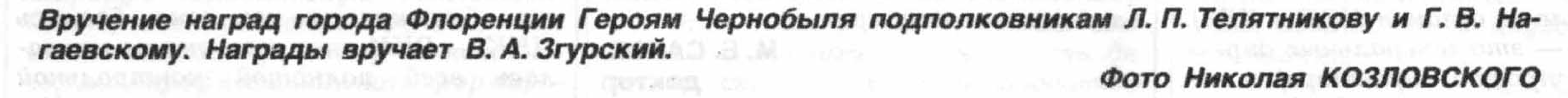

Вручение наград города Флоренции Героям Чернобыля подполковникам Л. П. Телятникову и Г. В. Нагаевскому. Награды вручает В. А. Згурский.

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

НА ТРИБУНУ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ
КАКОВЫ ПЛАТФОРМЫ КАНДИДАТОВ?
О ПРЯМЫХ ВЫБОРАХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
НУЖНА ЛИ СНОВА ЦКК — РКИ?
ЧТОБЫ ИНСТРУКЦИЯ НЕ ПОГЛОТИЛА ЗАКОН

■

За последние три года мы отказались от многих сталинских догм. Думаю, настало время отказаться еще от одной, а именно от представления, что непрямые выборы руководителя демократичнее, чем прямые.

Напомню историю вопроса. В 1936 году при обсуждении проекта новой Конституции СССР поступил целый ряд предложений избирать Председателя Президиума Верховного Совета СССР не Верховным Советом СССР, а всем населением страны, как это делается во многих странах. Однако Сталин отверг эти предложения. В докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года он подвел под свое мнение «теоретическое обоснование». «По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету,— заявил он.— Президент в СССР коллегиальный,— это Президиум Верховного Совета, включая и Председателя Президиума Верховного Совета СССР, избираемый не всем населением, а Верховным Советом и подотчетный Верховному Совету. Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей».

Большего лицемерия трудно себе представить. Ибо сам Сталин, избираемый по вышеизложенной системе, к тому времени встал и над Политбюро, и над ЦК, и над партией, и над народом. Исторический опыт, в особенности нашей страны за истекшее пятидесятилетие, свидетельствует о недемократичности непрямых выборов руководителя. О том, что чем уже круг людей, выбирающих первого руководителя, тем больше вероятность «нежелательных случайностей»: отрыва руководителя от масс, закостенения, консервации руководящего органа, противопоставления руководителей исполнителям, то есть тех тенденций, которые в своем развитом виде и привели к такому уродливому явлению, как культ личности.

Еще Ф. Энгельс указывал, что пролетариат должен себя обезопасить от «своих» бюрократов всеобщей выборностью и сменяемостью последних. В. И. Ленин неоднократно писал, что для того, чтобы руководители выражали интересы масс, надо им (массам) дать возможность самим назначать и сменять своих руководителей. Поэтому я поддерживаю предложение, высказанное на страницах журнала «Коммунист» (1988, № 3) о том, что необходимо переходить к прямому выбору руководителей из нескольких кандидатур не только на низших, но и на высших эшелонах власти: к выборам Генерального секретаря ЦК КПСС всеми советскими коммунистами. Считаю, что Председателя Президиума Верховного Совета СССР также необходимо избирать всеми трудящимися СССР. Это и будет социалистическое самоуправление народа на деле.

В. Н. ЛЫСЕНКО,
кандидат философских наук,
доцент Московского
авиационного института

■

Прочли статью В. Выжутовича «Кого выбираем?» (№ 22) и подумали о том, что публикация эта сильно запоздала, так как, по крылатому ныне выражению, «поезд ушел». Уже выбрали. Кого же? На этот вопрос легко ответить, взяв, например, в руки «Ленинградскую правду» за 28 мая сего года. Из 176 делегатов, избранных на XIX партконференцию пленумом Ленинградского обкома КПСС, 17 являются делегатами Москвы (это «спущенные сверху» кандидатуры, например, В. И. Бровиков, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Польской Народной Республике); 44 делегата — представители партийного, советского, профсоюзного, комсомольского аппаратов (секретари райкомов, горкомов, обкома и т. д.); 7 — генералитет (в том числе из органов МВД и КГБ). 21 мандат — это генеральные директора (или просто директора) и начальники крупных объединений, управлений, предприятий, ректоры учебных заведений (в том числе главный редактор «Ленинградской правды» А. Варсобин, о котором писал В. Выжутович); еще 7 мандатов принадлежат парторгам также крупных предприятий.

Оставшиеся 80 мандатов (около 45 процентов) распределены следующим образом: 52 — представители рабочего класса, 9 — труженики села, 19 — все остальные. Из этих 19 — 2 представляют старейших членов партии и Ленинградский совет ветеранов войны и труда, 6 — служащих. Кто эти служащие, мы не знаем, и подобное представление в печати делегатов партконференции выглядит более чем странно. Но ясно одно, что из 19 мандатов только 11 остались на долю инженеров, медиков, научных работников, преподавателей школ, вузов, техникумов, ПТУ, работников торговли и иных сфер обслуживания, творческой интеллигенции. Не мало ли для города, который является вторым в СССР научным и культурным центром?

Обратим внимание и на состав делегатов от рабочего класса и тружеников села. Из их общего числа (61) 37 — женщины. Случайно ли это? Нет. В составе «обязательных делегатов» женщин крайне мало (из 96 мандатов только 7 у женщин). Следовательно, для того, чтобы набрать нужный процент женщин, необходимо было увеличить это число среди представителей рабочего класса и тружениц села. Можем согласиться с В. Выжутовичем, что, вероятно, большинство делегатов-женщин — хорошие работницы, но искусственность делегирования такого их числа в рамках только одной группы очевидна.

Почему так случилось? Почему районные толкователи принципиальных установок ЦК КПСС» не вняли советам М. С. Горбачева готовить партконференцию, начиная с выборов делегатов, при открытых дверях, всенародно? Суть, как нам кажется, изложена в статье «Коренной вопрос перестройки» («Известия», 4 июня) академика Т. И. Заславской, которая, кстати, делегатом конференции не избрана. По ее мнению, главный вопрос, который должна решить любая революция для своей победы (а перестройка — социальная революция), есть вопрос о власти. «Без решения вопроса о власти революций не бывает. Наша сегодняшняя не исключение. С перераспределением власти связана передача большей части доходов, прав, социальных льгот от верхних этажей общественной пирамиды нижним». Лучше не скажешь. Но отдавать даже часть власти и благ никому не хочется. Вот причина. Вещи нужно называть своими именами, иначе грош цена всей нашей гласности и демократии.

М. Е. САЛЬЕ,
доктор
геолого-минералогических наук,
Е. М. ПРОШИНА,
зав. кафедрой
научного коммунизма
лесотехнической академии
Ленинград

■

Не могу согласиться с предлагаемой в Тезисах ЦК КПСС к XIX партийной конференции чисткой партии. Не согласен с проведением подобной чистки до тех пор, пока у нас в стране системой демократических выборов, я подчеркиваю, именно демократических и именно выборов, не будут избраны преданные партии, а не только себе руководители всех партийных организаций, начиная от первичных. Ведь не секрет, что нередки сейчас выборы в партийные руководители всех рангов людей, только угодных администраторам предприятий и находящихся в их полном подчинении. В этих условиях чистка в партийных рядах будет во многих случаях еще одной, пожалуй, самой действенной возможностью свести счеты с неугодными работниками, не во всем и не всегда согласными с руководством. Это может обернуться трагедией для многих творческих, честных, но не умеющих гнуть спину коммунистов, всей душой желающих победы перестройке, но имеющих очень мало возможностей склонить чашу весов в пользу своих убеждений. Ведь у руководителей, особенно небольших коллективов, всегда значительно больше возможностей убедить административно подчиненных им коммунистов в своей правоте. Поэтому истина не всегда будет торжествовать при проведении общественно-политической аттестации. Я за чистку партии, но только тогда, когда во всех организациях руководство аттестацией будет находиться в кристально чистых руках. Сейчас, на мой взгляд, условий для этого нет.

П. С. ГАВИЧ,
инженер, член КПСС с 1959 года
Харьков

■

Для того чтобы преодолеть механизм торможения перестройки, необходимо восстановить ленинские принципы партийно-советского контроля.

По мысли В. И. Ленина, в свое время были созданы Центральная Контрольная Комиссия и Рабоче-Крестьянская Инспекция (ЦКК — РКИ), на которые возлагался контроль за аппаратом, «невзирая на лица». Этот орган обладал и соответствующими правами, не подчинялся ЦК партии. ЦКК была подотчетна только съезду партии. Мой покойный отец, член партии с 1912 года, бывший член ЦКК, бывший председатель Краевой Контрольной Комиссии Нижне-Волжского края в 20-е годы, рассказывал, что бюрократы как огня боялись ЦКК — РКИ, так как она пользовалась всей полнотой контрольной власти и в центре, и на местах. Никакой партийный руководитель не мог спасти члена партии любого ранга от наказания, вплоть до исключения из рядов партии, если тот допускал злоупотребления. Ни райком, ни обком, ни крайком не могли своим вмешательством отменить решение ЦКК — РКИ о наказании виновного.

На XVII съезде партии сталинское руководство ликвидировало этот орган под надуманным предлогом: из-за отсутствия в партии фракционной борьбы. Как будто действенный контроль без фракций в партии не нужен! Созданная на XVII съезде партии Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) стала придатком партийного аппарата, была лишена самостоятельности. Ликвидируя ЦКК — РКИ, Сталин развязал себе руки для репрессий 1937—1938 годов, ибо отчитываться было не перед кем. А до ликвидации члены Президиума ЦКК, согласно Уставу партии, должны были присутствовать на всех заседаниях Политбюро с правом совещательного голоса, наблюдать, как проводится в жизни линия партии, принятая на съездах. Будет ли этот орган называться ЦКК — РКИ или как-то иначе, не в этом дело. Дело в сущности. И тогда перестройка получит еще одну гарантию необратимости.

Ю. С. ВИКСНИН,
член КПСС с 1944 года
Рига

Вот что могло бы, на мой взгляд, заметно улучшить предлагаемый в Тезисах ЦК КПСС комплекс мер по завершению создания социалистического правового государства: четкое разграничение законодательной власти и управления, создание не зависимой ни от каких влияний судебной системы, расширенное и достаточно четкое, более широкое, чем сейчас, законодательное закрепление функций и полномочий КПСС в политической системе Советского государства.

После смерти В. И. Ленина правотворческие функции постепенно стали под аппаратным воздействием переливаться от органов народовластия к исполнительным органам. За семьдесят лет Советской власти в нашей стране было принято менее тысячи законов и указов (320 и 430 соответственно). За это же время органами управления изданы сотни тысяч постановлений и инструкций, причем большая их часть пришлась на последнюю четверть века. Обилие инструкций, так легко издаваемых и в наше перестроечное время, давит и ныне. Достаточно вспомнить разработанный и продвинутый Минфином СССР задолго до принятия Закона о кооперации нормативный акт, устанавливающий парадоксально прогрессивный налог на кооператоров, заранее торпедирующий саму идею кооперативного дела. А вставшие на пути реализации Закона о предприятии железобетонной стеной 30 тысяч инструкций?

Наряду с уже принятыми Законами «О государственном предприятии (объединении)» и «О кооперации в СССР» существенными могут стать законодательные акты о государственной службе, об управлении народным хозяйством, о научно-техническом прогрессе и качестве, о печати и информации, о профсоюзах и молодежи, об общественных организациях и формированиях трудящихся, пенсиях и другие. Весь перечень следовало бы опубликовать и привлечь к их подготовке широкую юридическую общественность, все население страны, что исключило бы практику их келейного, малопрофессионального формирования.

Все без исключения нормативные правовые акты следует обязательно публиковать в полной редакции, а не в изложении. Должно стать правилом: неопубликованный нормативный правовой акт не имеет юридической силы и исполняться не должен.

Думается также, что рамки статьи 6 Конституции СССР надо существенно расширить. Здесь требуется не только закрепление руководящей и направляющей роли партии в обществе, но и четкое определение функций партии, ее партийных комитетов. Надо установить, какими должны быть структура и штаты аппарата партийных комитетов разного уровня. Представляется обязательным введение в штат помощников секретарей партийных комитетов специалистов с высшим юридическим образованием. Ибо партийные комитеты районного, областного и даже центрального республиканского звена нередко принимают всеобязывающие решения, не сопряженные с действующим законодательством.

И, наконец, правовое государство требует высокого уровня правовой культуры всего населения, и прежде всего руководителей, работников аппарата управления. На февральском (1988 года) Пленуме ЦК КПСС, в Тезисах ЦК партии утверждается необходимость проведения правового всеобуча в стране. Очень уж не хочется, чтобы эта важнейшая акция была скомкана в сиюминутную, эдакую модную кампанию. А к тому, похоже, идет. Взять, к примеру, проводимую ныне аттестацию руководящих работников аппарата Советов, государственных и хозяйственных органов, партийных комитетов, общественных организаций. Подавляющее большинство из них успешно проходит аттестацию, хотя в вопросах общественного развития, демократии, управления и права знания многих не выходят за рамки газетной информации позавчерашнего дня.

Нельзя научиться демократии, не зная права, нельзя без знания юридических норм успешно хозяйствовать, управлять социально-культурным строительством, нельзя эффективно внедрять общественное самоуправление, отстаивать свои законные права, без знания законов нельзя бороться с беззаконием.

В. А. СУМИН,
кандидат юридических наук
Киев

■

Сейчас уже достаточно ясна чрезвычайная важность обеспечения полной гласности и подлинной демократизации на всех уровнях в партии и обществе.

Но вот еженедельно публикуются сообщения о заседаниях Политбюро. На них обсуждаются и решаются только самые важные, а не второстепенные вопросы. Между тем во всех таких сообщениях фигурирует стандартная фраза: «Рассмотрены и другие вопросы...» Какие «другие»? Почему нельзя их указать? Более того: коммунисты вправе знать, какую позицию занимают отдельные партийные деятели по тем или иным вопросам. Не может быть во всех случаях полного единомыслия. Такое возможно только, если участники заседания недостаточно серьезно и заинтересованно ведут обсуждение либо отсутствует свободный обмен мнений, что грозит возникновением очередного культа. Видимость полного единодушия по всем вопросам — привычная показуха. Это лишь рождает всякие сомнительные слухи. Важно знать даже не столько позиции отдельных руководителей, сколько их аргументацию. Тогда каждый коммунист сознательно определит и свое отношение к конкретному вопросу.

То же относится и к информации о Пленумах ЦК КПСС. Думается, что они вообще должны транслироваться в прямой эфир. И нечего опасаться: ведь лозунг «Народ и партия — едины», я надеюсь, не пустой звук.

Представляется также очень важным, чтобы заседания XIX конференции полностью транслировались по радио и ТВ, а стенограммы быстро публиковались.

А что, например, мешает информировать общественность о таких вещах: кто из членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС за какие направления работы отвечает? Мы только строим догадки на основе косвенных признаков. Что здесь секретного? Люди должны, в частности, знать, к кому они могут обращаться со своими предложениями и мнениями.

Было бы неплохо одновременно с назначением или избранием руководителя публиковать статью, содержащую его программу работы и личные взгляды по конкретным проблемам. Ведь каждый крупный деятель не только работник, но и человек, со своими пристрастиями к явлениям культуры, своей оценкой социальных и нравственных вопросов, манерой формулировать и обосновывать свое мнение. Все это характеризует личность, а нам позволит понять, что можно от нее ждать.

Н. И. МУРКЕС,
В. В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
Москва

■

Зачем в обкоме КПСС отдел сельского хозяйства? Есть при облисполкоме Управление сельского хозяйства с огромнейшим аппаратом. Если необходимы секретарю обкома какие-то данные, их ему могут предоставить в исполкоме.

Предлагаю также в небольших городах райкомы КПСС ликвидировать. Кощунство? А может быть, и нет. Усилить горкомы КПСС квалифицированными кадрами, возможно, даже за счет сокращения секретарей райкомов. Скажем, в городе уже нет РК. Есть горком, и в нем несколько групп инструкторов по 4—5 человек, каждая группа отвечает за работу парткомов и парторганизаций в своем районе.

А. Е. ТЮГАЕВ,
участник войны,
член КПСС с 1947 года
Омск

■

Меня давно волнует проблема правового статуса беспартийных. По Конституции, как мы знаем, все советские люди имеют равные права на занятие должности. Однако на практике наблюдаем другую картину. Например, при выдвижении кандидатуры на занятие определенной должности во всех случаях учитывается членство в партии. Тогда как многие беспартийные только по причине отсутствия партийного билета не могут возглавить коллектив или ту или иную отрасль производства. В общественном сознании твердо укоренилась психология — любой ценой вступить в ряды КПСС. Хотя на январском Пленуме ЦК КПСС (1987 года) и было сказано о необходимости активного выдвижения на ответственные посты хороших организаторов из числа беспартийных товарищей, дело, однако, не сдвинулось с мертвой точки.

А. У. СОЗАКБАЕВ
Алма-Ата

■

Хорошо помню день, когда я, еще школьница, с благоговением посетила Мавзолей Ленина — Сталина. По молодости не придала особого значения факту, когда самого «мудрого и великого» перезахоронили. «Все-таки на Красной площади,— подумала я,— значит, достоин!» И только теперь — спасибо апрелю 1985-го и последовавшей за ним гласности, благодаря лавине публикаций и некоторым фильмам — многое поняла и осмыслила. Убеждена, что процесс над культом — и не только над ним одним! — должен продолжаться. Именно с этой целью пора наконец решить вопрос о Красной площади у Кремлевской стены. СЮДА ИДУТ К ЛЕНИНУ! До каких же пор святые для каждого советского человека места будут оскверняться могилами тех, кто дело его предал?! Когда бываю в Москве, вижу и на их надгробиях живые цветы. Не химик ли Андреева, или алхимики, помогавшие ее «литературному труду», их постоянно сюда возлагают? Нам нужно покаяние не только в кино, но и в жизни. Не место на Красной площади даже духу культа, праху ждановской жидкости, разложившимся элементам застоя... Подальше все это от Кремля! Не хочу, чтобы мои сыновья, а в будущем и их дети видели у Кремлевской стены могилы тех, кто недостоин этой священной, окропленной кровью революционеров-ленинцев земли.

Е. М. ЗАРИЦКАЯ,
старший научный сотрудник
Киев

■

Почти полтора года разговоров вокруг запланированных к изданию трудов В. О. Ключевского нашли наконец свое воплощение в первом томе его «Курса русской истории», выпущенном издательством «Знание».

Вопреки опасениям руководства Госкомиздата СССР думаю, что тома эти будут выкупаться подписчиками очень исправно. Ключевского прочтут многие. Прочтут, едва только обнаружат в тексте вместо сухой материи действительную поэзию. Вместо, например, слов о сильно изрезанной береговой линии — «каменное кружево Европы», а вместо предсмертного завещания Ярослава — авторский полупоклон: «Вы, наверное, читали его еще в гимназии, и я его не повторю». Оно отечески задушевно, но очень скудно политическим содержанием».

Неожиданно в этом свете скажется толстовское замечание, адресованное Ключевскому: «Хитрый, читаешь — будто хвалит, а вникнешь — обругает».

Но очень скоро сквозь теплую поэтическую дымку, окутывающую текст, проберется к нам, в наше сегодня, необходимый вопрос. Читаем: «...обратите внимание на географическое положение этих выделенных княжеств»... Увы. Издать «Курс русской истории» и не снабдить его картами — все равно что выстроить замечательно точный хронометр и забыть о циферблате к нему.

Нелепо, но именно так все и случилось. Обидно. Тем более что карты событий русской истории вообще труднодоступны, не изданы как следует даже для нужд средней школы.

Предвижу, как разведут руками редакционные работники, дескать, что ж теперь, после драки-то... И понимаю, как трудно внести изменения в начатое издание. Но здесь изменения эти необходимы. Карты в конце концов могут быть отпечатаны как приложение к одному из очередных томов и вклеены подписчиками самостоятельно. Экономические издержки сторицей вернутся через культуру, идеологию.

Пора уже делом подтвердить понимание того, что повышенный интерес к истории Отечества сегодня не праздное любопытство. Он стимулирован общей перестройкой, оживлением нашего общества. «Определяя задачи и направления своей деятельности,— писал все тот же В. О. Ключевский,— каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином».

Так давайте действительно способствовать этому. Если уж взялись.

Евг. КАНЧУКОВ
Загорск Московской области

Наш адрес:
101456,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

КОМПАС ЭКОНОМИКИ: КУДА КЛОНИТСЯ СТРЕЛКА?

Павел БУНИЧ,
член-корреспондент АН СССР

ПОСЛЕ АПРЕЛЬСКОГО (1985 г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС, ОТКРЫВШЕГО ПРОЦЕСС ОБНОВЛЕНИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА, ПРОШЛО НЕМНОГИМ БОЛЕЕ ТРЕХ ЛЕТ. XIX ВСЕСОЮЗНАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОЦЕНИТ ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ, ДАСТ ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ ПЕРЕСТРОЙКЕ. КАК ИДУТ ДЕЛА В НАШЕЙ ЭКОНОМИКЕ? ЧТО РЕАЛЬНО ДОСТИГНУТО? ЧТО ПОКА НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ? КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ? ЭТИ ВОПРОСЫ СЕЙЧАС ВОЛНУЮТ ВСЕХ. В КАНУН ОТКРЫТИЯ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОГОНЕК» ПРЕДОСТАВИЛ СТРАНИЦЫ СВОЕМУ ПОСТОЯННОМУ АВТОРУ, ИЗВЕСТНОМУ ЭКОНОМИСТУ П. Г. БУНИЧУ, ДЛЯ ОБЗОРНОЙ СТАТЬИ О ДОСТИЖЕНИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ.

Читая журналы и газеты, вижу, как разгибается человек, как постепенно восходит к открытости, порядочности, достоинству; как вырывается на свободу и сбрасывает ржавчину ранее зажатая пружина социальной активности, гражданственности. Но можно ли добиться полного и массового психологического раскрепощения, стать личностью только на честнейших социально-политических откровениях, без фундамента, делающего каждого из нас хозяином в главной сфере — в экономике? Реально ли раскрывать и возвышать свой творческий потенциал, попадая под бередящий душу прессинг прессы и в то же время видя, что на работе почти все остается прежним; простаивая, как и раньше, в очередях, страдая благоSOSтоянием, недопустимым для представителя великой державы. Кто-то впадает в панику, предрекает крах, кто-то ностальгически вздыхает о прошлом. Параллельно не смолкает хор другой части средств массовой информации, умиляющейся «достигнутыми успехами», трудно согласующимися со скромными результатами, а также тех, кто говорит, что общество идет в гору медленно, но быстрее никак нельзя.

Общественно-экономическая проблематика в дефиците. Еще больше диспропорция между ее критическим и конструктивным слагаемыми. Не в смысле избытка критической гласности; в сравнении с нашими безобразиями ее мало. Специфика нынешних публикаций — разоблачение культового социализма. Переоценка истории современна. Любой негатив — перевернутый позитив. Даже «чистая» критика созидательна. Обнажения врачуют старые раны. Головы людей больше не служат хранилищем «краткого курса».

Анализ прошлого показывает дефекты впервые формировавшегося общественного устройства, позволившие появиться перерожденческим отношениям, неслыханным злоупотреблениям властью, геноциду. Самостоятельная газетная статья влекла за собой статью уголовную. Наблюдательный владелец фотокамеры прямиком переселялся в камеру тюремную. «...Наиболее квалифицированная часть старой технической интеллигенции была заражена болезнью вредительства»,— утверждал Сталин И. В. Поэтому специалисты по технологическим процессам перемалывались процессами агро- и промпартий. Строй, больной диабетом, запретные плоды не терпел. Сидели и лежали миллионы. Обещания и статистика противоречили действительности. Шагали «с песней по жизни» («по» — не оговорка), «никогда и нигде не пропадали» (если не считать тех, кого уж не было).

Политика, как известно,— концентрированное выражение экономики. Примерно с 1928 года в хозяйстве началась сплошная централизация. Действовала установка: «...крупные зерновые хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли, что опять-таки создает благоприятные условия для развития крупного зернового хозяйства» (Сталин И. В.). На низкую доходность нацеливались все соцпредприятия сельского хозяйства, ибо крупными в то время называлались практически все совхозы и колхозы в отличие от мелких индивидуальных хозяйств. Та же идеология относилась к промышленности. Ее отрицательные практические результаты не замедлили сказаться. Хозрасчет подавлялся плановой разнарядкой. Принцип общего котла нанес удар и по совхозам. «...Если сопоставить громадные вложения государства в дело совхозов с нынешними фактическими результатами работы совхозов, то получается громадное несоответствие к невыгоде совхозов» — снова цитируем вождя. Казалось бы, цель достигнута, все по теории. Но ситуация оценена как негативная. В качестве выхода из положения главный автор создания крупных хозяйств предложил их разукрупнение. Хозрасчет не назывался даже в виде лозунга, хотя деньги признавались на весь период социализма. Позднее был реабилитирован закон стоимости «в преобразованном виде», то есть в свернутом...

Конструкции новой экономики еще в пути. И теоретические, и особенно практические. Дополнительная трудность состоит в том, что современный этап требует не только преодоления прежних ошибок, но и значительного продвижения вперед. Идеалы нового хозмеханизма много сложней и «тоньше», чем формировавшегося в ленинское время. Революция — не репродукция. Экономический ренессанс создает новый мир, возрождает и приумножает исторические ценности на последующем витке спирали, как и эпоха, породившая сам термин. Сейчас отстает даже «восстановительный» процесс, хозяйственное начало как таковое. Потребность в нем звучит в нарастающем подземном гуле, в мощных толчках, вырывающихся наружу. Что же действительно происходит на «материке»? Очаговые и небольшие перемены, напоминающие ранее, в 1965, 1979 годах проведенные реформы, не перешедшие, как известно, в глубокие, не давшие качественной подвижки. Чтобы победить старое, надо вырвать его корень: добраться до основ. Корень зла должен быть заменен корнем добра. Борьба с поверхностными «нишами» командно-бюрократического устройства способна нанести ему лишь небольшой и кратковременный урон.

Исходная позиция «придержания» нового хозмеханизма состоит в том, что осуществляемый ныне пятилетний план разработан применительно к старым методам управления и поэтому якобы только ими может быть выполнен. Из этого следуют частные производные.

Первое. Отчисления предприятий в бюджет определяются как остаток после того, что им намечено сверху на нужды пятилетки. Если предприятие высокорентабельно, но высшие этажи считают, что пора бы ему остановиться в дальнейшем процветании, то у такого предприятия можно в доход общества изъять до 90 процентов прибыли. В распоряжении коллектива остаются одни фонды поощрения, исчисленные путем умножения их небольшого среднепромышленного душевого норматива на число занятых. Выделяются также скромненькие фонды развития производства, науки и техники. Если предприятие малорентабельно, но пятилетка намечает его форсированный рост, то за коллективом сохраняется почти вся или даже вся прибыль. Бюджет ограничивается минимумом взносов или нулем. Если, наконец, предприятие не покрывает своих расходов, убыточно, но по пятилетке должно жить и продолжать приносить убытки, то, чтобы коллектив не отказался работать на таком предприятии, не пострадал не дай бог в заработках и прочих доходах, бюджет предоставляет ему дотацию, которая, как буксир, везет социального иждивенца в одной колонне с предприятиями-созидателями.

И это называется самофинансированием по «индивидуальным нормативам». Их пытаются оправдать и гримасами действующих цен, озолачивающих одних и загоняющих в убытки других. Но главное не в ценах, а в диктате пятилетки. «Индивидуальные нормативы» — антипод самофинансирования, их вернее считать скрытым (нормативным) перераспределением средств от хороших предприятий к плохим. В этом одна из основных причин того, что бюджет забирает почти три четверти национального дохода и столько же раздает. Вся эта насосная перекачка ставит в лучшие условия худших и карает передовиков, стимулирует циркуляцию от высокой эффективности к низкой, сверху вниз, а не снизу вверх. Когда самофинансирование суть уравнительное кормление, тогда не действует экономический естественный отбор. За последние годы в СССР закрыли несколько бесплодных НИИ, один вуз, кое-какие никудышные предприятия подсоединили к хорошим. Но эти безобразия вскрыты и преодолены благодаря наведению элементарного порядка, а потому заслуживают демонстрации на передвижных выставках как реликвии.

Второе производное. Заданностью пятилетки оправдывается ущербный порядок безвозвратного и безвозмездного перераспределения между предприятиями их амортизационных фондов. Раз в пятилетнем плане такой порядок заложен, значит, он должен окаменеть. А то, что подобный порядок — вопиющий беспорядок, новая пробоина в самофинансировании — это мелочь по сравнению с «преимуществами» гарантирования пятилетки.

Третье производное. Когда стимулы молчат, говорят антистимулы. Без сильного хозрасчета трудовые коллективы, права которых несколько расширились, направляют свою энергию на вредные цели — стараются занизить планы. Что толку, если они будут напряженными? «Лишние» деньги все равно отберут. А если преуменьшенными, то недостающие — добавят. Палка надломилась, а пряника нет. Остается одно из двух: либо починить палку, либо выдать пряник, но не номинальный, а реальный, весомый. Лишь второй путь ведет вперед. Но сопряжен с риском. Вот и пошли по накатанному первому пути: возродили централизованный прессинг под кодовым названием «госзаказ». Дескать, не на месте топчемся, а перестраиваемся, не скромно эволюционизируем, а бежим впереди прогресса.

Нынешний псевдогосзаказ, как и подобает госзаданию, покрывает всю площадь производственных возможностей и даже кое-что сверх нее. Если речь идет о подлинном госзаказе, то он призван сам себя стимулировать — дотациями, налоговыми и другими льготами. Сейчас же госзаказ то выгодный, то невыгодный. Но поскольку «излишние» деньги утекут, а недостающие притекут, то к госзаказу безразличны. За ним если и гоняются, то из-за преимуществ в снабжении, которые, к слову, тоже недостаточны, как и для прежних госзаданий. Тут уместно сказать, что заказывающий музыку не только платит деньги, но и обеспечивает музыкантов музыкальными инструментами. Ныне госзаказы подкрепляются барабанами и трубами, но в оркестре не хватает смычковых. Симфония становится какофонией. Госзаказ по определению вроде бы гарантирует сбыт. Но теперь госзаказы, как и госзадания, сбыта не гарантируют.

Эти недостатки критикуются в розницу, но их совокупность ведет к ущербу, превышающему сумму слагаемых. С плановых высот раздаются обещания умерить аппетит госзаказов. Предлагается, в частности, исключить из них

внутриминистерский оборот, выдавать только на конечную продукцию. Однако госзаказы на заключительном витке производства предопределят промежуточные переделы, включая внутриминистерские поставки. Они по-прежнему закабаляют народное хозяйство. А кто виноват? Отсутствие хозрасчетных стимулов к производству снизу. Подогнанные под пятилетку нормативы.

Четвертое производное. Коль скоро пятилетка расписала все ресурсы, то для оптовой торговли средствами производства остается кое-что из перевыполнения плана, что-то из фондов, высвободившихся в связи с сокращением спроса предприятий, где поближе подошли к самофинансированию или наивно поверили в него, немного за счет централизации материальных ресурсов группы предприятий на территориальных базах, в результате чего их снабжение стало надежнее и завышенные на всякий случай заявки начали «худеть...». Но если ресурсы выдаются центром, то, естественно, центр определяет и их выпуск. А при заданности поставок «на входе» предприятий и продукции «на выходе» из них права коллективов сводятся к движению незавершенного производства или, как говорят кибернетики, к правам внутри «черного ящика».

Пятое производное. Тяжелая рука пятилетки легла на горло внешней торговли. Ее масштабы определены остаточным методом — после удовлетворения нужд внутреннего рынка. Хотя многие товары выгоднее бы продать на внешнем рынке, а на вырученную валюту закупить другие и лучше насытить ими внутренний рынок. Предприятия призывают развивать внешнюю торговлю, особенно кооперацию и совместную деятельность. Но как это сделать, если коллективы повязаны и перевязаны госзаказами? Остатки, конечно, сладки, но сыт ими не будешь. Чтобы не колебать пятилетку, к ней пригнаны и методы пересчета валютной выручки в наши рубли. Для стимулирования эффективных экспорта и импорта установлено, что контрактные цены непосредственно должны сказываться на хозрасчете предприятий. Продали лучшую продукцию по высоким ценам — получили большую выручку и во внутренней валюте, продали худшую — выручка упала; возможно, не покроются даже затраты, произведенные в рублях. Но для таких сопоставлений выручка также должна иметь рублевое выражение. Как же пересчитать, например, доллары в рубли, по какому курсу? По официальному? Об этом неудобно даже говорить. И вот введены так называемые дифференцированные валютные коэффициенты, механически переводящие внешние цены во внутренние: высока внешняя цена и низка внутренняя — коэффициент работает на понижение, низка внешняя цена и высока внутренняя — на повышение. Таких коэффициентов тысячи, они колеблются от 0,2 до 6,6. Кроме того, по многим товарам коэффициенты носят индивидуальный характер, уходя от группового. Внешняя торговля уравнивается с внутренней, никакие ее улучшения и ухудшения на положение предприятий не влияют. По сути, все осталось как раньше, когда внешнеэкономические показатели и не пересчитывались. Зачем же такая игра? Затем, что сохранение «статус-кво» никак не толкает предприятия на пересмотр пятилетнего плана, на новые контакты и контракты.

Шестое производное. Невеселые перспективы и у банковского кредита. Увеличить его ресурсы нельзя, ибо все «лишние» деньги прибрал бюджет, расширять банковские вложения нет нужды — все основные объекты профинансированы тем же бюджетом, министерством, а также с помощью подгонки под план финансовых нормативов. Повысить проценты невозможно — в расписанной по назначениям прибыли средства для этого отсутствуют. Обложенные со всех сторон поборами предприятия, получающие дозированное финансовое питание, почти отрезаны и от коммерческого (фирменного) кредита — его ни дать ни взять.

Плохо, когда самостоятельность подменена проформой. Не лучше, когда права даны, а условия для их действия отсутствуют. Разрешили предприятиям применять договорные цены на новую технику. Однако кислород перекрыли те же госзаказы. Их оплата, как правило, производится по прейскурантным ценам, а коль скоро заказы заполонили все хозяйство, договорным ценам некуда протиснуться. Некоторые трудовые коллективы не согласились с искажениями сути госзаказов, обратились в арбитражи. Но, насколько мне известно, третейские судьи отказались разбирать такие претензии.

А почему? Может быть, потому, что они живут своим законом? Устаревшее настоящее время не торопится стать прошлым. «Уралмаш» добился, что бюро Совета Министров СССР по машиностроению исправило явный абсурд. Других «победителей» не видно. Или их очень мало.

Технический прогресс требует высвобождения трудовых ресурсов. Нужно также увольнять лодырей, нарушителей дисциплины. Кто пытался это сделать хоть раз, тот знает, что такое — себе дороже. Не счесть невосполнимых затрат госпредприятий и организаций, направляющих механизаторов, студентов и профессоров на уборку урожая. Чтобы нормализовать столь ненормальные взаимоотношения, определено, что город выполняет сельхозработы за плату. Если кому-то известны факты массового перехода к такой практике — просьба сообщить.

А сколько изменений, в которых нового вообще нет? Или оговорок, сводящих новое на нет? Заявлены две формы хозрасчета. Определяющим элементом в обоих случаях выступает чистая продукция — выручка от реализации товаров за вычетом материальных затрат. Она распределяется на оплату труда (фонд зарплаты вместе с фондом материального поощрения) и хозрасчетные накопления (формы производственного и социального развития). Скажем, чистая продукция 100. При первой форме хозрасчета из нее сначала вычитается фонд оплаты труда. Это делается с помощью особого норматива, равного, например, 60 процентам. В остатке оказывается фонд накопления — 40. При второй форме, наоборот, изначально задается норматив фонда накопления — 40 процентов. В остатке получается фонд оплаты труда — 60. Механизм изложен несколько упрощенно. Однако подробности не меняют вывода о том, что обе формы хозрасчета дают в основном одинаковый результат. Если бы при второй форме отсутствовал норматив накопления (обратный нормативу оплаты), тогда она оказалась бы действительно новой. И, пожалуй, единственной, потому что лучшее — враг хорошего.

Закон гласит, что предприятия сами определяют численность работников, их профессиональный и квалификационный состав. Единственное, что в принципе должно ограничивать эту численность,— объем фонда оплаты труда, вытекающий из реально вырученного дохода. Существующее сейчас ограничение на первый взгляд совпадает с изложенным, но по сути совсем иное. Численность и состав работников вынуждены вписываться в фонд оплаты, в основе которого лежит его прошлогодняя величина, а в ее основе — позапрошлогодняя и т. д., до первого дня творения. Кто однажды сумел выторговать вольготное штатное расписание, заполнить его должностями с высокими окладами — тот обеспечил себе пожизненное льготное существование. Другой парадокс состоит в том, что запланированный фонд зарплаты действует в виде процентного норматива к нормативной чистой (товарной) продукции. Чем больше на практике этой продукции — тем выше оплата труда. А вот если предприятия снижают материальные затраты, то объемы производства могут не увеличиться, фонда зарплаты не прибавится, нечем окажется платить за экономию рабочим. Как платят — так и экономят. Сохранены многие централизованные нормативы, регламентирующие надбавки к оплате отдельных работников, предельные размеры премий для бригад, руководителей предприятий. Прошлое, как видим, определяет даже будущее.

Внешнеторговые объединения переведены на хозрасчет. Вместо государственного пансиона они живут на комиссионные, полностью покрывающие их сметы, независимо от эффективности работы, и выплачиваемые... государством. Экономия затрат ведет к росту прибыли, мизернейшая доля которой (3—5 процентов) увеличивает фонды стимулирования. Непременное условие образования этих фондов в плановых суммах — выполнение плана по валютной выручке. Сможешь занизить этот показатель — и позиция передовика обеспечена. Учитывая возможность снижения мировых цен на экспортируемые товары, внешнеторговым объединениям выгодно преуменьшить план по валютной выручке в большей мере, чем предприятиям, реализующим изделия на внутреннем рынке по запланированным ценам.

Из фондов стимулирования увеличить основные затраты нельзя — они лимитированы. От валютной выручки объединению ничего не оставляется. Весь остаток прибыли перечисляется государству. А намерения и решения были радикальными...

Высокие платежи в пользу министерств даются предприятиям, имеющим большую и стабильную прибыль. Из нее министерства присваивают порой до 50 процентов. Таким предприятиям соответственно снижают платежи в госбюджет, которые перелагаются на малодоходных и ненадежных плательщиков. Увидев это, центральные органы сделали коррекцию: бюджет, как правило, не должен получать меньше министерств. Если эту коррекцию выполнять, передовые коллективы понесут двойную нагрузку. Но выполнять ее надо не всегда, а «как правило». Хорошая лазейка для обхода нового решения и для удовлетворения ведомственного эгоизма. Именно такие формулировки ведут к тому, что закон превращается в дышло, которое можно поворачивать в удобном направлении.

Медленное продвижение вперед, топтание на месте... Делаются и шаги назад. Когда-то действовало правило: нормативы отчислений в фонды стимулирования от сверхплановой прибыли должны быть выше, чем от плановой. Введено оно было из благих побуждений, чтобы увеличить сверхплановую прибыль. А что получилось? Коллективы стали еще более занижать планы по прибыли с тем, чтобы «перекачивать» все бóльшую ее часть в сверхплановую. Прибыль оставалась прежней, а поощрение увеличивалось. Теперь такой беспорядок возрожден. Нетрудно догадаться, к чему он приведет. Еще пример. Решили устранить промежуточное звено между предприятиями и министерствами. А пойти бы дальше: а зачем предприятиям министерства? Может, превратить их в отраслевые отделы Госплана?..

Примеров множество. Не удержусь и приведу недавний — из внешнеэкономической области. На ряде крупных предприятий, получивших право прямого выхода на внешний рынок, созданы внешнеторговые фирмы, а для обслуживания предприятий, пока не имеющих такого права,— внешнеторговые объединения отраслевых министерств. Хорошо и логично? Гладко только на бумаге. Объединения министерств пытаются возродить прежние «овраги» — вместо обслуживания фирм разными услугами на хозрасчетной основе они начинают командовать ими. Законы святы, да исполнители лихие супостаты. Дома вроде бы новы, да предрассудки стары.

Говорим: можно все, что не запрещено. И превосходно говорим. Но по сей день — все запрещено. Прежде всего — пятилеткой. И не только ею, а и ведомственными амбициями. К примеру, коммерческий кредит Законом о госпредприятии не запрещен, значит?... Да ничего это не значит. Заместитель председателя правления Госбанка СССР пишет в «Экономической газете»: «Госбанк СССР предполагает с учетом результатов деятельности предприятий в условиях хозяйственного расчета и самофинансирования, а также итогов проводимого **эксперимента по использованию коммерческого кредита** (подчеркнуто мною.— **П. Б.**) более обстоятельно (чем кто? — **П. Б.**) рассмотреть вопрос о **расширении** (подчеркнуто мною.— **П. Б.**) коммерческого кредитования...». Так что до соблюдения свобод из Закона о госпредприятии надо еще дожить. А пока предприятия продолжают быть независимыми, в том смысле, что от них ничего не зависит. Они остаются в подчинении министерств (можно ли быть «полностью самостоятельными» и в то же время подчиненными?). Гигант опутан невеликим множеством запретов, которые от этой своей невеликости не становятся легче. Можно одной толстой веревкой связать сильнее, чем десятками тонких. Даже если эта веревка ловко подделана под экономический метод управления. В свое время сады, как известно, вырубили не прямые запреты, а чрезмерные налоги.

Но если нет полной самостоятельности — нет и полной ответственности. А нет ответственности — нет и заинтересованности в эффективности работы, в проявлении предприимчивости, в выдумке, в поиске путей к «сердцам» потребителей. Середины не бывает. Система или новая, или старая. К этому следует добавить, что действие многих реформ растянуто или отсрочено. Тут и кредитные отношения, ценообразование, рынки средств производства и ценных бумаг, обратимость рубля, обучение менеджменту, формирование системы прогнозирования трудоустройства высвобождающихся работников.

На их подготовку действительно требуется время, предварительное накопление материальных предпосылок. Короче говоря, радикальная реформа длится в течение переходного периода, достаточно длительного. Ведь старый хозмеханизм складывался не менее шестидесяти лет. За исключением трещин по фундаменту он монолитен, сейсмостоек, способен к сопротивлению, занял круговую оборону. Как бы мы ни поспешали, создание нового хозмеханизма — это процесс. Но, разумеется, предельно короткий. Сейчас этот процесс удлиняется. В первую очередь из-за того, что реальные сдвиги в госсекторе меньше их потенциала. Поэтому мы лишь вошли в переходный период и сразу же, за порогом, притормозили шаг.

Посмотрим на результаты. Их можно характеризовать по принятой схеме: успехи, недостатки. Приводить обтекаемые формулировки о невыполнении заданий по отдельным видам изделий отдельными предприятиями, министерствами, республиками. Мы умеем читать такие отчеты, видеть, что в кадре, а что за ним. Но всему свое время. Время создавать и разгадывать ребусы. Время раскрывать сухой экономический остаток.

Чтобы перевести экономику в новое качество, нужно как минимум выполнить намеченные пятилетние задания. Причем не формально, по валу, а по полезным изделиям. Некоторые положительные сдвиги есть, их нельзя не видеть. До начала перестройки рост производства, его эффективности, жизненного уровня населения, как известно, приостановился, теперь повысились темпы роста промышленного производства, обновления продукции, усилилось снижение себестоимости, замедлилось падение фондоотдачи, страна

Продолжение на стр. 29.

АУКЦИОН СОТБИЗ: ЛОНДОН-МОСКВА

7 июля 1988 года в Москве произведения советских художников будут продаваться на международном аукционе, организованном фирмой Сотбиз.
Сотбиз — крупнейшая в мире аукционная фирма, специализирующаяся на торговле произведениями искусства. Годовой оборот компании превышает 800 миллионов фунтов. Компания имеет филиалы в 24 странах, ее представительства открыты в 60 городах мира. Две главные штаб-квартиры — это Лондон и Нью-Йорк, крупные филиалы находятся в Монако и Швейцарии. В среднем через аукцион ежегодно проходят 250 тысяч предметов, некоторые из них продаются по неслыханным ценам. Стоимость полотна Ван Гога «Ирисы», проданного в Нью-Йорке в ноябре 1987 года за 53 миллиона 900 тысяч долларов (или 30 миллионов 187 тысяч фунтов), побила все рекорды.

Елена БЕСПАЛОВА

В центре Лондона есть тихая улица Нью-Бонд-стрит с изысканными магазинами модельеров и частными картинными галереями. Здесь, в доме № 34-35, находится старейший, основанный в 1744 году аукцион Сотбиз. Лондонский гид не преминет рассказать вам, что до того, как Сотбиз переехал сюда в 1917 году, здесь была мастерская французского художника Гюстава Доре.

Первое, что замечает посетитель при входе в это трехэтажное здание XVIII века,— каменное изваяние львиноголовой египетской богини, укрепленное на фасаде. С этой скульптурой XIV века до н. э. связана курьезная история. Эта базальтовая полуфигура, найденная на лондонском мосту Ватерлоо, была представлена к продаже на аукционе Сотбиз, продана за 1 фунт (?!). Покупатель так и не востребовал приобретение. Сотбиз, выплатив ее невеликую стоимость продавцу, приобрел это древнее изваяние, ставшее символом и талисманом фирмы.

Лондонская штаб-квартира Сотбиз располагается не только в здании, охраняемом львиноголовой богиней. Сотбиз принадлежит и несколько соседних домов — примыкающих к основному и расположенных через дорогу, в которых разместились отделы викторианского искусства и книг.

В Сотбиз приходят клиенты, если они хотят получить консультацию, уточнить атрибуцию и датировку, узнать предполагаемую стоимость принадлежащей им вещи. Эксперты Сотбиз — это люди высочайшей квалификации, слава и гордость фирмы, им принадлежит множество открытий.

Из последних достаточно назвать произведение североитальянского живописца раннего Возрождения Андреа Мантеньи «Святое семейство со святой Елизаветой и Иоанном Крестителем» (XV в.) и полотно венецианского живописца Джованни Антонио Каналетто «Венеция. Въезд в Большой Канал» (XVII в.).

Есть здесь и отдел русского искусства. В просторной комнате, но кажущейся тесной из-за нагромождения ящиков с книгами — недавний переезд,— жду главного консультанта отдела Джона Стюарта. В комнату экспертов быстрой походкой вошел с мотоциклетным шлемом в руке и в кожаной куртке рокера крупнейший знаток русского искусства, основатель русского отдела в Сотбиз доктор Джон Стюарт. Он сбрасывает куртку на ящик с книгами и предстает в безукоризненном официальном костюме. Отодвинув эмалевые табакерки, серебряные соусники и бронзовые статуэтки, освобождаем на столе место для магнитофона. Интересно, что в разговоре все русские имена и названия Стюарт произносит по-русски без малейшего акцента. Заметив, что мне что-то непонятно, он тут же дает пояснения по-русски.

— Расскажите о продаже произведений русского искусства на западных аукционах.

— Первые аукционы состоялись в Нью-Йоркском отделении Сотбиз. Их успех вызвал интерес к вашему искусству. И когда в лондонском Сотбиз решили организовать отделение русского искусства, то фирма обратилась ко мне за помощью, зная о моих «русских увлечениях». Многочисленные поездки в Россию, работа в реставрационном центре имени Грабаря, замечательные учителя — а многие искусствоведы стали моими учителями, друзья в русских музеях — позволили мне глубже узнать русское искусство. Так, в 1977 году я стал сотрудником этого отдела аукциона Сотбиз в Лондоне. С тех пор продажи произведений русского искусства стали регулярными как в Лондоне, так и в Нью-Йорке. Нью-Йоркское отделение специализируется в основном на продаже произведений прикладного искусства, например, художественных эмалей. В Нью-Йорке русское искусство олицетворяет продукция ювелирной фирмы Фаберже. В Лондонском отделении мы подходим шире, обращая внимание на все аспекты художественной культуры. Нас интересует русская живопись XVIII — XIX веков, русские иконы, авангард, а также произведения современных советских художников.

— Как складывается художественный рынок на произведения русского искусства?

— Самая удивительная особенность — это полное отсутствие на нем русских. Ни СССР, ни советские музеи, ни частные лица в нем не участвуют. Нам бы хотелось сделать так, чтобы в аукционах русского искусства участвовали русские. Помню, несколько лет назад на аукционе Сотбиз распродавалось большое собрание раннего русского серебра, принадлежавшее коллекционеру русского происхождения, жившему и умершему в Париже. На эту продажу я пригласил сотрудников советских музеев Постникову-Лосеву и Камелову. Им удалось купить несколько первоклассных произведений, в том числе серебряную чарку Петра I. Но такое участие, к сожалению, пока единичный случай.

— Как относятся к нашему искусству на Западе?

— К сожалению, оно мало известно широкому зрителю. В то время, как «Ирисы» Ван Гога продаются за 30 миллионов фунтов, стоимость полотна Константина Маковского «Девушка в кокошнике» не превышает и пяти тысяч фунтов. Я не сравниваю художественные достоинства произведений, я сравниваю порядок цен. За последнее время в Англии не было ни одной значительной выставки, которая могла бы ввести западного зрителя в богатейший мир русской художественной культуры. Были небольшие выставки, например, «Советский текстиль и фарфор 1920 годов» в Оксфорде и Лондоне. Но они дают лишь фрагментарное представление о русском искусстве. Были выставки побольше, не оправдавшие, однако, своих пышных названий. Для западной публики, избалованной первоклассными экспозициями, «Сокровища Кремля» должны были быть действительно сокровищами Кремля. Но здесь разочарованный посетитель не увидел ни Шапки Мономаха, ни знаменитой иконы Владимирской Богоматери. Пожалуй, одной из немногих выставок, вводившей неподготовленного западного зрителя в контекст русской культуры, была экспозиция, организованная Сергеем Дягилевым в 1906 году в Париже, когда он вывез в Европу свыше 500 прославленных произведений русского искусства, включая — и это было сделано впервые — русские иконы. По значению с дягилевской, пожалуй, может сравниться только выставка «Париж — Москва», «Москва — Париж» 1979—1981 годов.

— Как попали на Запад произведения, которые продаются на аукционе?

— Раньше для искусства не было границ, затем значительная часть произведений была продана Советским правительством в 20—30-е годы, часть попала на Запад в результате фашистских грабежей. Часть произведений была создана художниками, подолгу жившими и работавшими на Западе, такими, как Карл Брюллов, Сильвестр Щедрин, Василий Верещагин, Илья Репин, и другими.

— Как вы считаете, могут ли советские музеи участвовать в торговле произведениями искусства на международном рынке?

— Конечно, могут. Во-первых, музеям могли бы просто выделяться деньги для покупки произведений или документов, иногда недорогих, но важных для пополнения музейных коллекций. Во-вторых, советские музеи, продавая второстепенные вещи из своих фондов, могли бы покупать на международном рынке то, чего недостает их коллекциям для полноты и представительности. Кстати, они могли бы приобретать сигнализацию, осветительные приборы и другое оборудование. В запасниках советских музеев хранится великое множество икон невысокого художественного уровня, подчас не представляющих музейной ценности, но интересных для частных коллекционеров. Часть из них могла бы быть продана. В то же время коллекция византийских икон в Эрмитаже начиная с 20-х годов не пополнилась ни одним значительным произведением, а на аукционах они продавались по сравнительно низким ценам.

— Как могут музеи распродавать свои коллекции, ведь их функция — сохранять наследие для народа, сделать его доступным...

— Да, я считаю это важнейшей функцией музеев, особенно сейчас, когда столько произведений находится под угрозой уничтожения. Но в моем представлении искусство должно жить активной жизнью и участвовать в жизни людей. Материал, хранящийся в фондах музеев, порой подобен кладбищу искусства, он совершенно не известен широкой публике, труднодоступен для специалистов. Я бы вообще воздержался от проведения разграничительной линии между музеями и коллекционерами, музеями и аукционами. Чем была бы Третьяковская галерея без Павла Третьякова, чем был бы Русский музей без Марии Тенишевой, Лихачева, музей Тропинина без Феликса Вишневского? Музеи многим обязаны частным коллекционерам.

Нельзя забывать, что богатейшие коллекции западного и восточного искусства Эрмитажа, музея имени А. С. Пушкина и других музеев были куплены. Я полностью разделяю естественное стремление каждой страны вернуть шедевры на родину, есть произведения, без которых художественный облик страны будет неполным, но в этом отношении нужно быть диалектиком, нельзя забыть, что искусство — лучший посол. Мы восхищаемся греческим народом, как создателем искусства, которое легло в основу европейской цивилизации. Византийские иконы создавались, чтобы быть миссионерами православия. Вспомним икону Владимирской Богоматери, созданную в Константинополе и ставшую святыней Московской Руси.

— Что вы думаете об аукционе современного советского искусства в Москве?

— Это хорошая идея. Россия всегда поражала Запад всплесками творческой энергии. Интерес к современным течениям советской живописи очень велик на Западе, где есть очень серьезные коллекционеры современного искусства...

* * *

Лондонское отделение аукциона Сотбиз возглавляет лорд Гаури, в прошлом представитель Великобритании в ООН, затем министр культуры в правительстве Маргарет Тэтчер. Лорд Гаури — автор нескольких исследований, посвященных современному искусству, в том числе монографии «Британская живопись XX века».

По запутанным коридорам с трудом нахожу кабинет директора. Через приемную, оснащенную компьютерами и украшенную первоклассными произведениями искусства, прохожу в небольшой, обставленный в английском вкусе, кабинет с видом из окна, который может заменить любую картину. Следом появляется лорд Гаури. Он разводит руками: «Вторник — целый день заседания». Он не совсем соответствует нашим представлениям о человеке, имеющем за плечами столь богатую событиями карьеру — слишком молод,— но вполне соответствует нашим представлениям о том, как должен выглядеть лорд. Сразу приступаем к беседе.

— Вы собираетесь открыть филиал аукциона Сотбиз в Москве?

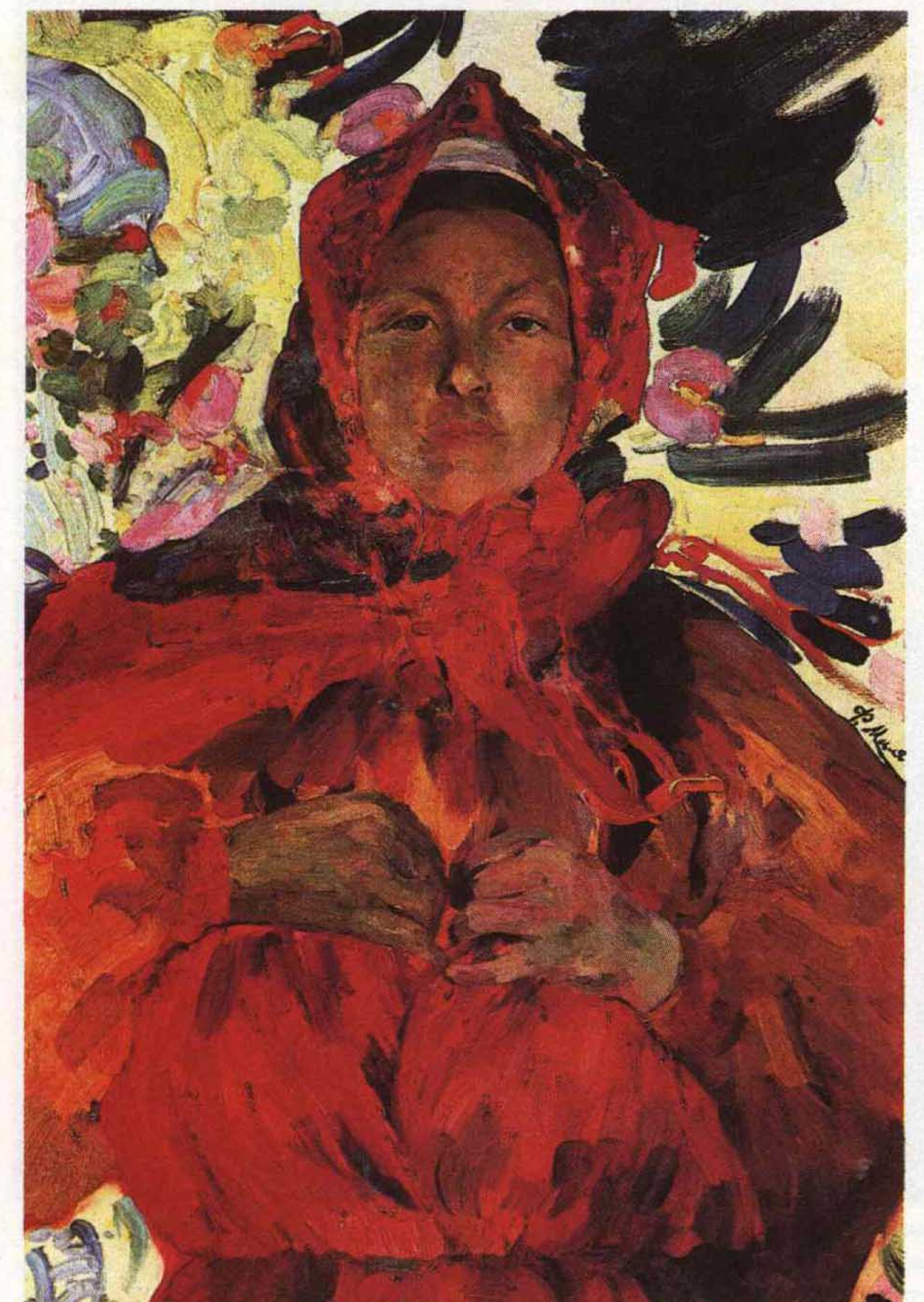
— Нет, но аукцион Сотбиз достиг волнующей фазы, позволяющей начать тесные взаимоотношения с художественным миром России. В то время, когда я был министром культуры, у меня установились контакты с советскими музеями и Министерством культуры СССР, сейчас у нас завязываются отношения с Советским фондом культуры, чья главная задача, насколько я понимаю,— привлечь как можно более широкие круги общественности к развитию культуры, изыскать возможности для приобретения национальных реликвий, находящихся за пределами СССР, и произведений высокой художественной ценности, необходимых советским музеям. Укреплению этих зарождающихся или, лучше сказать, возрождающихся отношений с частными коллекционерами, музеями и государственными учреждениями и был посвящен мой визит в Москву под рождество.

— Что является главной задачей деятельности аукциона — помочь клиенту купить и продать произведение искусства?

— Это важная, но не единственная функция аукциона. Наши сотрудники дают экспертное заключение о произведениях, их работа способствует изучению целых областей искусства, расширяет знания об искусстве.

К. Е. МАКОВСКИЙ. ДЕВУШКА В КОКОШНИКЕ.
Полотно было продано на аукционе Сотбиз в Лондоне 1 мая 1987 года за 5 тысяч фунтов.

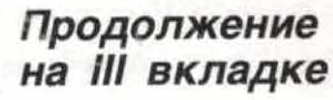
Винсент ВАН ГОГ. ИРИСЫ.
Картина продана на аукционе Сотбиз в Нью-Йорке в ноябре прошлого года за 30 миллионов 187 тысяч фунтов — рекордная сумма за произведение живописи.

Пасхальное яйцо «ПЕТУШОК» русской ювелирной фирмы Фаберже продано на аукционе Сотбиз в Нью-Йорке в 1985 году за 1 миллион 760 долларов.

Ф. А. МАЛЯВИН. РУССКАЯ ДЕВУШКА.
На аукционе Сотбиз в Лондоне в 1987 году эта работа была продана за 1700 фунтов.

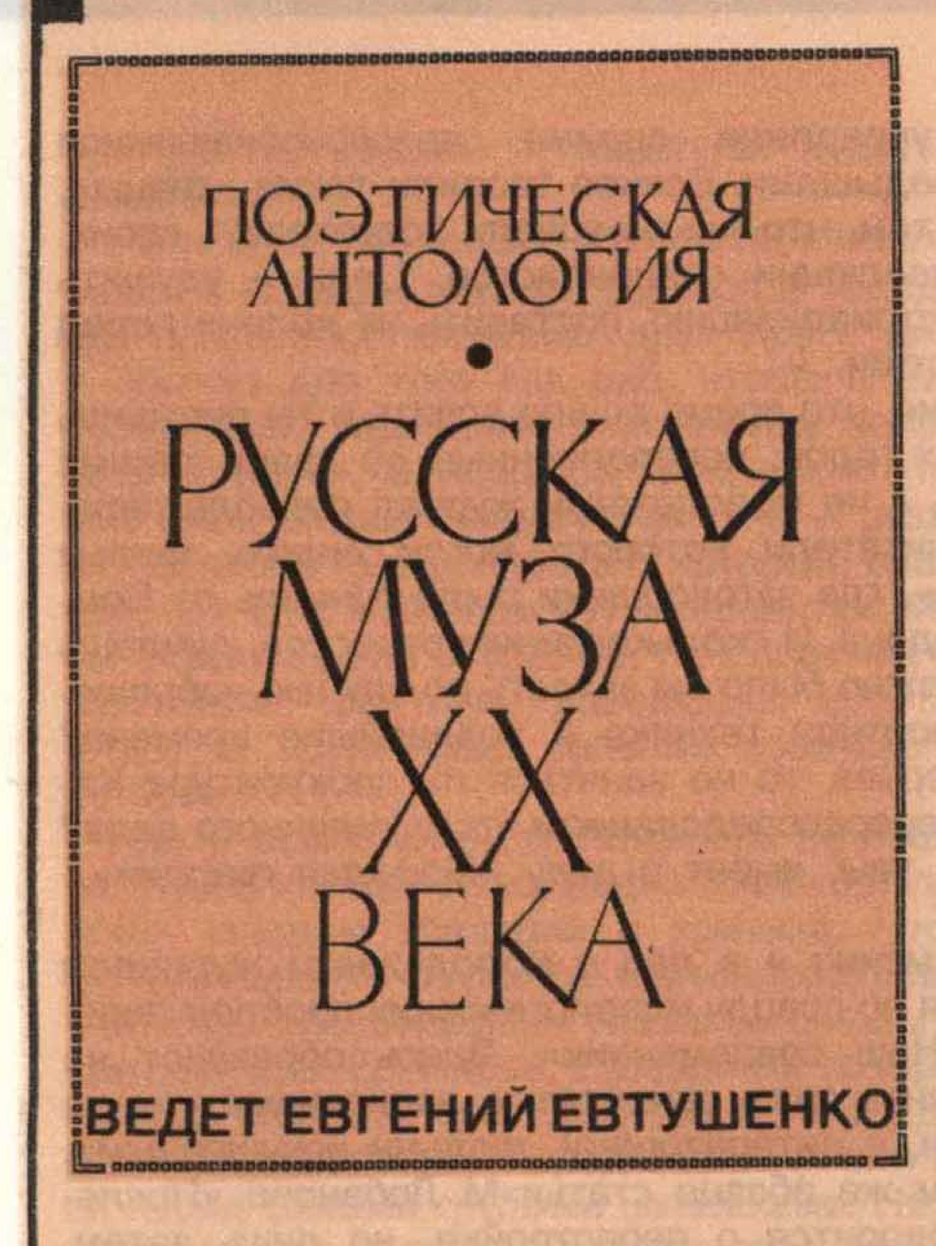
— Каковы, на ваш взгляд, перспективы деятельности аукциона Сотбиз в контексте процессов, происходящих в художественной жизни СССР?

— Как мне представляется, основная задача советских учреждений и организаций, связанных с культурой,— это обеспечить художественный эквивалент перестройки — признать художников, к которым относились чересчур критически, а подчас и враждебно. Важно избавиться от подозрительности, которая окружала наследие художников 20-х годов и окружает творче-

Продолжение на III вкладке

Иль, может быть,
В трезвоне голосов
Мое лицо задумчиво застынет,
Как циферблат испорченных часов.

1924

Марк ТАРЛОВСКИЙ

1902—1952

Три сборника Тарловского: «Иронический сад», «Бумеранг», «Рождение родины» — теперь стали библиографической редкостью. Последние годы он в основном занимался переводами, а ведь крупицы истинной поэзии в нем были с самого начала.

ВСТРЕЧА

На каменного идола в степи
Наткнулись мы и рассмеялись
дерзко,
Но чудился мне голос: «отступи!
Над беззащитным издеваться —
мерзко»...
А он стоял, и поразить не мог,
Во власти неба и жары, и стужи,
Такой большой, такой забытый бог,
Такой обветренный и неуклюжий...

1925

Борис КОВЫНЕВ

1903—1970

Выпускник знаменитого ВХУТЕМАСа. Первые стихи опубликовал в 1920 году. После войны почти не печатался и руководил литературным объединением; выдвигал свою идею фикс — теорию «развернутого образа». Пример той теории — печатаемое стихотворение.

ЧАСЫ

Немного странные и бледные
как будто,
Мои часы висели на стене.
Двенадцать лет
Секунды и минуты
Не торопясь отсчитывали мне.

Двенадцать лет!
А после еле-еле
Их стрелки совершили круг.
Мои часы смертельно заболели.
Мои часы остановились вдруг.

И вот теперь я чувствую недаром,
Когда стою в раздумье у стены,
Что и в груди сердечные удары,
Как у часов секунды, сочтены.

Когда-нибудь,
В неведомой пустыне

Николай КУЗНЕЦОВ

1904—1924

Рабочий комсомольский поэт, организатор литературной группы «Рабочая весна». Смерть отобрала его у поэзии с преступной безвременностью. Однако хотя бы это коротенькое стихотворение говорит о его возможностях. Стоит похвалить какого-нибудь совсем юного поэта, и сразу со всех сторон шипение: «Вы его балуете... Он испортится... зазнается...» Эти люди забывают, что каждый поэт может умереть в самой ранней юности, так и не услышав от нас ни одного доброго слова, если мы будем капать эти слова из расчетливой педагогической пипетки.

РАБОЧИЕ ПОЭТЫ
(фрагмент)

Позабыв про отдых, сон и дрему,
Позабыв страданье, смерть и
страх,
Написали мы великую поэму,
Но пока лишь кровью на полях...

Николай СТЕФАНОВИЧ

1912—1979

Лет двадцать тому назад Слуцкий прочел мне четыре строки: «У всех у нас единый жребий. Лишь стоит ногу подвернуть, и в тот же миг в Аддис-Абебе от боли вскрикнет кто-нибудь». Меня поразила эта строфа своей, почти тютчевской концентрацией мысли, и я взял ее эпиграфом к американскому изданию моих стихов «Краденые яблоки». Однако с автором мне так и не удалось познакомиться. Стефанович был актером. В 41-м году он дежурил на крыше Вахтанговского театра, когда в него угодила фашистская бомба, стал инвалидом. Занялся переводами. Виделся и переписывался с Пастернаком, Эренбургом, однако печатать свои стихи не спешил. Я прочел небольшое, но значительное поэтическое наследие Стефановича и убежден, что, когда, наконец, выйдет его книга, она обретет своего читателя. Это поэзия, близкая к позднему Пастернаку, написанная с исповедальной чистотой.

ПОЛДЕНЬ

Веет невидимым Китежем
В каждом овраге и кустике.
Полдень к стволам привяжите же,
Иначе снова упустите!

Час узнается двенадцатый
В поле по треску кузнечьему...
Тут бы всему и начаться-то,
Только начаться-то нечему.

* * *

Зачем от замурованной золы
Седых осин осенние стволы
Хотят бежать с проклятого погоста,
И страх зудит, как терпкая короста,
Во все вползая щели и углы?

Зачем так много холода и мглы?
Не умирать — ведь это очень
просто.

* * *

Мы прятались, в саду желтела
осень...
Прошли года, но миг минувший цел,
И мячик тот, что я тогда подбросил,
Еще упасть на землю не успел.

Еще лучи на той же спинке стула,
И, может быть, вбегая в этот сад,
Ту бабочку, что только что
вспорхнула,—
Вспугнули мы сто тысяч лет назад.

* * *

Когда-то за розовым дымом
Я видел раскрытую дверь,
Но это ни с чем не сравнимым
Становится только теперь.

Для сердца, что даже не бьется,
Которое полумертво —
Как много еще остается,
Когда уже нет ничего...

* * *

Мой внезапный порыв безотчетен,—
К той, кого никогда не найти,
Я хочу между сотнями сотен
Перекрестков, огней, подворотен
Отыскать наконец-то пути.

Я рванусь к остановке трамвая
Сквозь бульваров ночных
забытье,—
Будут звезды, дворы, мостовая,
И пойму, что, меня создавая,
Не могли не создать и ее.

Николай БРАУН

1902—1975

Поэт строго классицистической, так называемой ленинградской, школы стиха. Родившийся в семье учителя, он и сам стал литературным учителем для многих молодых ленинградских поэтов, относясь ко всем новым стихам с чуткостью и доброжелательностью. У него было, я бы сказал, одно редкое качество: чужие стихи он любил больше, чем свои. В этом смысле он близок к Всеволоду Рождественскому. Приводимое нами стихотворение драгоценно как лирический документ. Пастернака и Маяковского и при жизни, и даже после смерти пытались искусственно противопоставить, поссорить. Браун в своих стихах свидетельствует о том, что пуля, пущенная Маяковским в себя, глубоко ранила и Пастернака. Пастернак об этом написал так: «Твой выстрел был подобен Этне В предгорьи трусов и трусих».

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Вечером, к поезду, в разгоне
Дел, к отъезду дающих знак,
Голос торопится в телефоне —
Борис Леонидович Пастернак.

Сразу, прыжком обегая темы
Иные, он говорит о нем,
С места в карьер выходя за схему
Речи, срывающейся на том,
Что в утро то, еще вначале,
Когда в постели он холодел,
Весь он, казалось, порой начальной
Дышал, с размаху помолодев.

О встречах с ним последних
и редких,
О литературном героя лице,
О том, «естественном» и метком
Коротком выстреле в конце.

О дружбе, сросшейся годами,
О днях, затопле́нных слезой...
И голос нырял в телефонные дали
Влажный, вздрагивающий, сквозной.

Он подымался неотвратимо
Сквозь переулочки,
Над Москвой,
Над гибелью лучшего побратима —
Гневом, растерянностью, тоской.

1931

В КИЛЬВА

Владимир ЛАКШИН

В пору начавшейся перестройки, пожалуй, две ее сферы выдвинулись вперед в процессе обсуждения: ход радикальной хозяйственной реформы и вопросы недавней отечественной истории. То, что у нас так много говорят и пишут о недавнем и более далеком прошлом страны, о Сталине, нэпе, коллективизации, времени застоя и т. п., у некоторых неглубоко задумывающихся людей вызывает сомнение. История, конечно,— наука серьезная, ее проходят в школах и вузах, надо, разумеется, поправить в учебниках некоторые страницы, но разве у народа нет более живых, современных задач? И зачем так много о Сталине, о 30—50-х годах, об ошибках и преступлениях? Не слишком ли много повернутой в прошлое патетики и разоблачений?

Вот тут-то и надо задуматься. Перечитывая «Историю» С. М. Соловьева, Твардовский однажды обронил такое замечание: «Я только теперь понял, что история движется не пластами, а волнами». Признаюсь, я не сразу вник в смысл этого высказывания, а оно нетривиально. Привычное понимание, что исторические пласты уходят, как в археологии, под землю, каждый последующий глухо накрывает предыдущий, и в нашем сознании возникают как давно отжитые, сданные в архив, ставшие достоянием учебников и академического знания, времена Сталина, Хрущева или Брежнева. Но в жизни происходит иначе. В нашем сегодня есть волны, дошедшие до нас от времени революции, «культа личности», «оттепели» 50-х годов и лет застоя — они живут в наших законах, нравах, понятиях, привычках, образе мыслей. И среди людей, которых мы каждый день встречаем на работе, на улице или в общественном собрании, едва ли не каждый несет в себе затухающие волны эпох, какие сформировали их сознание. Скажем, от поры репрессий в нас до сих пор инерция страха, боязнь прямого слова, решительного поступка, оглядка и робость. От лет застоя — апатия, инерционность, равнодушие, цинизм: «День да ночь — сутки прочь». И все это, заметьте, не в истории, а в нашем нынешнем поведении...

Таким образом, говорить о нашем прошлом — значит, говорить о выборе пути, о том, что мы берем из этого прошлого и что отвергаем. Говорить о целях и методах, о политике и нравственности, как они виделись из первых революционных лет и из той четверти века, которая еще на нашей памяти обозначалась как «великая сталинская эпоха».

Апрель 1988 года стал месяцем бурных общественно-политических споров и дискуссий. Статья «Правды» 5 апреля 1988 года прервала период некоторой растерянности, когда многие люди — одни с сокрушенностью, другие с облегчением подумали было, что начался «откат», санкционированное «свыше» торможение в вопросах идейной и духовной перестройки. На иных устах уже трепетала злорадная фраза: «А что я вам говорил! Помитингуют, посудачат, и все вернется в свои берега. Сталина народ не отдаст».

Редакционная статья «Правды», обозначившая выступление «Советской России» как «манифест антиперестроечных сил», подвела черту под колебаниями и сомнениями. Но «Правда» поступила, повидимому, мудро, на целой полосе ни разу не поименовав автора письма — всем было ясно, что не в подписи здесь дело. «Для шума,— говорил один мыслитель XVIII века,— выбирают маленьких людей — барабанщиков». И когда, случается, в прессе настойчиво повторяют имя ленинградской преподавательницы, возникает опасение, не сводят ли этим объективно все дело к частному случаю — непритязательной реплике читателя в споре, быть может, и ошибочной, неудачной, но невесть какой значительной?

Между тем то, что дело не в одной незадачливой ленинградке, что ответ «Правды» был более чем своевременным, показали писавшиеся, очевидно, одновременно, но по условиям журнальной периодичности вышедшие недавно статьи в апрельских номерах «Молодой гвардии» и «Нашего современника». В кильватер статьи в «Советской России», возглавившей антиперестроечную эскадру, должны были пойти — и пошли — рассуждение бывшего заместителя председателя Госплана М. Малахова и статьи литераторов М. Лобанова и В. Кожинова.

Во многих отношениях, и в формулировках, и в аргументации, статья М. И. Малахова в «Молодой гвардии» энергичнее и последовательнее, чем письмо Н. Андреевой. Судя по его рассуждениям, этот бывший ответственный работник, занимавший немалые посты, целиком сформирован «волнами» и атмосферой 30-х годов, и даже вызывает удивление своей «твердокаменностью»: ничем из своего прошлого он не согласен поступиться и, перефразируя Вольтера, уверен, что, если бы Сталина не было, его надо было бы выдумать.

М. И. Малахов начинает с того, что отвергает «клевету», желание «вымазать 30—40-е годы только черной краской». Споря с изображением Сталина в романе А. Рыбакова, он утверждает: «...Это была яркая личность. Не случайно ему отдали дань великие его современники». Кроме Уинстона Черчилля, уже использованного в этом качестве «Советской Россией», помянуты и другие «знатные иностранцы» — Ф. Рузвельт, Морис Торез и т. п., а также некоторые русские — М. Горький, А. Толстой. Тридцатые годы представляются М. И. Малахову «периодом расцвета многих театральных коллективов, кино, изобразительного и музыкального искусства». Что же касается литературы, то, по мнению Малахова, «вся классическая советская литература пришла к нам из 30—50-х годов». Цвели искусства — процветала и наука. Правда, Малахову пришлось упомянуть, что авиаконструктор А. Н. Туполев подвергся в ту эпоху репрессиям, но автор призывает не драматизировать это обстоятельство, поскольку Туполев «всегда был со своим народом...» «Там, где мой народ, к несчастью был»,— хочется продолжить эту фразу строкой из «Реквиема» Ахматовой.

Автор статьи в «Молодой гвардии» клеймит позором Ф. Ф. Раскольникова, написавшего обвинительное письмо Сталину, как отщепенца и едва ли не предателя, а относительно событий 1937 года высказывается так: «Мне думается, промахи (!) 1937—1938 годов и преступления, которые мы не имеем права забывать, не тема для смакования...» Других слов об этой народной трагедии автор не находит. И чтобы у нас не осталось никаких сомнений в его воинствующем сталинизме, М. И. Малахов призывает «разобраться в ошибках, последовавших после очистительных, как теперь принято говорить, XX и XXII съездов партии».

Там — «промахи», здесь — «ошибки». И даже на процесс реабилитации невинных жертв сталинского террора набрасывает автор густую тень сомнения. «К сожалению, процесс восстановления справедливости часто проходил в спешке, а иногда без должной ответственности». Сам Малахов убежден, что в сталинские времена обычным делом были «и саботаж, и диверсии (да, да, диверсии, их не выдумали страдающие повышенной подозрительностью государственные деятели, они были, и довольно часто)». Какие государственные деятели имеются тут в виду? Сталин? Берия? Ежов?

Итак, с одной стороны, утверждается, что «довольно часто» случались диверсии, а с другой,— что реабилитация 50-х годов «часто» проходила в спешке. Спасибо за откровенность, как говорится!

Чтобы мы не подумали, что редакция молодежного журнала, выходящего тиражом 700 тысяч экземпляров, напечатала этот трактат отставного сановника случайно, безотчетно, в очерке Ю. Павлова «Истоки» в том же номере журнала содержится по-своему яркая иллюстрация к тезису о «довольно частых» диверсиях. Рассказывается, как в те легендарные годы «легкая кавалерия» на руднике в Казахстане выявила, что мощный насос, купленный за границей, стоял без дела.

И далее — леденящая кровь история:

«Вскоре на руднике была арестована группа контрреволюционеров. После суда над ними Матвеев встретился с ребятами из «легкой кавалерии».

— Враги действовали по приказу из-за границы,— пояснил он комсомольцам.— Сбежавшие хозяева рудников и шахт создали во Франции так называемое «Объединение горнопромышленников», а проще говоря, центр экономической диверсии, по тайным каналам управляли своими, приспособившимися у нас последышами. Всякое творили такие «спецы», пользуясь тем, что мы не успели подготовить своих, верных революции специалистов. Цель — удушить нашу индустриализацию, поставить на колени перед капиталистами...»

Ощущение, что время пошло вспять и ты листаешь газеты 30-х годов, переполненные до краев такими историями, а не молодежный журнал периода перестройки, читатели которого могли видеть фильм «Покаяние», где заговорщики рыли тоннель от Бомбея до Лондона. И сколько таких процессов, думаешь попутно, можно было бы затеять по случаю небрежения к импортной технике в позднейшие времена? А если всерьез, то не заняться ли прокуратуре Казахстана перерасследованием этого типичного дела? Но не это, увы, имеет в виду «Молодая гвардия».

Одновременно и в лад с молодежным журналом высказался по поводу идеологических проблем перестройки «Наш современник». Здесь обращают на себя внимание сразу две статьи, написанные уже не читателями, а литераторами, людьми искушенными.

В первом же абзаце статьи М. Лобанова «Послесловие» говорится о перестройке, но лишь затем, чтобы заклеймить порожденных ею «спекулянтов», «приспособленцев», их «политиканство», «фальсификации» и тому подобное. «Мифический героизм» тех, кто готовил перестройку, противопоставлен тем, «кто не думал ни о какой перестройке, просто делал то, что считал своим долгом...» Видно, что автор до крайности раздражен и раздосадован чем-то. Чем же?

Во-первых, тем, что, как он брюзгливо замечает, «вдруг прежние «новомировцы» вылезли на критическую арену». (О «Новом мире» эпохи Твардовского в самом деле говорят много, видя в его бескомпромиссной правде предвестие перестройки.) Во-вторых, остро выраженным чувством недооцененности: недооценен в своем значении журнал «Молодая гвардия» 60-х годов, в котором сотрудничал М. Лобанов и редактор которого, по его словам, встал «во главе нового литературного движения», а направление журнала приобрело «огромное общественное значение». Ссылаясь на некоего французского журналиста (нам «мнения чужие только святы»), М. Лобанов утверждает, что истинной драмой для литературной жизни был не уход Твардовского с поста редактора «Нового мира», а переход на другую работу Никонова, редактора «Молодой гвардии». М. Лобанов уверяет своих читателей, что ни Твардовский, ни «Новый мир» никогда гонениям не подвергались. Просто Твардовский «не мог руководить журналом» по болезни, «Новый мир» изжил себя, исчерпал в своих либерально-прогрессистских претензиях...».

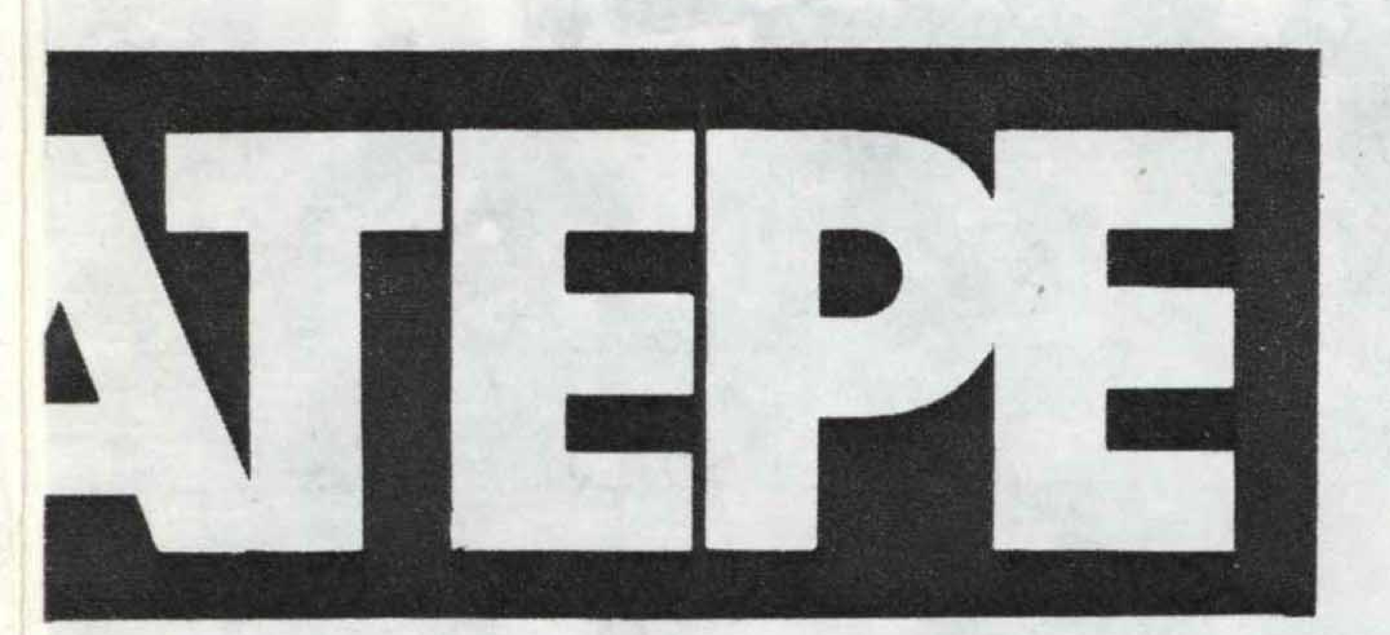
Все это так далеко от правды, что не заслуживало бы опровержения и выглядело даже комично, если бы не замах автора на некую «миссию», у истоков которой он находит Никонова и поощренное им псевдославянофильское направление. Своих прежних оппонентов Лобанов называет «либералами-прогрессистами». Напомню, что Н. Андреева противников культа личности тоже обозначила как «леволибералов». Но тут очевидна подмена. Не либеральное, а **демократическое** направление было характерно для «Нового мира» и его редактора — народного поэта Твардовского. Так же как за **социалистическую демократию,** а не за «интеллигентский» либерализм борются те, кого противники перестройки в полемическом азарте называют «либералами».

Вокруг себя и Никонова М. Лобанов построил и свою мифологическую вселенную, но все это в конце концов частный литературный сюжет. Значительно притязательней и обдуманней помещенная следом в том же номере статья В. Кожинова «Правда и истина». Третируя понятие правды как расхожий примитив (ну, лишали свободы, губили «неповинных в тяжких преступлениях людей»), В. Кожинов обещает приблизить нас к «истине» с помощью «масштаб-

ной работы мысли» и «высокой культуры самого мышления».

Разные виды правды — большой и малой, «правды века» и «правды факта», горькой и «сладкой» правды противопоставлялись друг другу десятки раз, и обычно для того как раз, чтобы в ней, правде, усомниться. Задавшись знаменитым вопросом «Что есть истина?», В. Кожинов тоже влечет нас на кривые пути. Внешняя задача критика — разбор романа А. Рыбакова «Дети Арбата», который, сразу скажем, ему, как и М. И. Малахову, не нравится. Можно было бы сказать: дело вкуса. Но, по существу, он предлагает свою трактовку революции, культа Сталина и других крупнейших событий советского периода истории.

Критический метод В. Кожинова не лишен интереса. У нас, к сожалению, редко отмечают преемственность школ и традиций в критике. Что касается В. Кожинова, то он мог бы претендовать на то, чтобы считаться способнейшим учеником школы известного критика В. В. Ермилова. Одаренный литератор, своего рода виртуоз пера, Ермилов находил доводы для любой поставленной перед ним задачи и не смущался перед самыми грубыми натяжками. Не от него ли в наследство получил Кожинов традицию сладострастного развенчания заметных в литературе писательских имен? Еще на нашей памяти В. Ермилов разносил Твардовского («Родина и чужбина»), Андрея Платонова (рассказ «Возвращение»), Ильфа и Петрова, И. Эренбурга. В. Кожинов пытается развенчать притягательность для читателей А. Рыбакова, Ю. Трифонова и, конечно же, И. Эренбурга... Однако это скорее внешнее совпадение. Существеннее сходство критического метода, при котором матери-

ал книги — ничто, а цитаты и факты «подгибаются» в соответствии с намерениями критика.

Вспоминаю, как несколько лет назад В. Кожинов поразил читателей «Вопросов литературы» тем, что установил закономерную связь между крутым самодержавным правлением Николая I и «золотым веком» русской литературы в ту эпоху, выводя второе из первого. Не знаю, как бы взглянул на этот домысел потомка сосланный на Кавказ и убитый на дуэли Лермонтов, загубленный царем Полежаев, отданный в солдаты Шевченко.

Теперь В. Кожинов рассматривает нашу недавнюю историю, и надо сказать, что среди адвокатов Сталина и «сталинщины» он, пожалуй, из самых ловких. Но, как говорил великий немец Лихтенберг, «самая опасная ложь — это истины, слегка извращенные». Кожинов утверждает, что культ Сталина — «в прямом смысле слова всемирное явление», что это «громадное явление советской и даже всемирной истории». В культе Сталина, пытается показать критик, повинны С. М. Киров, Долорес Ибаррури, кто угодно, только не сам «вождь». Адвокатскую защиту Сталина В. Кожинов строит примерно так, как те краснобаи-либералы, которые, по свидетельству Достоевского, готовы были оправдать мать-детоубийцу, ссылаясь на «обстоятельства» и «среду».

Эпоха требовала Сталина, и он явился, рассуждает Кожинов. Сталин — прямое и непосредственное порождение революции. И 1937 год для критика — это естественное продолжение революции, а не ее деформация, искажение, узурпация. Не будь Сталина, считает В. Кожинов, явился бы другой, кто осуществил бы тот же террор и насилие, создал бы такой же свой культ.

Этот исторический фатализм заставляет усомниться и в «народолюбчестве» В. Кожинова, сильно им афишируемом. Или русский народ не заслуживал иной доли? Или не народ, а кто-то другой совершил революцию и вел за нее три года кровопролитную гражданскую войну, жертвы которой в самом деле огромны?

И тут в статье «Правда и истина» начинается игра в цитаты и цифры, игра, прямо буду говорить, некорректная и нечистая. Жертвы террора 1937—1938 годов, которые В. Кожинов считает относящимися к верхушкам интеллигенции (и напрасно, потому что среди миллионов погибших в ту пору было много самых простых людей — крестьян, рабочих-строителей, низовой интеллигенции, особенно «на местах», в районах), критик сопоставляет с числом погибших в период гражданской войны и во время голода 1933 года. «...Совершенно ясно,— пишет он,— что потери первых революционных лет были несоизмеримо более значительными, нежели жертвы второй половины 1930 годов». Кому ясно? Кто это мерит? И где найдутся те весы, на чашах которых взвесят трагедии массовой насильственной смерти? Да, кстати, разве не ясно, что уже один разгром в 1937 году военных кадров принес огромные напрасные потери в войне, народные потери.

Между тем все это нужно критику, чтобы громко объявить, что за голод 1933 года ответствен наркомзем Я. А. Яковлев (потери поры коллективизации, выселения семей «кулаков» почему-то волнуют Кожинова меньше), а за жертвы революционных лет уж вовсе не обязан отвечать Сталин. Но обвинять Я. А. Яковлева, верно выполнявшего волю Сталина, в голоде 1933 года не то же ли это самое, что списать на Ежова массовые репрессии года 1937-го?

Мысль критика в стремлении не к правде, а к кожиновской «истине» делает следующий вираж, когда он предъявляет цифры, долженствующие показать, что в царской России в XIX веке людей казнили за их убеждения совсем редко, и, стало быть, то, что делал Сталин, во всяком случае, «нерусское» явление. Конечно, мне, как всякому русскому человеку, было бы легче так думать. Но Кожинов со страшной цифирью потерь делает новый незаметный трюк. Только что он противопоставлял массовую гибель гражданского населения в 1918—1922 и 1933 годах расстрелам конца 30-х, считая последние менее значительным уроном. А тут, в применении к царской России, забыв про забитых палками и плетьми, засеченных шпицрутенами (отменены лишь в 1863 году), расстрелянных в крестьянских мятежах, забыв о погибших при завоевании царизмом Кавказа и Туркестана, при исполнении функций «жандарма Европы» в Австро-Венгрии и Польше, В. Кожинов противопоставляет 56 политических казней, будто бы совершенных в старой России за 175 лет, жертвам беззаконных процессов советского времени.

Что это? — хочется воскликнуть. Как можно одну горчайшую народную боль и беду, одни погубленные понапрасну жизни противопоставлять другим невинно погибшим? Как, с какой целью можно произвольно смешивать страны, эпохи и времена, используя не всегда достоверную статистику и перемножая, как говорится, метры на килограммы, отыскивая пропорцию расстрелов и гильотины? Если это литературная критика, то что тогда на русском языке называется словом кощунство?

Защита Сталина не удалась, да и не могла удаться Кожинову, несмотря на цифры, призванные ввести в заблуждение доверчивых. Но истиной ли он был озабочен, когда пообещал читателю объективно разобрать роман А. Рыбакова?

И, однако, я не хотел бы сводить дело к личным намерениям авторов названных статей. Есть в них и нечто общезначимое. Исторические «волны», идущие от нерассуждающего энтузиазма 30-х годов, очевидны в психологии одного из них. Он представляет точку зрения тех аппаратных пенсионеров, которые идеализируют свою молодость и напоминают героя классической пьесы — отставного генерала, составлявшего прожект «О вреде реформ вообще». Другое дело — литераторы, относящиеся к следующей генерации, они застали конец сталинской эпохи, а окончательно определились в брежневскую пору. По-своему реагируя на исчерпанность и обветшалость прежних идеологических форм, они поплыли по волне показного патриотизма с оттенком чванства, путая национальное самосознание с личным самоутверждением, а народные идеи — с жаждой кнута и «твердой руки».

И как характерно, что две разнородные, казалось бы, тенденции — политическое ретроградство и консерватизм на национальной почве — сошлись во вражде к идеям перестройки, отвергли объективную оценку сталинского террора. Новое живое творческое мышление оказалось им чуждо.

Представим теперь на минуту, что статья в «Советской России» от 13 марта не была дезавуирована «Правдой». Тогда свежие апрельские номера «Нашего современника» и «Молодой гвардии» могли послужить подтверждением бурной общественной поддержки этой антиперестроечной платформы и детализировать ее идеи в части литературной политики. На счастье, этого не случилось. Но пройти мимо такой попытки было бы опрометчиво. И правду, и истину еще приходится защищать.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

ПУСТЬ БУДЕТ ДВЕРЬ ОТКРЫТА

Гибнут семейные архивы. Сколько их по стране? Какие эпистолярные жемчуга, какие утаенные сокровища лежат в них до срока? И — до какого срока? До передачи в государственное хранение? До ухода из жизни их владетелей и владетельниц? До мусорной машины или пресловутых 20 кг макулатурной массы?

Прошедшей зимой один из нас волей случая попал в семейное хранилище. Вместе с композитором Дмитрием Алексеевичем Толстым разбираем архив его матери — русской поэтессы Натальи Васильевны Крандиевской-Толстой. И что же? Несколько десятков никем не знаемых великолепных (первого ряда!) стихотворений. С 1905-го по начало 1960-х! Целая поэма — «Дорога в Моэлан», поэма такой лирической пронзительности и силы, что, когда покажем ее список известному литературоведу, он схватится за голову: «Да это же надо всю историю русской поэмы XX века переписывать!..» Ну, пусть сильно сказано. Пусть. Но ведь поэма-то есть. Литературный факт. И это кроме неизвестных воспоминаний о Льве Толстом и Тургеневе. (Последние, впрочем, принадлежат другому автору.)

Земля незнаемая. Есть такое выражение в «Слове о полку Игореве». Как же случилось, что родная культура стала для нас «Полем Половецким»? До каких пор станем мириться с этим? Как и с тем, что невинная и вполне справедливая фраза критика о необходимости пересмотра «официальной» истории литературы (вы еще не забыли скуку школьных учебников?) вызывает ярость многоуважаемых титулованных надсмотрщиков от литпроцесса? (Впрочем, в последнем случае скучно и полемизировать. Бог им судья, как говаривали предки.)

Сейчас мы с нетерпением ждем первого номера журнала «Наше наследие». Ждем, чтобы поздравить и редакцию, и себя, читателей этого нового издания.

Но решит ли один журнал все проблемы?

На заре гласности общественность возопила: откройте архивы! Какие? Ну, разумеется,— государственные.

Сегодня нас заверяют, что вопрос изучается, рассматривается. И скоро будет решен. Да, у нас нет четко определенных сроков секретности информации. Нет закона об информации, и голод на правду мы утоляем где как повезет. Вчера такое положение гарантировало незыблемость застоя. Сегодня оно противоречит правительственным решениям, бьет по стране и каждому из нас, в конечном счете наносит ущерб и экономике.

Потому что совершенно не все равно, какие книги читает инженер, рабочий, писатель, с каким гражданским и историческим опытом мы приходим к осознанию неизбежности демократических преобразований.

Меж тем архивные работники едва справляются и с той нагрузкой, которая уже лежит на их, отнюдь не двужильных плечах. В пору «зрелого социализма» на расширение хранилищ национальной памяти, на их оборудование и приведение в порядок отпускались копейки. Ибо и задумывались архивы не для того, чтобы мы с вами могли в них работать. Замышлялись они по принципу «спецраспределителей». Более того — состояние архивов в стране свидетельствует: долгие годы (да и сейчас еще) — это объективно и способ бездумного уничтожения народной памяти.

С этим мы столкнулись, скажем, в Ленинградском государственном архиве кинофонофотодокументов, хранящем более полумиллиона фотонегативов. Хранящем? Да, все, что возможно, сотрудники архива делают. Но что сделаешь, если негде хранить, если стареет и осыпается эмульсия на бесценных кадрах прошлого, а планы реставрации и реальные мощности в десятки раз меньше необходимых. И на вопль о помощи Ленинградский обком уже несколько лет не обращает ни малейшего внимания. Просто не слышит, и все тут.

Но даже если с собственными хранилищами государство разберется, что будет с семейной перепиской, с воспоминаниями фронтовиков и целинников, просто обыкновенных граждан страны? Неужели все это — в макулатуру? Что потеряют наши дети и внуки?

И скажет ли кто из делегатов XIX партконференции о незамедлительной необходимости учреждения в стране республиканских архивов национальной памяти, куда каждый, подчеркиваем, каждый, мог бы положить на вечное хранение документальную память своей семьи?

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

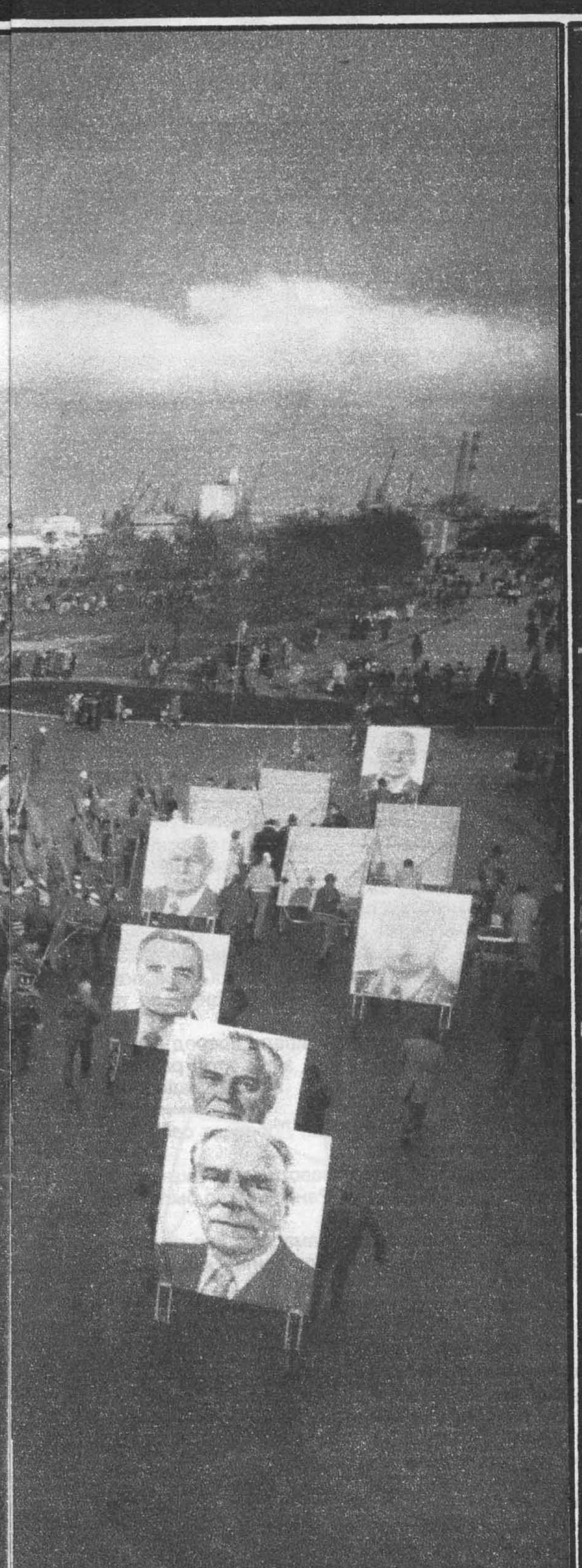
РЕТРОВЕРНИСАЖ

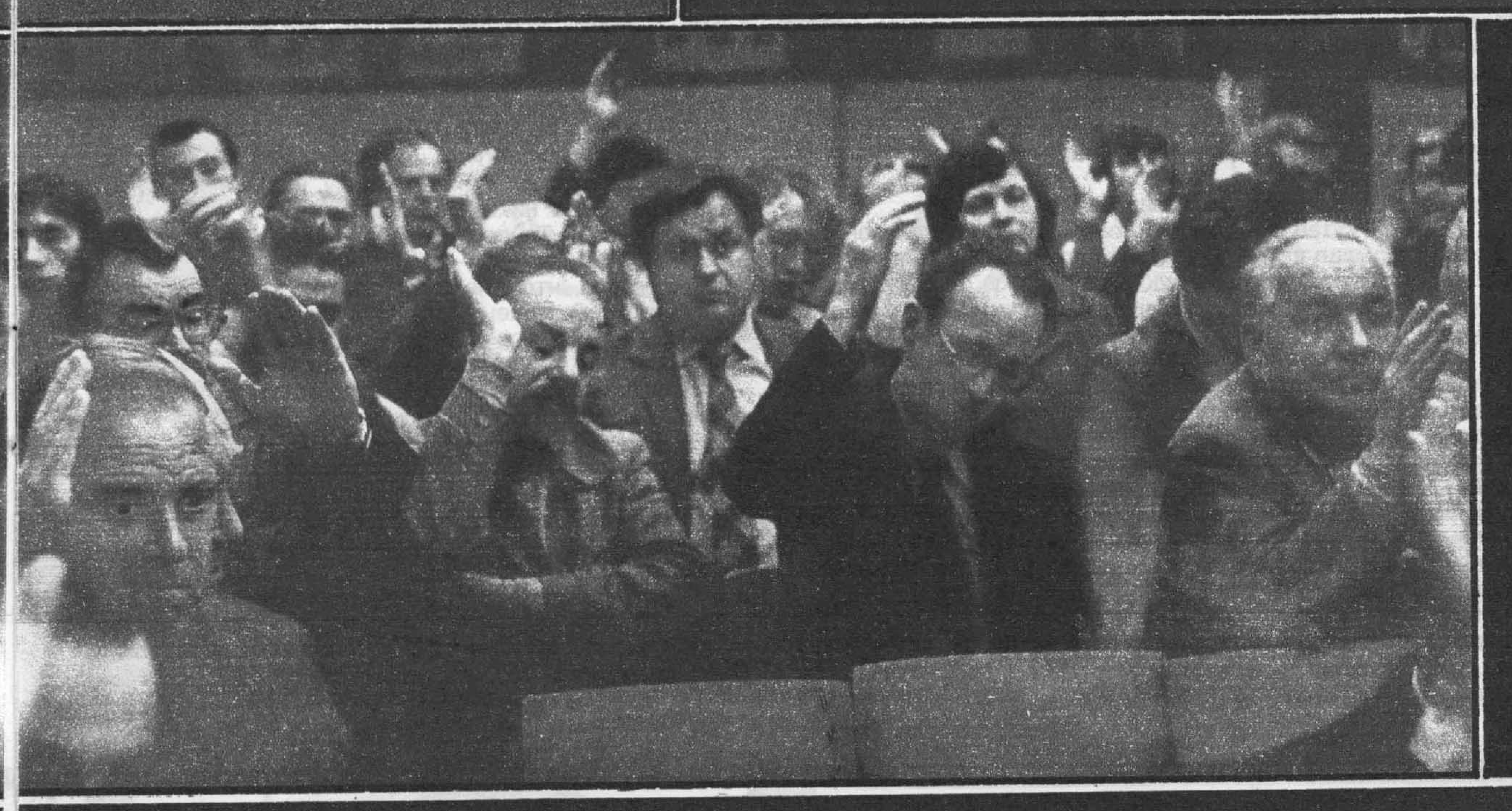
Фото Вильгельма МИХАЙЛОВСКОГО

ОГЛЯНИСЬ...

СЕГОДНЯ МЫ МНОГОЕ ПЕРЕЧИТЫВАЕМ И ПЕРЕГЛЯДЫВАЕМ ЗАНОВО. МЫ С ВАМИ МЕНЯЕМСЯ, ДАЖЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЦ У НАС ДРУГИМИ СТАНОВЯТСЯ — УХОДИТ БЕЗРАЗЛИЧИЕ; ПО КАПЛЕ, НО УХОДИТ; ПРИБЫВАЮТ СИЛЫ. ЕСЛИ ПЕРЕСМАТРИВАТЬ СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ — ОКАМЕНЕВШИЕ ЗЕРКАЛА ВРЕМЕНИ,— ЭТО ОСОБЕННО ХОРОШО ЗАМЕТНО. С ЭТОГО НОМЕРА «ОГОНЕК» НАМЕРЕН ПУБЛИКОВАТЬ РЕТРОВЕРНИСАЖИ — ФОТОВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ — НЕ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧЕГО ДОСТИГЛИ, НО И О ТОМ, ОТ ЧЕГО УШЛИ. ИМЕННО СЕЙЧАС, В ДНИ ВЕЛИКОЙ НАДЕЖДЫ, ДАВАЙТЕ ВСПОМИНАТЬ И ОСМЫСЛИВАТЬ ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ: КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ И КАК ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ОТ ПОВТОРЕНИЯ УЖЕ СОВЕРШЕННЫХ ОШИБОК. ТОЛЬКО ОСМЫСЛЕННО СОЗИДАЯ БУДУЩЕЕ, МЫ СМОЖЕМ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫ.

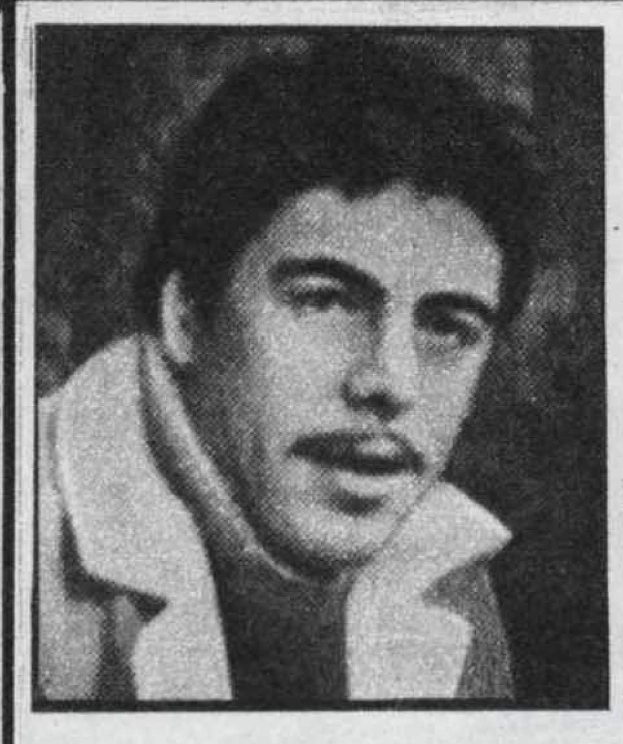

- *ПОСЛЕ ДЕМОНСТРАЦИИ*
- *ВСЕГДА С НАМИ*
- *ГОЛОСОВАНИЕ*

Автор этих снимков — известный фотомастер из Риги Вильгельм Михайловский. Он участник более 300 выставок художественной фотографии в стране и за рубежом. Как художник-фотограф принимал участие в работе над документальным фильмом рижской киностудии «Высший суд».

Валерий БОЛТЫШЕВ

РАССКАЗ

САД

Прочитав в рукописи первые рассказы Валерия Болтышева — а было это весной 1981 года,— я поразился их завершенности, единству атмосферы, художественной определенности, их прирожденной враждебности стереотипам мысли и слова. Именно так и начинали на Руси талантливые рассказчики: на свободном дыхании, просто, «купаясь» в характерах, приемля повседневность, и в самую молодую пору хорошо понимая стариков и старух, будто они, молодые, умудрены не только своим, но и их, стариков, житейским горьким опытом. Ярчайшим в этом ряду был Василий Шукшин, далекий отсвет его неповторимой панорамы нашей жизни лежит на рассказах Валерия Болтышева (это зорко приметил Сергей Залыгин в своем напутствии молодогвардейскому сборнику Болтышева «Свои люди»), хотя в целом он возник из чеховской школы, самой важной и самой плодотворной для русской новеллистики. Противник всяческих румян и подслащивания картины жизни, а равно и противник малодушных иллюзий, Болтышев словно говорит нам: вот каково оно, наше с вами существование, и если оно покажется вам на моих страницах не слишком приглядным или трагикомическим, не торопитесь унижать и отвергать его, приглядитесь, отыщите в людях главное — человеческое. Только жесткие уроки, только самопознание и упрямое стремление изменить безвольное течение жизни могут принести добрые плоды.

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

Городская окраина, где мы жили тогда, в обиходе именовалась Козьим тупиком. Было, конечно, и другое название, официальное и более перспективное, кажется, Второй поселок, но такое название лишало индивидуальности козловских, даже приравнивало как будто к зареченским, которые прозывались Первым поселком, а допустить такое — как сказал инвалид Рыжков — для нас срамота.

Инвалид Рыжков, мужчина лет пятидесяти, был нашим соседом и первым жителем Козьего тупика, которого я увидел. Он заявился к нам сразу, цепляя деревяшкой обрывки веревок и газет, прошелся по комнате, деловито положил мне на голову свою пятерню — во, дескать, оголец, моему ухарю приятель,— и гаркнул: «С новосельичком!»

Отец — наивная душа — поблагодарил, того не понимая, что не за спасибом он сюда шел, что надо кинуть в момент все эти книжки-веревки и по-нашему-то, по-русски, как водится!.. Но Рыжков был в радостном расположении и потому не обиделся, а, глядя на портретик Чехова, приколотый к стене, поведал, что нам повезло, поскольку фундамент у барака из церковного кирпича, и клопов мало, хотя они, гады, пять лет могут в земле просидеть.

Заходил он в тот день еще раза три и в конце концов решил отметить наш приезд самостоятельно. До глубокой ночи за стенкой брякала посуда, всхлипывала гармошка, падали табуретки, а когда грянули там, хоть вразвал, но с посвистом раздольную «коробушку», мама отбросила тетради, вынула вату из ушей и пригрозила милицией. Вся компания искренне удивилась и от удивления затихла.

Но это был первый и последний случай, когда маме удалось вмешаться в жизнь лихого козловского народца. Дальше жизнь шла сама по себе, да и в нашу вносила свои коррективы.

Мои родители, например, вдруг полюбили воскресные прогулки — непременно за город и непременно рано утром и на весь день. Через поселок, который открывался зеленой двухэтажной баней, мы проходили к реке и шли берегом до леса. Отец внушал Некрасова, Пушкина, я учил наизусть. Потом, став лагерем где-нибудь на полянке, собирали травки для семейного гербария, обедали, и снова была русская классика: «Черная курица», «Каштанка»... И завершался день, как всегда, моим уголком, где стояла кровать, отгороженная фанерным шкафом и занавеской из старой простыни, сквозь которую золотистым кругом просвечивала лампа. Под осторожный шепот, под шелест тетрадных листов я засыпал, и снилось мне...

Мои милые, добрые родители! Они как-то забыли или не думали просто, что в неделе целых семь дней и воскресные круизы в Прекрасное творили только разлад в моем мирке, таком же маленьком и ненадежном, как угол за полотняной занавеской, где они надеялись меня сохранить. Не думали они, что, несмотря на их старания, я непростительно необразован для своих шести лет, а это выяснилось сразу же, стоило мне только появиться на крыльце — в панамке, в шортиках, с марлевым сачком, изготовленным для того, чтобы дитя, опять же в духе русской классики, ловило мотыльков. Тут меня поджидал Колька, самый младший отпрыск инвалида Рыжкова. Мы отправились за головастиками, и через полчаса я уже свободно во всем разбирался, называя вещи своими именами, и знал, что окурки папиросные брать не следует: в них никотин.

Вообще-то в Козьем тупике я был на положении особом — учительский сын как-никак, а потому и дрался реже, и не подвязывал кошкам под брюхо бутылки с карбидом, даже окурки собирать не приходилось: у Кольки их было на десять лет вперед, и мы пыхтели от души, спрятавшись в коноплянике, а потом жевали ту же коноплю, чтоб не воняло.

Но душа требовала деятельности.

Среди прочих трепалось тогда ругательное словечко «стиляга». Немного поглядевшись, я обнаружил стилягу в лице парикмахера из бани, подстерег его вечером и запустил в спину гнилой картошкой. Вернее, хотел в спину. То ли почувствовал, то ли видел он, но вдруг обернулся. Картошка стукнула в плечо. Я оцепенел.

— Что же ты, мальчик...— неожиданно тихим, кислым каким-то голосом протянул он.— Это же не больно. Ты бы камнем бы...

...Не знаю, до сих пор не знаю, сыграл ли он тогда — для себя, конечно, по привычке, как играл в своей парикмахерской мастера, тупейного художника?..

— Следующий товарищ. Прошу.

Укутав следующего товарища салфеткой, он прикрывал дверь, и пока тот пялился в зеркало на свою красную, распаренную в бане рожу, он мыл руки, от локтей к пальцам, изредка поднимая глаза кверху, где под самым потолком ровно белел квадрат стены и колыхалась паутина, еще недавно укрытая большим парадным портретом. Зло щурился.

— Я бы советовал товарищу стрижку «полька»,— выговаривал наконец.

— Ну валяй. Польку свою.

— Я бы просил не командовать.

Становился позади кресла, стоял еще немного и одними пальцами начинал поворачивать неподатливую голову перед зеркалом. В сторону. Вверх. Вниз. Клиент маялся.

— Так...

Стриг он быстро, порывами, ножницы, звеня, выделывали в его руках какие-то неуловимо-летучие движения, бритва порхала, и вдруг обрывался полет — отбросив салфетку, рука замирала в воздухе, и сам он замирал на мгновение в этой трудной позе, и, круто развернувшись, отходил к окну — курить.

Был ли он действительно мастером? Может быть — когда-то? Может, когда-то он не резал подбородков, не выхватывал ножницами лишний клок, а теперь от прежнего мастера остался только этот спектакль?

И лиловый галстук.

Галстуки в Козьем тупике носили двое: он и мой отец. Но отец был учителем, ему прощалось, а парикмахера инвалид Рыжков называл вонючкой с узелком.

Правда, его никто не трогал.

Жил он тихо, молча, чем тоже раздражал наш горластый общительный люд. Единственное, что позволял себе — это посвистеть сквозь зубы кубинский марш, шлепая бритвой по залосненным ремешкам.

А по воскресеньям он напивался. Тоже совершенно непонятно для сограждан — без драк, без песен. Белым флагом мотался над крыльцом мокрый халат, а он сидел, по-вороньи сгорбившись, пусто, будто в стену глядя перед собой. Сидел, молчал. Иногда — весь день. Иногда засыпал тут же, на крыльце, почему-то с открытыми глазами — его обходили, не трогали. Спал он тоже тихо.

Мама ускоряла шаг, подталкивала вперед — беги, мол, дитя, но я наизусть уже знал этот разговор, знал, что говорит она теперь, нервно вздергивая плечи:

— Больно, больно смотреть... Добивает себя. Хоть бы ты сказал, Сергей!

— Что сказал? — разом заводился отец.— Что? Что теперь говорить? Кому? Раньше надо было говорить!

— Раньше...— повторяла мама, и голос ее становился тусклым.— Раньше мы говорили. Боюсь, слишком много...

А я боялся, что он придет жаловаться.

И вот однажды, когда я лежал уже за своей занавеской, уютно щурясь на ламповый круг, к нам постучались.

— Вы позволите, товарищ учитель? Я за небольшим делом. То есть...

— Конечно, конечно. Пожалуйста.

— Даже не дело, а так. Две минуты всего у вас оторву.

— Ну-ну. Вы садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, благодарю вас...

На занавеску упала тень, и я зажмурился что было силы, надеясь оттянуть расплату хоть до утра. Там двигали стульями.

— Так и не знаю, с чего бы...— снова начал улыбчивый голосок.— Я что хотел у вас спросить. Вот ничего не будет, если посадить сад?

— То есть... простите, не понял. Чего не будет?

— Да, я не ясно... я имел в виду, что по собственной воле, если никто... ну... не поручал, можно ли посадить сад? Точнее, не сад даже, а может быть, скверик, но... Да, да! — спохватился он.— Чтобы вы не подумали, что для себя, так не для себя! Это обязательный момент, товарищ учитель! Для... ну вообще всех. Но по собственной воле.

Я, осторожно приподнявшись, сквозь занавеску всматривался туда, в комнату, где качалась носатая тень, и слушал, и ждал, обмирая от страха.

— Ну-у,— длинно промычал отец,— я думаю... Почему бы нет? Только надо, наверно, организовать как-то. Субботник там или...

— Нет-нет, не надо. Я бы хотел сам, один. Одному разве нельзя, товарищ учитель? Ведь радость же людям.

— Ну-у можно, я думаю. Конечно. Почему нельзя?

— И я так же думаю. Спасибо, благодарю вас...

Я слышал, как отец запер дверь, постоял там немного и, хмыкнув, пробормотал:

— Чертовщина какая-то. Запугали как...

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

А на воскресную прогулку мы отправились вдвоем: был октябрь, и мама целыми днями пропадала в школе — готовила утренник и выставку, для которой я нарисовал ушастую собаку верхом на ракете.

Прогулка... День был бесцветный и холодный, пахло снегом, ветер дул с реки. Замерзли сразу, самое бы время домой, к печке, но традиция есть традиция. Шли и скалились от ветра.

Кажется, я первый заметил костер на берегу. Кто-то сидел там, сгорбившись, на перевернутой лодке, под ногами трепыхался грязно-рыжий лоскуток огня.

Что выдумывать, не было никаких предчувствий, сомнений, да я и не узнал его, пока он не поднял голову и не сощурил на нас прозрачные стылые глазки — в какой-то шапчонке, в короткой телогрейке он был очень похож на ворону. Я спрятался за отца.

— А, товарищ учитель... С экскурсией? — И голос был незнакомый: грустно и как будто с усмешкой произнес он свое «товарищ учитель».— Садитесь, что же. Грейте вашего мальчика...

Мы сели. Отец прикрыл меня от ветра и протянул ладони к огню. Парикмахер слегка отодвинулся. Рядом с отцовскими его руки казались совсем маленькими, даже смешными. Огонь, вытянувшись, лизал траву, та вспыхивала и гасла, тлела, обгорелая.

— Значит, сажаете? — полуспросил отец.

— Сажаю,— откликнулся он, усмехнувшись.— Раньше меня, теперь — я.

И только тут я увидел — чуть поодаль, в ряд, вздрагивали на ветру четыре деревца, четыре березки, голые, без листьев, в два пальца толщиной. Еще с десяток, с прикопанными корнями, лежали кучкой возле лодки.

— Может, помочь?

— Да вам-то зачем...— Парикмахер бросил окурок в костер и, глядя, как темнеет он на углях, проговорил: — Все равно померзнут, товарищ учитель.

Я опять подумал, что он очень похож на ворону, особенно теперь. На старую зимнюю ворону.

— Да, холодно, черт...— быстро закивал отец.— Хотя, знаете, вряд ли. По-моему, всегда в эту пору сажают.— И, подышав в кулак, снова наклонился над огнем.— Ничего, весной зацветут. Зацветут.

Парикмахер молча взял новый саженец из кучи, осторожно, чтоб не стряхнуть с корней землю, поставил возле ног.

— А вообще-то вы хорошо придумали,— сказал отец, тоже оглядывая деревце.— Сад... Даже само слово-то — да? Благородное. Емкое...

— И людям же радость, да? — глухо усмехнулся парикмахер.

— Конечно. Наверно, все же надо человеку, чтоб был в жизни сад. Или хоть дерево... Как там мудрость-то восточная, как там — посади дерево, роди сына...— Отец не то погладил, не то хлопнул меня по затылку.— Вот он, дубок, тянется...

— Мудрость? — спросил парикмахер.

— Да, кто-то из восточных...

— Это когда жизнь, товарищ учитель. Жизнь. А когда ее не было, а? Когда вот так ее! — Он вдруг хрястнул деревце об колено.— А? — И остро морщась, словно от боли, посмотрел на отца.

...Мы шли медленно, и я все оглядывался, стараясь незаметно, через плечо. Ветер студил глаза, что-то холодное и острое мелькало в воздухе. Снег или пыль. Отец слишком крепко держал меня за руку.

— Вы-ы! Сад вам?

Я вскрикнул.

— Юрий, идем!

— На! Сад вам! Сад!

— Юрий — отец волок за руку, за ворот, а я, ошалев от страха, выворачивался и глядел, глядел туда... Кругом до жути было пусто и тихо, только ветер и этот крик...

Так и снилось мне ночью.

А наутро я заболел. Просто ангиной.

В тот же день Колька сообщил, что парикмахеру кто-то переломал все деревья, и он уезжает. Инвалид Рыжков на всякий случай Кольку выпорол, и это был последний отзвук истории с садом. Больше никто у нас не сажал садов, да и Козий тупик, как оказалось, доживал свою последнюю полнокровную осень: в декабре снесли два первых барака, в том числе и наш. Нам дали квартиру.

С той поры я ничего не слышал об этом человеке, ни тогда, ни позже. Родители молчали, как по уговору.

И только однажды где-то с поезда я увидел очень похожее место: тоже речка, пустырь, домики, и рядок березок на пустыре. Даже обрадовался, к окну прилип. И вот ведь уютненькая такая мысль появилась, добренькая такая мысль...

Хотя — что уж в ней доброго...

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

От автора: Ныне стало у нас принято публиковать в журналах стихи, написанные в прежние годы. Самою этой возможностью нисколько не соблазняясь, решился я тем не менее предложить журналу стихи, написанные не только в разные годы, но и в разные десятилетия,— решился, исходя из того, что лежащий на них отпечаток и отсвет дороги, судьбы и опыта людей моего поколения, наших поздних прозрений, надежд и разочарований, может быть, в какой-то степени если не поучителен, то хотя бы небезынтересен сегодняшним людям, особенно — молодым.

ИЗ РАЗНЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

ИЗ ПЯТИДЕСЯТЫХ

* * *

Все гаечки да винтики,
а Бог — у пульта.
Это называется
эпоха культа.
Так ли называется,
не так ли называется —
это в моем сердце
болью отзывается.
А кругом у мальчиков
запал да пыл.
Они ко мне с вопросом —
а ты где был?
А где я был, мальчики?
И там был, и тут.
Винтики, винтики
по полю идут.
Сталин о нас думает.
Нам ни шагу вспять.
Дважды два четыре,
пятью пять двадцать пять.
А над бедным винтиком
ворон парит.
А под белым бинтиком
рана горит.
Васеньки? Витеньки?
узнать не могу.
Винтики, винтики
лежат на снегу...
Среди того дыма
и того огня
я и не заметил,
как убили меня.
Не шлепнули в застенке,
не зарыли во рву —
вот я и думал,
будто живу...
Что ж это такое,
как же это вдруг!
Ах, товарищ Сталин,
учитель и друг!
Как же это вышло
со мной, со страной,
учитель мой, мучитель,
отец мой родной!
...Мартовский морозец,
поздняя весна.
Трудно просыпаюсь
от долгого сна.
Щурюсь непривычно
на солнце, на свет.
И сам еще не знаю —
жив
я или нет.

ИЗ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Кончается рабство на свете,
холопство кончается.
Кончается так,
что земля под ногами качается.
И хочется столько от этого
выпрямить, выправить,
и хочется так
из души это рабское вытравить,
издревле холопское,
робкое и раболепное,
покорно твердящее
лживое слово хвалебное.

А кто-то надеется,
кто-то серьезно надеется,
что снятое с шеи
обратно на шею наденется.
А кто-то упрямо надеется —
все перемелется,
на круги своя возвратится
и не переменится.
Но в тесной коробочке
маятник тихо качается.
О, к рабству привыкший! —
мне жаль его —
как он отчается,
когда он увидит,
что почва и вправду качается,
когда он поймет,
что действительно это кончается.

ИЗ СЕМИДЕСЯТЫХ

КАК ЖИВУТ ПОЭТЫ

диалог

— Скажите, поэты, а как вы, поэты, живете?
И где вы живете? И что вы там пьете-жуете?
И нет ли порою нехватки в жирах или мясе?
А может, и вовсе на хлебе сидите да квасе?

— Ну, что ты, читатель, да ты не волнуйся
напрасно!
Живем мы неплохо, и даже скорее — прекрасно.
Питаемся сытно, на завтрак — вино и бекасы.
А после нам денежки на дом приносят из кассы.
И тесной гурьбою, с карманами, полными денег,
идем мы на рынок — гусей покупать да индеек.
А после гуляем по вечнозеленому лугу,
стихи сочиняем и тут же читаем по кругу.
И критики наши, на редкость душевные люди,
лавровые ветви разносят на розовом блюде.
И добрый редактор, взволнованный свежей
строкою,
слезинку восторга тайком утирает рукою...
Вот так и живем мы, и пишем бессмертные
строфы —
вблизи от Парнаса, а также вблизи от Голгофы.
И дуем коньяк под лимоны и черное кофе —
вблизи от Парнаса и все-таки ближе —
к Голгофе.

ИЗ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

О ПАМЯТИ И О ПАМЯТНИКАХ

Я знаю, никакой моей вины...
А все же, все же...

1

Генерала Карбышева
пытали,
мучили
и убили.
Кто?
Немцы. Враги.

Страшно.

Маршала Тухачевского
пытали,
мучили
и убили.
Кто?
. . . .
Жутко.

Нашим убитым,
нашим замученным
мы даже памятник не поставили.
Кто же мы,
что же мы за народ?

Стыдно.

2

Который год мне не дает покоя
все то же неотступное виденье.

...В тот миг, когда державные часы
на Спасской башне отбивают полночь,
когда еще не смолк, не отзвучал
тяжелый звон —
с двенадцатым ударом
они на площадь Красную вступают
и начинают шествие свое —
за рядом ряд, колонна за колонной,
и, как штандарты воинских частей,
плывут над ними стяги, на которых,
как номера дивизий и полков,
стоят —
двадцать девятый и тридцатый,
и тридцать третий, и тридцать четвертый,
и тридцать пятый, и тридцать седьмой,
и все другие годы остальные,
их путь перечеркнувшие земной,—
за рядом ряд, колонна за колонной,
по затемненной площади ночной,
как равные, в своем печальном марше,
воистину как равные, впервые,
и сеятель с котомкой за плечами,
и академик в лагерном бушлате,
и комиссар в изодранной шинели,
в остроконечном шлеме, на котором
горит пятиугольная звезда...

— Зачем,— я говорю им,— и куда
идете вы, мне душу надрывая,
беззвучные и легкие, как тень?

— Мы к вам идем,
в сегодняшний ваш день,
и в завтрашний ваш день, и в день грядущий,
еще и вам невидимый пока,
мы к вам идем —
куда ж нам друг без друга,
мы память, что жестока и горька,
и мы ее горчайшая строка,
но в памяти — грядущему порука,
цена ж забвенья слишком высока! —

За рядом ряд, колонна за колонной,
как равные, в своем печальном марше,
как равные, в своем посмертном братстве,
и нету им ни края, ни конца.

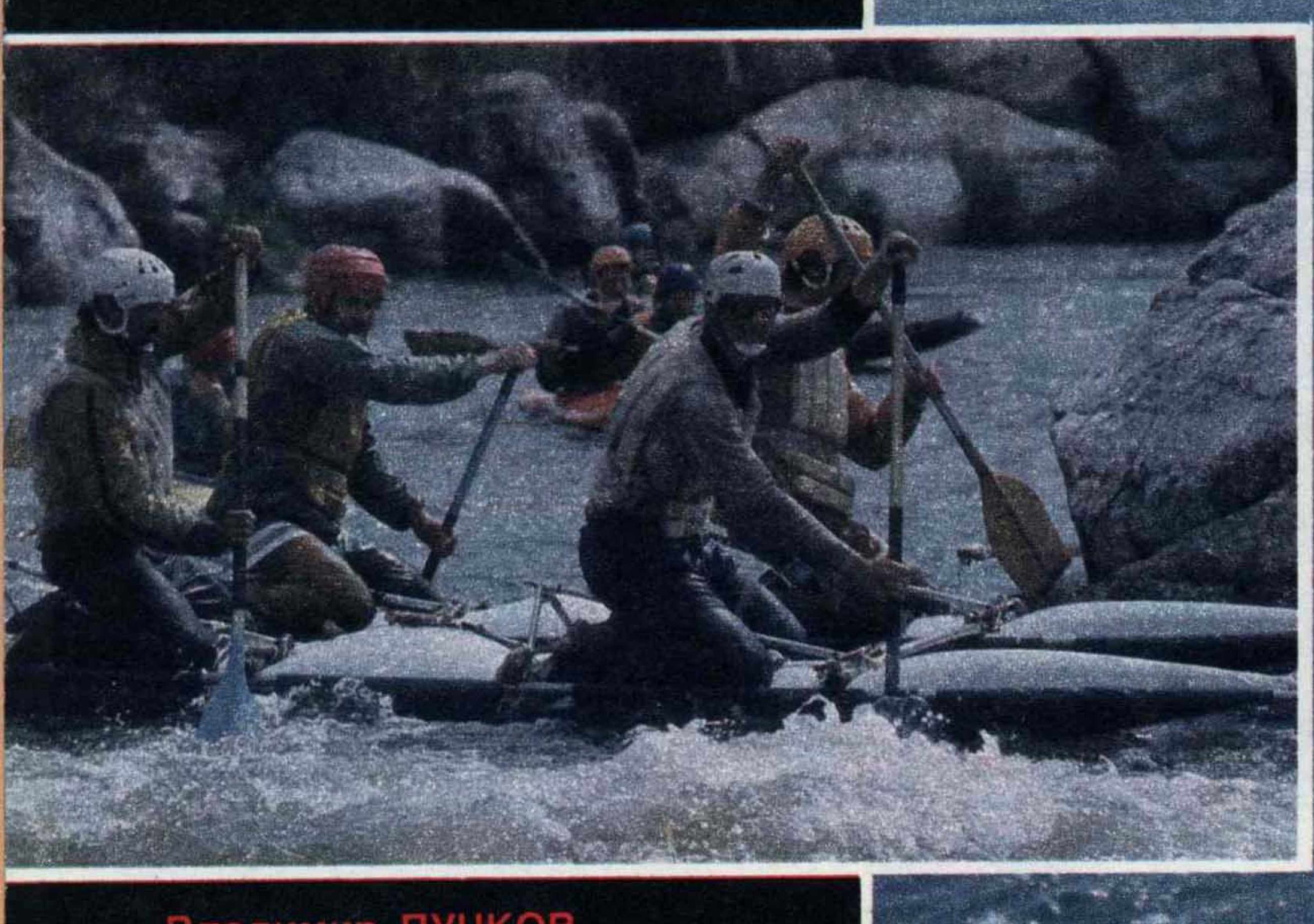
3

Эти убили, а эти оставили.
Кто ж наши Каины?
Где ж наши Авели?
Даже могил никаких не оставили.
Горько в родимой земле им лежать.

Нашим убитым,
нашим замученным
мы даже памятник не поставили.
Стыдно.
И не за что нас уважать...

ЗА ЗДОРОВЬЕМ— НА ВЕСЛАХ!

Туристы, тем более водные,
да еще «специалисты по горным рекам» — народ особый:
они не ждут ничьей помощи,
не рассчитывают на милость промышленности
или официальных организаций, а сами, как говорится, от А до Я,
обеспечивают себе прекрасный летний отдых.

Владимир ПУЧКОВ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА.

По весне, в первые дни мая, сюда съезжаются шесть-семь сотен водных туристов Москвы, Ленинграда, Иванова, республик Прибалтики (но, как ни странно, реже всего с Украины); есть горожане, есть сельские ребята, но больше всего москвичей, бывалых «водных волков». Тот не поймет радости встречи с бурлящей водой, с брызгами солнца на веслах и ярких красок байдарочных дек, кто долгими зимними вечерами не мастерил, не изобретал причудливого инвентаря, своих самодельных байдарок, каяков, каноэ и катамаранов, кто не вынашивал в деталях, в мелочах маршруты и программы летних походов по рекам Саян, Алтая, Урала.

И вот здесь, на Южном Буге, первая серьезная «прикидка» к долгожданному отпуску!

Продолжение на стр. 24.

Вопросов было бесконечное множество. Человека, которого до этого видели только на экране, засыпали градом признаний, похвал, расспросов о фильмах, о личной жизни, о политических и религиозных пристрастиях и о многом-многом другом. Он вправе был отказываться, ссылаясь на занятость и усталость, вправе был отвечать скупо, употребляя лишь «да» или «нет», как это часто он делал у себя дома,в США. Мог бы... В конце уже кто-то из сопровождающих спохватился и посетовал, что, мол, зря не снимали на пленку диалоги и монологи гостя, получилось бы отменное видеопособие по актерскому мастерству, выхваченное из обиходных, казалось бы, ситуаций. Несколько ролей исполнялось одновременно, мизансцена за мизансценой разыгрывались именно с теми — независимо от количества,— кто в данный момент оказывался рядом.

ДОЛГАЯ МОЛОДОСТЬ РОБЕРТА РЕДФОРДА

Как мне показалось, никому так и не удалось вывести его из состояния бесконечной импровизации с высокой степенью свободы, обуздать тем или иным «жестким» вопросом вольный полет мысли. В то же время он был бунтовщиком ровно настолько, насколько это было необходимо, нонконформистом впритирку с эксцентричностью, политиком в разумных по сегодняшним американским нормам пределах. Роберт Редфорд, о ком идет речь,— актер, режиссер, продюсер и общественный деятель в одном лице, представитель так называемого «золотого» поколения кинематографа США в ряду с Уорреном Битти, Джеком Николсоном, Робертом де Ниро, Полом Ньюмэном...

Впервые в Советском Союзе, узнаваемый, однако, не только теми, кто видел "Три дня Кондора". Ретроспектива фильмов Редфорда в Ленинграде, Москве и Тбилиси, вкупе с радостью вызывающая и вполне резонный вопрос: «Почему только сегодня, а не лет двадцать, скажем, назад мы начали, по сути, знакомство с кинопрофессионалом высочайшего класса?»

— Я всегда верил, что кинематограф является мощной силой, способной повлиять на улучшение взаимопонимания между нашими странами,— заявил Редфорд, едва ступив на советскую землю.

Разве можно с этими словами не согласиться?

Признаюсь, как и большинство моих коллег по перу, ожидал исключительно «киношного» Роберта Редфорда и, как следствие, затяжных узконаправленных бесед «по теме». Оказалось, сам он в некоторой степени опасался того же и счел необходимым дать музе ограниченные права. В лице Редфорда мы увидели руководителя солидной научной группы из основанного им не так давно Института управления ресурсами — представительного центра по решению экологических проблем на планете. Буквально с дней основания Института в штате Колорадо партнерами американских экологов стали их советские коллеги из Академии наук СССР.

— Какова причина вашего перевоплощения в ученого? — спросил я у Редфорда.

— Не хочется возвращаться к первозданному хаосу, а именно к нему мы движемся, оставляя за собой горы мусора и испорченный воздух...

— Что предшествовало нынешнему приезду в СССР, как рождалась идея двухдневного семинара советских и американских ученых, на котором обсуждались...

— ...глобальные процессы в земной атмосфере, последствия ее загрязнения. Примерно два месяца назад в США произошла моя первая встреча с Элемом Климовым, которую можно отнести к разряду чисто случайных. Я все же смог показать ему и его друзьям многое из национальной культуры Америки, в особенности культуру американских индейцев. Я слышал, что и в советских республиках хранят национальные традиции, культуру, очень хотелось все это увидеть своими глазами. В общем-то наш Институт управления ресурсами имел приглашение от Академии наук СССР, и я давно собирался к вам приехать, теперь же получилось так, что и Союз кинематографистов меня приглашал, и от двух приглашений отказаться было просто невозможно.

Культура и экология неразрывны. Искусство и наука также могут прекрасно сосуществовать вместе, в виде фильмов, например. Очень хотелось бы поработать над совместным проектом — снять фильм о проблемах экологии в СССР и США. В Москве мы провели интересную дискуссию на тему: «Что может сделать человеческий прогресс с человеческим будущим?» Мы хотели поднять лишь малую часть из гигантского пласта проблем, накопившихся к концу нынешнего века, разобраться, сумеем ли извлечь в конце концов какие-либо позитивные результаты.

Так называемый «парниковый эффект», глобальное потепление... Вопросы настолько важные, что говорить об этом должны не только люди науки, но и в каждом доме, в каждой семье. Американские и советские ученые заключили между собой соглашение о сотрудничестве, первое соглашение такого рода между нашими странами. Мы хорошо начали, выяснилось, что в наших странах есть прекрасные эксперты, им теперь предстоит обсуждать, анализировать важную и ценную информацию для ее последующего использования учеными всего мира. Скрывать друг от друга какие-то вещи, я считаю, нелепо, как нелепо подогревать мифы и вымыслы, взаимные обвинения. Сама жизнь заставила сегодня нас пожать друг другу руки.

— В США ведь есть и другие организации, в том числе правительственные, по защите и охране окружающей среды. Почему бы не рассмотреть вопрос их участия в глобальных проектах?

— Начнем с малого. В нашем деле бессмысленна конкуренция, поскольку есть общая цель. Дверь будет открыта не только любой организации, но и любому человеку с новой и оригинальной идеей.

...Слава никогда не катилась впереди Роберта Редфорда. Он не скрывал свое происхождение из семьи с крайне низкими, по меркам тридцатых годов, доходами. Похулиганив вдоволь в детстве и намаявшись в поисках работы после школы, нашел в себе силы поступить учиться в университет. Увлекся живописью и бейсболом, затем бросил и то, и другое, и учебу заодно. Перекати-полем прошел по Америке, случайно забрел в театр, смеха ради предложил свои услуги и...

— Теперь я горжусь, что моей первой ролью стал второстепенный персонаж из «Чайки» Антона Чехова. Впрочем, что я говорю? У Чехова нет второстепенных и первостепенных, у него все роли главные! Человек — вот объект его внимания, мораль и нравственность — вот предмет его исследования.

— Долгим ли был путь от театра к кинематографу?

— И да и нет. Театр до сих пор моя слабость, а сниматься я начал сравнительно поздно. Сначала на телевидении в каких-то комедиях, названия которых уже и не вспомню, затем судьба свела меня в одном фильме с Джейн Фондой.

— Какие работы вам особенно дороги и почему?

— Некоторые фильмы дороги потому, что в них приятно было играть, некоторые потому, что они очень трудно давались, иные просто совпадали с тем, что я переживал. Если в целом, я люблю все свои фильмы, потому что в ходе их создания приходилось очень сильно рисковать. «Бутч Кэссиди и Санденс Кид» доставил мне наибольшую радость, во-первых, я играл вместе с Полом Ньюмэном, во-вторых, я получал чисто физическое удовольствие, как бы перенесясь во времена покорения Дикого Запада. Я люблю лошадей, до сих пор бываю в тех местах, где шли съемки,— там изумительная по красоте природа. В начале фильма есть слова: «Почти все, что вы увидите,— правда». И это действительно так...

Мне дорога «Вся президентская рать», потому что перед началом работы нам предрекали: будет трудно, будет сильное давление со стороны прессы и никогда не удастся вскрыть правду о том, как на самом деле работают наши средства массовой информации, правду Уотергейта... Я испытываю особую гордость за участие именно в этом фильме.

Люблю «Три дня Кондора» не только из-за идеи. Фильм о том, что для того, чтобы выжить, человеку необходимо тщательно думать и взвешивать каждое свое действие. Этот фильм как бы о паранойе, когда не знаешь, что происходит, откуда исходит угроза и уже нет границы между жизнью и смертью. Иногда мы молчим, потому что страшно произнести слова правды, но в «Кондоре» есть правда об обстановке в моей стране.

— На ретроспективе ваших фильмов наибольшее впечатление произвела «Война на бобовом поле в Милагро»...

— Да, фильм, на съемку которого пришлось потратить целых тринадцать лет! Сценарий был готов давно, начинали снимать одни, заканчивали другие... Это моя вторая авторская работа, и в нее я вложил всего себя, без остатка. Не прошло бесследно мое увлечение романами и новеллами Габриэля Гарсиа Маркеса, сценарий написан по роману Джона Николса, весьма близкого к Маркесу по ощущению мира. Фантазия в фильме переплелась с реальностью, а в целом мне хотелось рассказать о людях, которые в невероятно трудной борьбе отстаивают наиболее естественный для них образ жизни.

...Редфорд умолкает. Он не привык говорить подолгу. Программа оказалась столь насыщенной, что даже отведенное на сон время пришлось наполовину сократить. Один из последних моих вопросов был о политических намерениях Редфорда, поскольку его деятельность вышла далеко за рамки чистого искусства:

— О, об этом меня обожают спрашивать в Америке! Когда в сентябре прошлого года Институт управления ресурсами проводил в Колорадо двухдневную конференцию чистого воздуха, кое-кому из журналистов показалось, будто я на своем имени наживаю политический капитал и даже имею президентские намерения. Вы знаете, иногда легче сказать «да», чем доказывать бессмысленность утверждений противной стороны.

А потом, видите ли, в Белом доме побывал и наш брат актер, а в Америке не любят повторений...

— Что вам хотелось бы передать советским людям, тем, кто вас еще не знает, и тем, кто знает и любит?

— Всего наилучшего. Мне хотелось бы еще раз вернуться в вашу прекрасную страну, чтобы больше узнать и лучше понять советских людей. С поправкой — на более высоком уровне, то есть побывать дома у друзей, поговорить на улицах... Очень трудно сразу обнять тысячу человек, но полюбить одновременно можно и миллион. Считайте, так уже произошло.

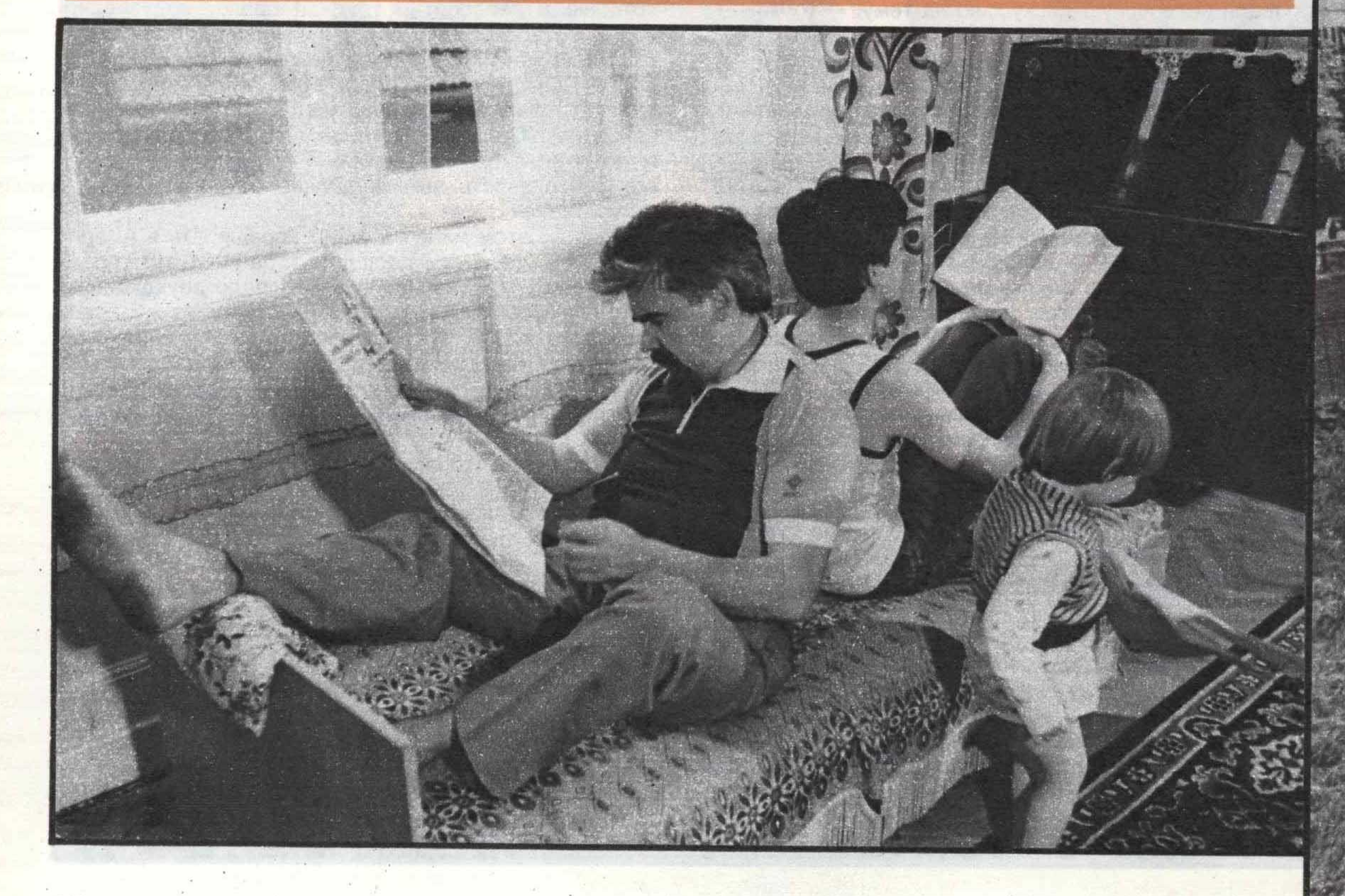
Беседу вел Владимир КОВАЛЕВ.
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Дом, что на улице Фрунзе, 35, знают в Черновцах буквально все: здесь живет самая многолюдная семья города. Посмотрите на милые, веселые лица детей учительницы Нины Васильевны и журналиста Вячеслава Васильевича Мигалюков. Их всех зовут на букву «Р» — от слова Радость. Давайте уж и познакомимся: Роксолана, Ростислав, Руслана, Розалия, Романна, Рената, Радмила, Росита, Радомир, Родион.

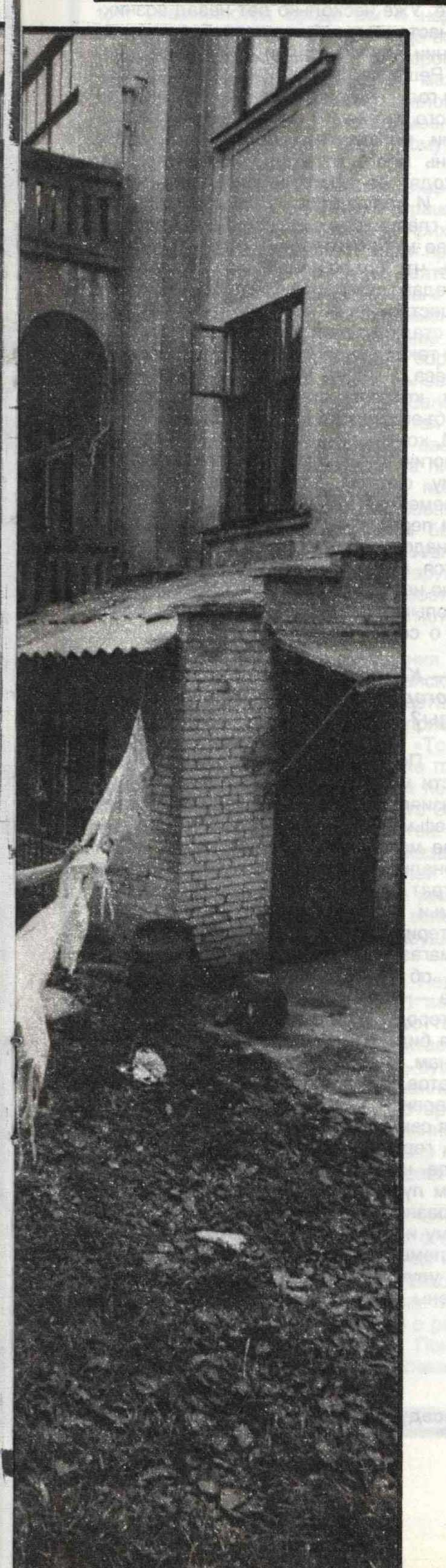
Конечно, не сами эти имена в такое красивое и радостное соцветие сплелись. Задумали их мама Нина Васильевна и папа Вячеслав Васильевич еще в пору своей студенческой юности. Когда строили планы на будущее, мечтали, какой будет у них семья: решили — будет у них много детей. И назвать всех на «Р» — от слова Радость. Будущие супруги это утвердили и внесли в свою семейную программу.

На снимках: семья Мигалюков.

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО.

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

Строгая и всезнающая статистика утверждает: в Советском Союзе доля «больших» семей, то есть насчитывающих четырех и более детей, мизерна и составляет лишь семь процентов от общего количества. Но именно эти-то семьи как раз и «расплачиваются» за нас с вами, с трепетом сдувающих пылинку с единственного чада, смертельно страшащихся многоголосого шума, гама, соплей, воплей, бессонных ночей и ранних морщин. И «расплачиваются» порой по очень жесткому счету. Группа ленинградских ученых во главе с доктором философских наук, старшим научным сотрудником Института социально-экономических проблем АН СССР Сергеем Исаевичем Голодом провела недавно широкое и детальное исследование состояния многодетной семьи. Анализ статистических данных по Ленинграду обнаружил принципиальное совпадение общесоюзных и региональных изменений в структуре семьи, показал реальное положение многодетной городской семьи.

— Сергей Исаевич, давайте сначала уточним сам термин «многодетная семья».

— В Ленинграде мы рассматривали семьи с четырьмя и более детьми, хотя в связи с современной демографической ситуацией на уровне бытового сознания семья с тремя детьми считается уже многодетной. Но мы за точку отсчета берем четвертого ребенка. Оказалось, что почти половина исследованных семей ограничилась именно четырьмя или пятью детьми. Шестого рискнули завести 13 процентов опрошенных. И совсем немногие (3—5 процентов) отважились на дальнейшее продолжение рода. Всего в нашем городе мы насчитали 2600 многодетных семей.

— Для пятимиллионного города — это капля в море. При сегодняшнем экономическом развитии нашего государства, казалось бы, эти семьи должны жить в достатке и благополучии. Но вывод ваших исследований очень горек: «Ленинградская многодетная семья находится в бедственных материально-жилищных условиях. Это, несомненно, сказывается на ее культурно-воспитательном потенциале». Расшифруйте, пожалуйста, что стоит за этими словами.

— Давайте рассмотрим бюджет семьи. Обычно многодетная мать зарабатывает от 60 до 80 рублей. С чем это связано? Почти четверть женщин не окончили школу и не получили специального среднего образования. И это при нашем «всеобщем». Среди занятых в общественном производстве более половины имеют рабочую квалификацию. Причем каждая вторая предпочитает сферу с гибким, жестко не фиксированным временем. То есть они работают в основном дворниками, уборщицами. Ясно, что денежный вклад матери в семейный бюджет не может быть сколько-нибудь значительным. В полной семье главной, а подчас и единственной, опорой становится отец. Тем более, если учесть, что в каждой пятой брачной семье мать — домохозяйка. В среднем глава семьи зарабатывает 205—210 рублей, что близко к средней зарплате рабочих и служащих. Но при этом не забудем, что одиннадцать женщин из ста растят своих детей в одиночку.

— Но бюджет многодетной семьи складывается не только из заработков супругов. Существенную материальную поддержку оказывают государственные учреждения. Вспомним хотя бы пособия по многодетности, малообеспеченности...

— Не надо заблуждаться насчет «существенной» помощи. Давайте разберемся. Можно выделить три канала систематической помощи со стороны специализированных учреждений: пособия по многодетности, пособия по малообеспеченности и пособия матерям, воспитывающим детей без юридически признанного отца. Размер пособия по многодетности, как принято законодательством, прямо зависит от числа детей и их возраста. Его начинают выплачивать на четвертого ребенка и последующих детей. Размер пособия ничтожен — четыре рубля ежемесячно. Правда, размер пособия с каждым последующим ребенком постепенно увеличивается. Скажем, на седьмого и восьмого ребенка государство уже расходует по десять рублей. Однако срок выплаты пособий строго ограничивается возрастом ребенка — от года до пяти лет. Но вы же прекрасно понимаете, что потребность в еде, одежде, обуви, в игрушках, наконец, после пяти лет жизни не только не отмирает, но начинает возрастать чуть ли не в геометрической прогрессии. При этом ребенок еще не может самостоятельно зарабатывать. А данное пособие в связи с достижением ребенком определенного возраста получает по этой причине отнюдь не каждая многодетная семья. В нашей выборке оказались лишенными этой поддержки двадцать процентов семей. Немногим более трети получают на четвертого ребенка и такая же доля на шестого и седьмого. В итоге средняя величина пособия — семь рублей. Очевидно, что такая небольшая сумма не может существенно повлиять на материальную обеспеченность многодетной семьи.

Пособия по малообеспеченности, по данным актов обследования, получают 27 процентов семей. С большой долей осторожности можно сказать, что его средняя величина составляет около 32 рублей.

Пособия, выплачиваемые государством матерям-одиночкам, получают 46 процентов матерей в неполных семьях.

Общий ежемесячный доход многодетной семьи составляет в среднем 285—289 рублей. При этом дифференциация в зависимости от типа семьи весьма существенна: в неполных семьях он составляет около 180 рублей, в полной — около 300. За средними цифрами скрывается довольно большое различие в доходах.

Общая величина денежного бюджета

практически не связана с числом детей в семье. Значит, доход формируется прежде всего за счет заработка родителей, другие же статьи, и в том числе, особо подчеркну, государственные пособия, не вносят существенного вклада в общий бюджет семьи. Таким образом, по мере увеличения числа детей в семье заметно снижается доход на каждого ее члена. В частности, для многодетной полной семьи он равен 41—45 рублям в месяц, для неполной семьи — всего 30 рублям. В любом случае это в два-три раза ниже признанного прожиточного минимума.

Например, к настоящему времени в нашей стране средний душевой доход составляет около ста рублей, а у шестидесяти процентов населения — свыше этой суммы.

— Многие матери и отцы трудятся на заводах и фабриках, в институтах и научных объединениях. Коллективы предприятий, на мой взгляд, просто обязаны оказывать помощь и внимание своим сотрудникам.

— Помощь эта мала и нерегулярна. Так, указывают на получение какой-либо денежной дотации всего лишь пять процентов семей и еще одиннадцать — пользовались льготными путевками в санатории и пионерские лагеря. Столь же нерегулярна помощь школы и учреждений здравоохранения: иногда предоставляется льготное или бесплатное питание, обеспечиваются школьной формой; изредка выдаются путевки в детские санатории, некоторые семьи по решению исполкомов местных Советов прикреплены к продовольственным магазинам.

— Можно ли говорить, что эти поистине многострадальные семьи хотя бы обеспечены квартирами?

— Если брать в целом по Ленинграду, то вроде бы здесь более-менее благополучно. 71 процент живет в отдельных квартирах, 27 — в коммуналках и лишь один процент ютится в общежитии. Но опять-таки это сухие цифры. А на самом деле вот вам пример. Семья из восьми человек живет в пятнадцатиметровой отдельной квартире и восемь лет стоит в очереди на расширение. В среднем по всей совокупности обследованный метраж на одного человека составляет шесть квадратных метров, что ниже установленной санитарной нормы. При этом доля имеющих менее четырех с половиной квадратных метров на человека равна почти четверти от общего количества семей. Данные обследования также позволили сделать вывод о том, что до появления шестого ребенка многодетная семья фактически не имеет преимуществ в обеспеченности полноценным жильем.

Важной характеристикой качества жилья является уровень его комфортности. Наличие удобств в квартире указали 88 процентов. Но эта цифра не должна обольщать. Такой высокий процент удовлетворенных комфортабельностью жилища обусловлен тем, что представление о нем сформировалось в массовом сознании во времена аскетизма. Поэтому уже само наличие отдельной квартиры воспринимается как высокое благо. На самом же деле, например, такой элементарный признак современной цивилизации, как телефон, имеется лишь в каждой третьей семье. Более того, работники отделов социального обеспечения, которых можно считать экспертами по данному вопросу, оценивают жилищные условия в целом следующим образом: неудовлетворительные почти у половины, удовлетворительные у сорока процентов и хорошие только у десяти процентов. Следует подчеркнуть, что и по уровню комфортности в самом худшем положении оказались четырехдетные семьи. Две трети их находится в крайне плохих условиях.

— Непонятно, почему такое небольшое количество семей невозможно обеспечить в первую очередь сносным жильем?

— Объясняется все довольно просто. Коренные ленинградки составляют лишь пятую часть многодетных матерей. Супруги, как правило, мигранты. Следовательно, они зачастую живут по лимитной прописке или на служебной площади. Но даже когда срок лимита истекает, на них еще долго не распространяются права, которыми пользуются родившиеся в городе на Неве.

— Скученность, постоянная борьба буквально за выживание формируют и определенную психологию...

— К сожалению. Особенно пагубно отражается это на детях. Сколько бы мы ни говорили об «атмосфере многодетности», о взаимной поддержке, выручке — такие семьи скорее исключение, чем правило. Как стало известно из исследований медиков и юристов, слишком много детей в одной семье не так уж хорошо, как кажется на первый взгляд. В городских многодетных семьях выше процент правонарушений, совершенных малолетними, больше всего проявляется педагогическая запущенность. По мнению экспертов, в десяти из ста семей нравственно-психологический климат неудовлетворителен. Добавьте к этому нежелание ради «имиджа» рассказать откровенно о семейной обстановке, неумение или недобросовестность интервьюера.

— Исследователи среднеазиатских республик утверждают, что семья у них стабильна и не разрушается только в силу многодетности. Насколько, по-вашему, оправдан этот тезис?

— На примере Ленинграда мы сейчас говорим о типичной многодетной семье крупного города. Трудно и почти невозможно при тех же условиях сравнивать «среднеазиатскую» и «европейскую» семью. Слишком велика разница, специфика. И все же с определенностью можно сказать, что семья в Средней Азии не разрушается в сельской местности там, где женщина не работает. Как только она начинает профессионально трудиться, чаще всего это связано с переездом в город, так увеличивается количество разводов и уменьшается число детей.

Большое количество детей связано с принципами самой семьи. Больше рожают в семье патриархального типа, поэтому она более стабильна внешне. Потому что все конфликты гасятся за счет главенства мужа. Как известно, по канонам мусульманской религии главной добродетелью женщины считалась покорность. «Повсюду в мире ислама,— как пишет М. В. Вагабов в книге «Ислам и семья»,— главным делом женщин было рождение детей, их воспитание и домашний быт, тогда как функция мужчины — попечителя, кормильца, владыки — вытекает из его естественного преимущества и подготовленности». Исходя из этого девочек с малолетства воспитывали в духе беспрекословного подчинения воле отца, а впоследствии — мужа. Эти принципы половой сегрегации настолько сильно впитались в ткань культуры, что нередко проявляются и поныне. Подобные явления наблюдаются даже у супругов среднего и молодого возраста.

— Видимо, переезд в большой город связан с большей информированностью, более тесной связью с внешним миром, повышением образовательного уровня?

— Характерно, что количество детей находится в обратной зависимости от образования матери. Женщины с высшим образованием, как правило, даже если они хотят иметь большую семью, ограничиваются четвертым ребенком. Кстати, наши медики тоже настаивают на этом. Ибо, начиная с пятого ребенка, резко возрастает вероятность увеличения детской смертности и рождения неполноценного, то есть с пороками развития ребенка. Отметим еще одно обстоятельство. Около десяти процентов обследованных женщин начинают рожать до 20 лет, а четверть их продолжает за 35. Логично предположить, что рождение женщиной в возрасте около сорока лет пятого или шестого ребенка происходит в силу культурной неподготовленности и малой осведомленности о наличии контрацептивных средств. Исследования, например, показали, что в первые годы брачной жизни казашки практически ничего не знают о средствах предупреждения беременности. Более половины жительниц села, впервые услышавших о возможности регуляции от врача, имели к этому времени по пять — восемь детей. Да и осведомлены о такой возможности они были только в связи с ухудшением состояния здоровья, вызванного частыми родами. Короче, не менее половины детей, рожденных в многодетных семьях, попадают в группу повышенного риска по медико-биологическим показателям. Информирование широких слоев населения об этих фактах становится актуальным в связи с необходимостью повысить роль сознательной ответственности родителей за здоровье детей.

— Сергей Исаевич, значит ли это, что вы в принципе против многодетной семьи?

— Что значит «против» или «не против»? Данные научной статистики свидетельствуют, что повсеместно происходит переход от многодетной к малодетной семье через среднедетную, за исключением двух республик — Таджикистана и Узбекистана. В них количество детей в семье постоянно растет. Средняя семья за счет детей по переписи в 1959 году была 4,7 человека, в 1970-м — 5,4, а по переписи 1979 года — 5,7. В то время как по РСФСР этот показатель неуклонно падает: 3,6; 3,5; 3,3 соответственно. Материалы переписей зафиксировали разнородные явления: во-первых, стабилизацию среднего размера семьи в Эстонии, во-вторых, тенденции к его снижению в Латвии, РСФСР и на Украине, в-третьих, достаточно высокие показатели, несмотря на некоторые перепады, в Армении и в Азербайджане и, наконец, в-четвертых, устойчивый рост количественного состава совместно проживающих в Среднеазиатском регионе. Короче, здесь четко выделяются три группы республик: на одном полюсе Эстония, Латвия, Украина и РСФСР, на другом — Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, промежуточную позицию занимают Армения и Азербайджан. Чем же обусловлена такая многоликость? Культурные традиции, этническое своеобразие, безусловно, накладывают отпечаток на семейную структуру. Но в то же время нельзя не отметить сближение народностей разных этнокультурных регионов — скажем, украинцев и эстонцев. Значит, имеется более сильный фактор, который вопреки этносу сближает семейные структуры. И в самом деле, обращение к раздельным показателям среднего размера семьи по городскому и сельскому населению среднеазиатских республик дает основание говорить о доминирующем влиянии типа поселения. Совокупность множества факторов указывает на то, что семья коренного населения Средней Азии, Кавказа и Поволжья в общем и целом эволюционирует в сторону современной городской семьи Центрального и Северо-Западного регионов РСФСР, Украины, Белоруссии и Прибалтики. Отсюда детальное изучение последней, в частности на примере Ленинграда, может дать принципиальное представление о ближайшей перспективе семьи.

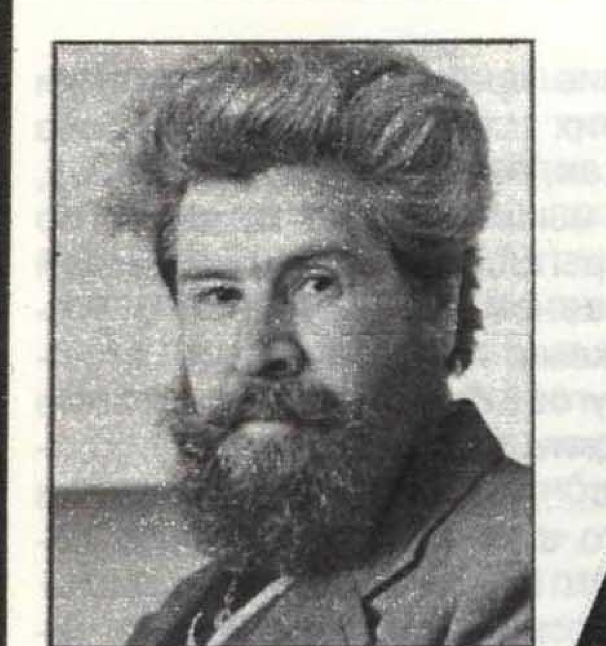
Многодетная семья, хотим мы этого или нет, себя изживает. Речь сейчас должна идти не о переходе к малодетной семье, а речь должна идти о стимулировании среднедетной семьи, о ее стабилизации. Мы хотим, чтобы как можно больше семей имело не менее трех детей. Потому что даже для простого воспроизводства населения среднестатистическая семья должна состоять не менее чем из 2,6. Среднедетная семья имеет много преимуществ: можно установить процесс планирования, более гармоничного воспитания детей, и в этом смысле показательны те регионально-демографические изменения, которые начали проводиться в Латвии и Эстонии. А именно, поощрение двух- и трехдетных семей. В Эстонии принято постановление «О дополнительных мерах по улучшению демографической ситуации в республике». Благодаря новой демографической политике начиная с этого года семьям, имеющим четырех и более детей в возрасте до 18 лет, будет предоставляться жилье вне очереди в течение года. А с 1989 года — и семьям, имеющим троих детей. Приняты меры по значительному улучшению труда женщин, вводятся дополнительные льготы и привилегии как на производстве, так и в сфере обслуживания. К сожалению, в Ленинграде дела обстоят намного хуже. Уже несколько лет назад возникла настоятельнейшая потребность в создании службы семьи при горисполкоме. Решение было принято еще в прошлом году, но практически не сделано ни одного реального шага. Сейчас проблемами многодетной семьи занимается очень много отделов, но все они не выходят за пределы своей компетенции. И получается «у семи нянек дитя без глазу». Сходные проблемы возникли во многих городах. Хотя надо отметить, что более настойчиво обращается к бедам и заботам многодетной семьи общественность. Так, время от времени мы сталкиваемся с тем, что обследование таких семей проводят не работники собеса, а члены клуба многодетной семьи, которые дают более подробную и объективную информацию.

И, конечно, надо в корне менять психологию отношения к таким семьям. Почему, скажем, в Чехословакии, когда беременная женщина или мать с ребенком переходит улицу, и красного света не надо — и так весь транспорт остановится, а у нас многодетные мамы зачастую не только помощь не получают, но и услышат через край нелестные отзывы о себе.

— Каковы возможности помощи многодетной семье в ближайшие годы?

— По существу, сегодняшние потребности многодетной семьи, судя по претензиям опрошенных супругов, весьма и весьма умеренны. И в своем большинстве могут быть удовлетворены на региональном уровне без значительных затрат из госбюджета. Но многодетные семьи надо стимулировать не только материально, не только прикреплять их к магазинам — это, понятно, примитивно, об этом и говорить нечего: главное — включить их в культуру большого города, дать возможность приобретения билетов, абонементов по льготным ценам, внеочередного посещения концертов, музеев, спектаклей, обучения живописи, графике, музыке. Многодетная семья со своими болями и радостями, горем и утратами существует и никуда не денется в ближайшие годы. Чем лучше мы будем жить, тем разнообразнее будет семья по количественному и качественному составу. Но приемлемые условия, конкретные меры по ее улучшению должны быть предусмотрены на всех уровнях.

Беседу вела Светлана СИДОРОВА

НЕ ВЗИРАТЬ!

Борис МОЖАЕВ

НАВСТРЕЧУ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ

В последние годы у нас много говорится о самостоятельности: и хозяйства-де полными хозяевами станут — сами будут определять, что и где посеять, и сколько да каких коров держать, чтобы в убытках не оказаться, и сколько зерна сдать по обязательным поставкам, а сверх того ни-ни! Сами распоряжайтесь этим зерном и проч., и т. п. И много хороших решений принято на этот счет.

На совещании в ЦК КПСС о коренной перестройке один из выступающих вынужденно признался: «Я считаю, что как только вышло постановление ЦК и правительства, то не надо дожидаться никаких инструкций, а надо действовать».

Да, к великому сожалению, наши законы без этих бесчисленных инструкций оказываются вроде бы и недействительными; а инструкции чаще всего пишутся бюрократами и для бюрократов. Так и выходит порой, что между законом и его исполнителями становится нечто вроде бы и невидимое, но реально существующее. Имя этому нечто — бюрократизм.

Фигура бюрократа многим видится мелкой. А ведь за ней стоит страшное явление — возведение своей прихоти в закон, отрицание достоинства и права на законную самостоятельную деятельность других. Если угодно, борьба с бюрократизмом, которую необходимо вести,— это борьба за повинование законам равнообязательно всех, борьба за совесть, борьба за право человека быть во всем равным с другими. Законы наши и постановления нарушаются чиновниками не только среднего звена, но и высокого. Я уже говорил на писательском пленуме, что сразу после XXVII съезда на всесоюзном совещании накануне сева фактически были одобрены расписанные выше посевные площади на пятилетку, то есть нарушено постановление съезда о самостоятельности хозяйств. И кто ответил за это? Никто.

Зато сразу после того совещания заместитель председателя Рязанского облАПО Завражин, собрав представителей районов со всей области, пристукивая кулаком по столу, сказал: «Только попробуйте изменить посевные площади, спущенные сверху! Мы вам покажем кузькину мать...» Правда, того Завражина сняли за многие художества. Но я не о Завражине хотел сказать, а о знакомых замашках любителей кулачной политики, плюнувших на решения XXVII съезда... Поневоле вспомнишь поговорку: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Возьмем факты более свежие. Передо мной номер «Известий» от 21 августа 1987 года со статьей все про того же «архангельского мужика». Читаешь и диву даешься: какая ненависть бушует в кабинетах областного и районного начальства против мужика, который с двумя напарниками в заброшенной, разоренной деревне и скотный двор построил, и почти сотню быков вырастил и откормил.

«Выжига, хапуга, рвач!..» — кричат из райцентра. Из области: «Сивков с его фермерскими замашками тащит нас назад». И естественно, директор совхоза рад стараться угодить высокому начальству: «А у меня готов приказ о разрыве отношений с Сивковым...» Поневоле вспомнишь поэта: «Вот как гневом утроба распарена!»

Почему же гнев? Ну как же иначе? Сами судите: ведь ежели эдак вот каждому сиволапому мужику взбредет в голову свой кооператив создавать, да на заброшенных пустырях по сотне быков откармливать, да еще продавать дешевое мясо... Так ведь тут поневоле закричишь: «Караул! Грабят!» — «Кого грабят?» — «Нас, честных чиновников. Мы сдаем скот по четыре с лишним рубля за килограмм, а этот сиволапый мужик хочет продавать по семьдесят пять копеек за кило. Кто же тогда согласится содержать наши колхозные да совхозные конторы? А районные? Их ведь в одном райцентре вдвое больше, чем колхозов да совхозов, вместе взятых, во всем районе. А областные?! А республиканские?! А?!!! Страшно подумать...»

Но дотошный читатель спросит: «А как же тогда воскресенский совхоз? Там ведь все: и землю и фермы — закрепили за звеньями. И даже семейные есть звенья-то, по всей стране пошли. Растут как грибы». Да, растут. И зародились они двадцать восемь лет назад. Я подробно писал об этом («Октябрь» за 1961 г. № 1, № 9). И били председателей за эти звенья, и звенья выкашивали административной косой, как траву... Но они опять и опять проклевывались. И теперь не кто-нибудь, а сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев очень хвалил за большие успехи эти самые звенья. Отчего же архангельское начальство негодует? «Или им самостоятельность не по нутру?» — спросит опять дотошный читатель.

Ах, дорогой читатель! Если бы негодовали только одни архангельские! Ведь что беспокоит чиновников? Дай самостоятельность этому звену, оно сразу становится непослушным и высокие предписания чиновников — что и где сеять, когда пахать, когда косой махать и прочее — бросает в мусорное ведро как некую «кляповинку», по выражению Бунина. Потому как сами знают лучше всех чиновников на свете, что им, звеньевым, делать надо. Но беда усугубляется тем, что, глядя на эти звенья, и сами колхозы требуют самостоятельности. «Но ведь у нас же разработан Закон о государственном предприятии! — слышится мне возражение дотошного читателя.— А там самостоятельность допрежь всего...» — «Ну, в законе пускай себе стоит эта самая самостоятельность,— соглашаются чиновники.— А на деле чтоб ее не было. И поменьше кричать о ней надо, особенно в печати».

И слава богу! Наконец-то грянул гром: собрал всех этих редакторов один начальник и строго изрек: хватит, мол, писать об этой самостоятельности, надоело! И один угодливый редактор газеты, где лежала эта моя статья, вернул ее мне с радостным облегчением: «Нельзя печатать». «А как же перестройка?» — спросил я. «Сказано: перестраивайтесь, но только без этой самой самостоятельности. Исполняйте указания, и все. Ждите инструкций».

За что же попадают в немилость звенья и эта самая самостоятельность? Вот за что: суть этих безнарядных звеньев в том, что они являются изначальной ячейкой кооперации, а принцип кооперации строится на хозрасчете, а хозрасчет требует ведения прибыльного хозяйства, а члены безнарядного звена и любого кооператива вообще получают зарплату в зависимости от прибыли — прибыль выше и зарплата выше. То есть они участвуют в распределении прибылей, что и является основным принципом кооперации. В кооперации немыслимо существование убыточного хозяйства. Большинство же наших колхозов и совхозов убыточны, но они существуют десятилетиями. Зарплату там платят ежемесячно, и большие деньги уходят на это. Урожай же собирают горожане. И ничего... Только говорить об этом не надо, особенно — писать.

Но тут нам приходит на память, что Ленин требовал, чтобы хозрасчетные предприятия были прибыльными. В «Планы тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» он включил такой пункт: «Безубыточность» и «прибыльность» государственных предприятий. Тоже защита интересов рабочего класса». И вполне естественно, что мы обращаемся к опыту двадцатых годов, к ленинской кооперации, к нэпу, за короткий срок поднявших сельское хозяйство и экономику страны. Но какая ярость бушует против ленинской кооперации! Какая воистину паническая демагогия — подтасовка понятий при помощи неуклюжего цитирования и цифровых манипуляций!..

В журнале «Новый мир» (№ 10 за 1987 г.) доктор экономических наук А. Соловьев из Костромы в статье «Долги, по которым нечего платить...» пишет: «Под видом «хозрасчетного социализма» проповедуется еще одна модель мелкобуржуазного социализма, типичные черты которого: консервация мелкого хозяйства, отрицание экономической роли государства, преувеличение значения рыночного социализма». То есть фактически Соловьев утверждает, что хозрасчет при социализме есть не что иное, как «модель мелкобуржуазного социализма». Тут уж, как говорится, умри Денис, а хлестче не выдумаешь!

Чтобы оправдать эту нелепость, А. Соловьев из «Манифеста...» К. Маркса и Ф. Энгельса приводит длинную цитату о мелкобуржуазном социализме. Но при чем тут мелкобуржуазный социализм, существовавший в начале прошлого века? По Марксу, он возник в результате конкуренции, которая сталкивала мелкую буржуазию в ряды пролетариата. Так что ж, у нас, выходит, появилась мелкая буржуазия, которую сталкивают в пролетариат? Из чего она выросла? Где и когда? В Костроме, что ли, от сырости развелась? Может, пояснит нам Соловьев? Полезно вспомнить, что писал Ленин о хозрасчете при социализме. А вот что. В письме заместителю наркома финансов Г. Я. Сокольникову он писал: «Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления... Если мы, создав тресты и предприятия на хозяйственном расчете, не сумеем деловым, купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками».

Очевидно, грубое отрицание хозрасчета при социализме, а также раздувание гигантомании в структуре управления сельскохозяйственным производством и рассчитано на круглых дураков, но тех, кто читал Маркса и Ленина, трудно околпачить таким макаром.

По Марксу, роль и значение капитала в промышленности и в сельском хозяйстве далеко не одинаковы, эту истину он и осознавал и развивал во многих местах своих работ, и особенно в третьем томе «Капитала». Вот что писал Маркс об этом: «Капиталистическая система противоречит рациональному землепользованию, или что то и другое несовместимо друг с другом и потому требует или рук самостоятельно работающих мелких собственников, или контроля ассоциированных производителей». Требует «контроля ассоциированных производителей», то есть кооператоров. Эту мысль Маркса блестяще развил в своих работах о кооперации Ленин. И вот теперь эту основу из основ сельскохозяйственного производства с легкостью в мыслях необыкновенной пытается опровергнуть А. Соловьев; он пишет в упомянутом номере журнала «Новый мир»: «...либо крупное капиталистическое, либо крупное социалистическое хозяйство. Середины нет».

А как же быть с европейским фермерством? По нашим размерам эти фермеры совсем некрупные. Но они прекрасно обеспечивают продуктами не только свои страны, но и нам кое-что перепадает от них. В Англии, например,

земледелием занимаются менее четырех процентов населения, и горожане им не помогают, не торчат месяцами на полях при уборке урожая. По сути, А. Соловьев пытается воскресить сталинскую идею о «фабриках зерна» из «великого перелома» — идею о создании колхозов-гигантов с посевной площадью в сто — сто пятьдесят тысяч гектаров. Тогда в Ирбитском округе три района слились в один колхоз с посевной площадью в сто тридцать пять тысяч гектаров. Кончилась эта гигантомания повальной голодовкой 1933 года.

Кстати, такие же «фабрики зерна» чуть раньше разорились в Америке. Сталина предупреждали тогда ученые, что эти «зерновые фабрики» не оправдали себя в капиталистических странах. На что тот с убийственной логикой фельдфебеля отвечал: «Наша страна не есть капстрана». История, к сожалению, мало кого удерживала от волюнтаризма.

Изо всех видов демагогии есть одна наиболее отвратительная — это манипулирование цифирью, то есть подтасовка цифровых данных.

Чтобы оправдать фермерскую гигантоманию, А. Соловьев пишет, что 12 процентов крупных ферм Америки дают 60 процентов всей продукции... Ну и что? А сколько эти двенадцать процентов ферм имеют земли? Может быть, у них земли больше, чем у всех остальных фермеров? И потом — земля-то разная: есть плодородные равнины, есть и косогоры, предгорья, подзолы и прочее. Есть еще и земельные кадастры, существующие во всех странах и отмененные только у нас. В шестидесятых годах доктор Черемушкин с группой экономистов создал кадастры по Коломенскому району. Стоимость земли в условных рублях по этим кадастрам колебалась от 1300 рублей до 36 рублей за гектар. И это только в одном районе! То есть гектар пойменной земли оказался почти в пятьдесят раз дороже, следовательно, его отдача в пятьдесят раз больше гектара на глинистом косогоре. Вот я и спрашиваю Соловьева: «Что за земли захватили крупные фермы? И где ютятся, на каких косогорах мелкие? И могут ли на этих косогорах или неудобьях процветать крупные фермы?»

Я был в Англии, обследовал мелкую ферму в Уэльсе; фермер Артур Причард имеет 80 гектаров земли. На этой земле он содержит 17 коров, 600 овец и откармливает 80 бычков, за восемнадцать месяцев вес каждого доводит до 800 килограммов. Гектар земли ему приносит 1000 фунтов дохода. Работает один, помогает жена, в сезон уборки нанимает сельхозрабочего. Может ли один человек обрабатывать столько земли и откармливать, содержать так много скота? По нашим условиям не может. В Англии может: ему помогают. Но не горожане с заводов и фабрик, не доктора из больниц, не педагоги и студенты... Ему помогает кооперация. Та самая кооперация, которую создавал у нас Ленин. И работает в Англии она на хозрасчете. А у нас Минводхоз состоит на госбюджете, поэтому орошение и осушение ведет скверно. Он не получает деньги от ферм, которые за скверную работу не платят.

Видел я и фермы в средней Англии на равнинах. Они крупнее, отдача с гектара здесь чуть больше, но и земля лучше, кадастр ее значительно выше, чем в Уэльсе.

Однако вернемся к нашим нуждам, к перестройке то есть.

Уж сколько писано и учеными, и партработниками, и журналистами, что негоже соваться сверху в планирование посевных площадей — достаточно определить потребность для государства зерна, мяса, молока, овощей, фруктов и прочего. Надо ввести налог за пользование землей да еще товарно-денежные отношения, как это сделал Ленин в конце двадцать первого года, то есть он предоставил истинную самостоятельность крестьянским хозяйствам, колхозам, артелям, коммунам и многим промышленным предприятиям... Вот это и были нэп и кооперация в широком смысле, а не в одном торгашеском, как некоторые изображают тот период,— самостоятельность, экономические методы управления, торговля вместо голого администрирования, вместо продразверстки, вместо лимитов да фондов, расписываемых благодетельным начальством. Почему же мы-то не хотим опустить ногу, хотя и занесли ее, чтобы сделать шаг, да приостановились и балансируем вроде бы на одной ноге? Или боязно сделать этот шаг? Или не проверен был такой шаг на практике в более трудных условиях? Проверен. И не оконфузились. И результат немедленно сказался.

У Владимира Ильича была отвага (иначе это и не назовешь) по отношению к собственным ошибкам, ошибкам партийного курса. Вспомним, как в октябре — ноябре 1921 года в неоднократных выступлениях он решительно заявил, что политика «военного коммунизма» была ошибочной. Надо ли напоминать, с каким воодушевлением были приняты его слова в народе? Да зачем так далеко ходить? Давайте вспомним, с каким волнением и душевным подъемом встречена была в народе прямая и решительная критика серьезных упущений, прозвучавшая с высокой трибуны апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Теперешние противники открытой критики отмалчиваются, а ежели и критикуют, то косвенно, так сказать,— кабы чего не вышло от этой открытой критики.

Но иначе вели себя тогдашние рыцари «военного коммунизма» и противники серьезной критики, откуда бы она ни прозвучала.

На XI партконференции в адрес Ленина Каменев изрек: «Нельзя говорить об ошибках класса — класс в целом не ошибается». «Эк куда метнул!» — сказал бы городничий из «Ревизора». За целый класс выразился. Еще определеннее на той же конференции сказал Преображенский: «Я думаю, совершенно бесспорно, что т. Ленин в своей речи употребил просто терминологически неудачное выражение». Само собой разумеется, что каждый оракул считал свои изречения «совершенно бесспорными». Но Владимира Ильича нисколько не смущали и не убеждали эти демагогические приемы «оракулов». Он ответил еще заранее своим оппонентам:

«Не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы... Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности. И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов».

И далее:

«Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно. Это — самый главный источник нашего бюрократизма».

Вот он, корень зла, который мешал и может мешать нам во все времена. Тогда, сломив сопротивление бюрократов, общество наше быстро достигло успеха.

После четырехлетнего голодания по причине продразверстки уже в конце 1922 года «встал вопрос о вывозе излишек хлеба за пределы Советской Республики... мы, вероятно, вывезем все 52 млн. пудов»,— говорил М. И. Калинин в начале 1923 года, объезжая районы Дальневосточной республики, присоединенной к РСФСР. «В настоящую кампанию правительство предполагает вывезти 250—300 млн. пудов хлеба» (то есть за 1923 год.— **Б. М**). Отсюда, естественно, «встает вопрос об активности нашего торгового баланса», говорил там же Калинин.

Национальный доход заметно возрастал. Оно и понятно... «При натуральном сборе (то есть продразверстке.— **Б. М.**) всегда теряется процентов сорок,— говорил там же Калинин,— часть воруют, небрежно относятся, пропадает, гниет, например, мясо гнило, хлеб подмочили, затем распыляется, замусоривается... Ведь везде есть жулики...». Далее Калинин спрашивает: «Что лучше, продразверстка или денежный налог?» И сам отвечает: «Вы спросите мужика Тверской губернии, что выгоднее — продразверстка или денежный налог? Он скажет: я лучше последнюю шубу с себя сниму да продам, но чтобы была денежная разверстка» (то есть налог.— **Б. М.**).

Быстрота роста национального дохода в те годы была поразительной; например, в последний год этого нестесненного прогресса, в 1925—1926 году, доход вырос на 29,9 процента; когда же стали подменять товарно-денежные отношения манипулированием цен (ввели так называемые «ножницы» — искусственно понижали закупочные цены на сельхозпродукты и завышали цены на промтовары), доход резко снизился — в следующем, 1927 году прирост был всего 11,4 процента (см. «Стенографический отчет XV съезда», с. 50).

Особенно плохо пошло дело после «великого перелома»: принудительная продажа зерна по заниженным ценам фактически наложила своеобразную дань на крестьянские хозяйства, да и на колхозы, и в конечном итоге вызвала зерновой кризис в стране. Это явилось одной из причин невыполнения первой пятилетки. Подробно о срыве пятилетнего плана рассказал О. Лацис в статье «Проблема темпов в социалистическом строительстве» («Коммунист», 1987, № 18). Желающим знать подробности рекомендуем прочесть эту статью. Мы же здесь приведем заявление Сталина, опровергающее ложное утверждение некоторых историков и экономистов о «естественном» затухании роста сельскохозяйственного производства в конце двадцатых годов. На Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 года Сталин сказал, что крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство...». И далее: «Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно...» Это «временно» затянулось до сегодняшнего дня, бочка из-под мазута стоит дороже, чем тонна пшеницы. Заявление Сталина опубликовано было только через двадцать один год. В те же времена открыто Сталин произносил другие речи. Но крестьяне отлично разгадали этот нехитрый маневр и ответили резким сокращением посевов. Чего не скажешь о многих ученых наших: иные из них до сих пор пытаются уверить нас, что ленинская кооперация и нэп отмирали естественно.

Забвение истории, а еще хуже — искажение ее — дело безнравственное. Уничижение ленинской кооперации, а следственно, отрицание истины, ведется как людьми старшего поколения, успевшими охаять кооперацию еще в стародавние времена, так и людьми более поздних поколений по незнанию предмета, как выражались в старину, по инерции мышления, по лености, по нежеланию рыться в «хронологической пыли» и, главное, по стремлению угодить расхожему представлению влиятельных кругов бюрократов, которые не хотят терять своих должностей, обретенных с введением разверстки и командного стиля руководства, а посему считают: на историю не взирать!

Приведу несколько примеров из самых последних выступлений по этому поводу. «Советская Россия» опубликовала статью В. Данилова «У колхозного начала». Он пишет: «В печати появились заявления об огромных успехах сельского хозяйства в период нэпа...» Чувствуете иронический подтекст? Вот, мол, появились... Но Данилов сознательно умалчивает, когда появились эти заявления. А появились они еще до рождения самого Данилова — год спустя после отмены продразверстки и «военного коммунизма». И Ленин писал об этом, писали и другие руководители и специалисты. Слова Ленина, что в кооперации «теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам... Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм», известны. Теперь «как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас»,— предостерегал Ленин не в меру ретивых администраторов. Высказывания Калинина об успехах кооперации в связи с отменой продразверстки приведены выше.

Именно эти успехи позволили наладить экспорт хлеба и укрепить нашу экономику. И твердую валюту в двадцатых годах ввели мы не на подарки американского дядюшки, а благодаря продаже хлеба, мяса, масла, яиц. Именно на выручку от продажи сельхозпродуктов в двадцатые годы и закладывали гиганты индустрии, а иные и построены были — Сталинградский тракторный завод, тогда крупнейший в мире, введен был в июне 1930 года. В тридцатом году закончен был в основном и ГОЭЛРО — выработка электроэнергии, тогда превзошла в пять с лишним раз довоенный уровень.

Знает ли об этом Данилов? Еще как знает, но вот что он пишет: «Всегда хлебный экспорт в России осуществлялся по печально знаменитому принципу «недоедим, а вывезем». «Всегда»! Ну и ну... Значит, и при Ленине, начиная с 1922 года, мы тоже «недоедали, а вывозили»? Хороший «подарочек» преподнесен к семидесятилетию Октября.

Конечно же, это вздор; в двадцатых годах население наше не голодало. Загляните в стенографический отчет XV съезда ВКП(б), в заявление Микояна на нем: нас, мол, упрекают в том, что рабочие и крестьяне стали жить лучше, чем до революции, за наживой-де гоняемся... И его ответ: а зачем, мол, тогда надо было делать революцию? Чтобы через десять лет жить хуже, чем до нее?!

Некоторые единомышленники Данилова прибегают и здесь к манипуляциям цифирью. Они заявляют, что зерна-де на душу населения Россия производила меньше, чем Америка и Европа. Сделаем небольшую поправку — не на душу населения, а на голову скота. Дело в том, что в Америке, во Франции, в Германии скот кормили в основном фуражом, а в России — сеном. А сена Россия собирала больше, чем Америка

и Европа, вместе взятые. По данным Лугового института, упраздненного в начале тридцатых годов, одна волжская пойма давала 30 процентов кормов всей европейской части страны. Луга поймы Волги и ее притоков почти уничтожены. А сено наше было богатого ботанического состава — вот почему и ценилось высоко на мировом рынке наше русское масло: «сибирское», «вологодское», «парижское», то бишь вятское. А теперь у нас не только что сена, пастбищ осталось меньше, чем в Америке. И волжские, и днепровские, и донские, и окские уникальные луга, где десятина давала по пятьсот пудов сена, перепахивали как «целину» в начале тридцатых годов, потом погребали на дне «морей», потом уничтожали как «травополку»... и наконец пытаются предать забвению. Тщетные потуги! Такое не забывается.

И напрасно старается Данилов; он подвергает уничижению даже главный поразительный успех кооперации — за каких-то три-четыре года от полной разрухи мы достигли довоенного уровня производства в сельском хозяйстве. «Экая невидаль!» — по Данилову. Зато в тридцатых годах была сплошная коллективизация. Но Данилов не приводит никаких цифр, сравнивающих уровень производства конца двадцатых и начала тридцатых годов. Посмотрите эти цифры в статье Лациса и увидите, насколько сильно упало производство в начале 30-х годов.

Но это не вразумляет приверженцев «великого перелома», и Клямкин в статье «Какая улица ведет к храму?», и Волкогонов в статье «Феномен Сталина» считают, что альтернативы не было, то есть «великий перелом» неизбежен. Волкогонов с твердостью и простодушием военного человека заверяет, что если и был выбор, то только между Сталиным и Троцким. А так как Сталина он называет троцкистом, то никакого выбора, следственно, не было. И это еще хорошо, что совершил «великий перелом» Сталин; Троцкий похлестче бы завинтил, уверяет нас Волкогонов. Выходит, что нам еще повезло! Я не испытываю радости от такого «везения». Бессмысленно задавать вопрос Волкогонову: почему неизбежен был «великий перелом»? Чтобы подстегнуть темпы промышленного роста? Но они же упали в начале тридцатых годов именно по причине этого самого «великого перелома». И потом, как оправдать такой казус, пользуясь логикой Волкогонова? Кооперацию и нэп ввел Ленин «всерьез и надолго». «Великий перелом» совершил Сталин, причем молниеносно. Сталин был троцкистом... Следственно, троцкизм сменил ленинизм. И это неизбежность? Тогда, простите, как следует относиться к тому, что мы называем перестройкой, то есть возвращаемся к принципам ленинской кооперации: к хозрасчету, самоокупаемости? Выходит, что мы замахнулись на неизбежность? То есть плюнули на прогресс и стали пятиться задом?

У Клямкина логика еще тверже: он прямо говорит сразу от имени всех — «мы». «Но прежде чем каяться, хочется все же понять: почему мы верили в это? И в чем каяться? В том, что мы — это мы?» Под словом «это» Клямкин разумеет процессы тридцатых годов. Во-первых, что значит «мы»? «Мы — Николай вторый»? Ежов и Блюхер — это мы? Берия и Вавилов — это мы? Нет, это не мы. Вавилов — гений, Берия — преступник. Каждому свое. И Московская Русь, на которую ссылается Клямкин, здесь ни при чем. И неизбежности в «великом переломе» не было, и тупика не было. «Чтобы увеличить прибыль, можно было поднять цены, как предлагали «левые», но цены поднять было нельзя, их, наоборот, постоянно снижали...» — пишет Клямкин. Значит, тупик?

Чепуха. Цены и поднимали (на промышленные товары), и снижали (на закупки зерна, мяса, масла от крестьян). Левые и без кавычек — Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие — предлагали нечто и похлестче: обложить десять процентов крестьянских дворов принудительным займом на двести миллионов рублей, забрать у них «излишки» хлеба — двести миллионов пудов. Вот что предлагали левые. Так что не в ценах суть. Ввести такую экспроприацию и означало вернуться к «военному коммунизму» и продразверстке.

Неизбежность «великого перелома» Клямкин пытается оправдать еще такого рода рассуждениями: крестьянство-де «не было готово к конкурентной борьбе на рынке, боялось его разоряющей стихии еще с дореволюционных времен». Вот тебе раз! А где же государство закупало зерно, как не на рынке, и вывозило его за границу? И в двадцатых годах, и до революции на мировом рынке порой каждое четвертое зерно было русским. Между прочим, выручка от яиц и масла в 1909 году превышала выручку, получаемую от продажи леса и товаров лесного хозяйства. А из 3,6 миллиона пудов масла, вывезенных за границу в 1907 году, 3,4 миллиона пудов дала Сибирь. А ведь в Сибири помещиков не было. Интересно, кто же это масло производил и поставлял на рынок? Якуты? Нанайцы? Но они коров в те времена не держали.

Нелепости о русском крестьянстве Клямкин нанизывает одну на другую, как шашлык на шампур. Вот полюбопытствуйте: «У патриархального или полупатриархального крестьянина (это он изволит так величать людей, составлявших абсолютное большинство Красной Армии, выигравшей гражданскую войну.— **Б. М.**) со словом «общее», если оно относится к чему-то, что за околицей, отношения сложные... Поэтому когда ему кто-то говорит об «общем деле» или каком другом «общем», он только рукой и может махнуть...»

И все это написано с претензией на элитарность, с откровенным пренебрежением к возможным противникам, которых Клямкин именует «профессиональными блюстителями общественной нравственности». «...Предупреждаю, что своими вопросами я не им протягиваю руку». «Что касается ответов — тем более,— рассуждает он далее.— Потому что написанное ниже не претендует на ответы». Грустно читать эти и подобные им нелепости и стилистические «перлы» в журнале, которому придал мировую известность народный поэт, русский крестьянин Твардовский.

Критика наша заметно притупилась, отсюда и шитые белыми нитками теории о неизбежности «великого перелома», и доказательства его «благотворного» воздействия на общественное развитие. Ведь не о том же речь ведем. Дело не в Сталине и не в Троцком в конце концов, а в том, каким методом вести экономику — путем хозрасчета, самостоятельности или административно-командным методом. Вот ради чего ломаем копья. Вот почему и заглядываем в прошлое, стараясь отделить плевелы от семян.

Только налог на землю с учетом земельных кадастров и товарно-денежные отношения могут сделать теперешние хозяйства самостоятельными не на словах, а на деле. Нельзя же всерьез говорить о существовании у нас товарно-денежных отношений, если тонна пшеницы стоит дешевле, чем пустая бочка из-под мазута, или если для покупки только одного колеса от трактора «Кировец» надо продать несколько сотен центнеров пшеницы. Сторонники продразверстки и в начале двадцатых годов старались запугать администрацию: отменив-де ее (разумеется, продразверстку), мы останемся без стратегических запасов зерна, мяса, масла... (Кстати, в 1929 году было 60,1 миллиона голов крупного рогатого скота, а в 1935-м — всего 33,5 миллиона, лошадей — соответственно 32,6 миллиона и 14,9 миллиона, и производство зерна не увеличилось.) Но, несмотря на эти удручающие цифры, сторонники продразверстки и теперь еще шумят, что в тридцатых годах был «расцвет» сельского хозяйства, а вот в двадцатых — застой. Тогда же, в начале двадцатых, пугало этих бдительных консулов продразверстки лопнуло, как мыльный пузырь. Вместе с денежным налогом был введен еще и минимальный продналог: если десятина земли приходилась на человека (то есть на каждого члена семьи по десятине), то сдавали четыре пуда зерна, а если десятина с восьмушкой — то пять пудов. То есть на продналог уходила примерно одна двадцатая часть урожая. И этого было вполне достаточно для стратегических запасов. Все остальное зерно и прочие продукты хранили сами земледельцы: и единоличные хозяйства, и колхозы, и коммуны, а продавали через кооперацию и на рынке; покупало эти продукты и государство на денежный земельный налог (сорок рублей с десятины). И города кормили, и за границу вывозили... Вот что дала стране самостоятельность хозяйств, полная и безусловная. Одновременно введена была и кооперация, объединяющая как отдельные хозяйства, так и коллективные. У нас в недавнем прошлом смысл той кооперации сводили к простой потребиловке. Это глубокое заблуждение.

Кооперация была сбытовой, и производственной, и потребительской. На XV съезде в Отчетном докладе было сказано, что тридцать процентов крестьянских дворов кооперированы, более половины всего сбыта продукции идет через кооперацию. Или вот еще цифра с того съезда: три миллиона кооперированных кустарей давали около тридцати процентов всего дохода страны! Вот что могут делать самостоятельность, хозрасчет и кооперация. Не худо было бы вспомнить эти уроки истории.

Кстати, нас пытаются утешить некоторые историки и экономисты тем, что в тридцатых годах сильно выросла стоимость средств производства (тракторов, жаток, сеялок, веялок, молотилок и пр.) и к 1937 году «достигла огромной цифры — 33 766,8 млн. руб.», Вот тебе раз! Средства производства колоссально выросли, а поголовье скота, урожайность, отдача с гектара земли не увеличились. Для какого рожна, скажите на милость, «колоссально выросли средства производства»? Ведь это же не бурьян! Средства производства на пустырях сами не вырастают. На этот рост затрачены были не менее колоссальные деньги и труд. А для чего, спрашивается? Для того, чтобы удивить мир количеством тракторов? Мы и теперь этим самым «чудом» его удивляем. А недавно даже хвастались, что тракторов мы производим больше, чем Америка, Англия и ФРГ, вместе взятые. И тут же признавались, что в Америке или в Англии на один трактор приходится пахоты в пять, а то и в семь раз меньше, чем у нас. И опять загадка: посевные площади в этих странах, вместе взятых, почти не уступают нашим. Куда же мы деваем наши тракторы? Или прячем их по лесам да по оврагам? Или отгоняем в ту степь, как одичалых коней, на вольную пастьбу? Что-то неладно с арифметикой у наших экономистов да историков.

Вот они пишут о «неуклонном повышении производительности труда» на селе в тридцатые годы и приводят в доказательство этого «роста» смехотворные цифры: «Согласно данным бюджетных обследований колхозных хозяйств в девяти областях страны на один отработанный колхозником день приходилось трудодней: в 1933 г.— 0,95; в 1934 г.— 1,01; в 1935 г.— 1,06; в 1936 г.— 1,15; в 1937 г.— 1,26. Следовательно, в эти годы производительность одного работника в течение дня в колхозах под влиянием перечисленных выше факторов увеличилась на 32,6%».

Значит, Васька-учетчик расщедрился насчет приписки трудодня, а ученый тут же делает вывод о «колоссальном росте производительности труда». Но что получал колхозник на этот трудодень? Это, мол, не важно... А на другой странице, позабыв о своих восторгах по поводу этого самого роста «производительности колхозного труда», ошарашивают читателя такими цифрами: «Удельный вес личных хозяйств по производству картофеля и овощей составлял 52,1% общей валовой продукции страны». И далее: «Еще больший удельный вес личных хозяйств в производстве продуктов животноводства: 71,4% молока, 70,9% мяса, 70,4% кожи, 43% шерсти».

Значит, там, где использовались «колоссальные средства производства», то есть тракторы, комбайны и прочее, отдача была значительно меньше, чем при простой затрате ручного труда. А ведь овощеводство да животноводство являются наиболее трудоемкой отраслью сельскохозяйственного производства, и ютилось все это на малых приусадебных участках.

Не ладится у наших воспевателей «бурного расцвета» сельского хозяйства в тридцатые годы с элементарной логикой. Избавившись от так называемого «кулачества» (в двадцать девятом году категория кулацкого хозяйства так и не была определена), утверждают они, деревня, мол, дала городу большой избыток рабочей силы. И приводят такую статистику: «Естественный прирост населения советской деревни за 1926—1939 гг. составил 18,1 млн. человек. За эти же годы из села переместилось в город 24,1 млн. человек». То есть на шесть миллионов человек население в деревне уменьшилось. Но в другом месте одной и той же статьи эти воспеватели «прогресса» приводят другие цифры: «По предварительным данным Наркомзема СССР, к июлю 1930 г. было раскулачено свыше 320 тысяч кулацких хозяйств, их имущество конфисковано...» И далее: «За три года (1930—1932) из районов, где проводилась сплошная коллективизация, было выслано 240 757 кулацких семейств, что составляет... около одной четверти всех кулацких хозяйств».

Ну, перемножьте эту цифру на четыре, получится миллион семейств. А в каждом семействе пять, а то и шесть человек детей. Вот вам те шесть миллионов, на которые и уменьшилось в основном сельское население.

Вольно обращаются с цифрами наши историки! Вот еще пример: «Ежегодный объем заготовок зерновых культур 1938—1940 гг. составлял 1958 млн. пудов вместо 1111 млн. пудов в 1928—1932 гг.» (из той же статьи). Во-первых, объем заготовок еще не урожай — с колхозов проще было брать заготовки, чем с единоличников; во-вторых, это ведь только малым детям неизвестно, что в 1928—1929 годах мы вывезли за границу огромное количество зерна (излишки), а в 1930—1932 годах в связи со сплошной коллективизацией появился острый зерновой кризис, который привел страну к повальному голоду 1933 года. Зачем же объединять в одно целое эти годы? Ведь эдак можно доказать и увеличение количества животных в те минувшие годы, если считать по хвостам: коров, мол, стало меньше; зато больше коз, кошек, собак... Да у нас и теперь считают по хвостам — хвост коровий, а вымя козье: иная корова дает молока меньше

козы, но числится. И без разрешения высокой инстанции убрать ее не имеешь права.

Порядок такой был заведен в начале тридцатых годов, а утвердился и окостенел в шестидесятых и семидесятых годах. Об этом уж много говорено и писано в последнее время, вроде бы и толковать не о чем. Но поди ты! Находятся любители «окоротить назад» и вернуть нас к тем исходным кривотолкам. Вот в большой статье журналист Вера Ткаченко («Правда» от 21.08.87 г.) пишет: «Мы не оправдываем и никогда не простим то, что было в 37—38-м годах». И в том же абзаце через несколько строчек решительно заявляет: «Мы гордимся каждым своим прожитым днем, даже если он был тяжелейшим». Вот так... два года осуждает, но зато гордится каждым прожитым в то время днем. Эдак и Козьма Прутков, автор прожекта «о введении единомыслия в России», изречь не сообразил.

Уж так хочется В. Ткаченко прославить тридцатые годы целиком, что она приводит в своей статье изречение читателя: «Основы экономической зрелости нашего государства закладывались в тридцатые годы...», потому как хлеб государству отвозили обозами, да еще с флагами. Вот так-то!

А мы-то, грешным делом, привыкли считать, что эти основы были заложены в начале двадцатых годов Лениным, его знаменитым нэпом, ГОЭЛРО и кооперацией. Именно нэп позволил нам быстро поднять экономику, и первый пятилетний план сотворен был в 1927 году на деньги, добытые трудом рабочих и крестьян. Зачем же наводить тень на плетень и подменять факты? Или неизвестно журналисту Ткаченко, что в 1932 году многочисленная группа большевиков, закаленных в подполье и в революционных боях, подписалась под документом, доказывающим, что первый пятилетний план был сорван по вине перегибов, допущенных Сталиным и его единомышленниками? Этот документ был окрещен так называемой «платформой Рютина». Разумеется, никакой «платформы» не было, не было и свободного обсуждения этого заявления. Навесили ярлык «платформы», и точка. Так любили поступать сторонники Сталина со всеми, кто критиковал их или пытался это сделать. Пора уж уяснить нам такую малость и очнуться от чиновничьих иллюзий: мол, что история, что закон, что дышло — куда повернул, туда и вышло. Нет, историю не привяжешь к дышлу и в оглобли не впряжешь.

Да, мы торжественно отметили семидесятилетие Октября, у нас серьезные достижения, и нам есть чем гордиться. Но зачем же плевать на предков своих? Ведь, кроме нас, и весь иной мир не спал на боку. Но они почему-то не плюют на своих предков, отмечая теперешние достижения. А мы?! Та же В. Ткаченко пишет: «Родившаяся в чудовищной нищете...» Это про Советскую республику. Очевидно, В. Ткаченко не знает, что почти год у нас, кроме войны, бушевала еще и революция, а выдерживать столь длительное время и войну и революцию нищее государство не может. А известно ли В. Ткаченко, что к 1917 году изо всех воюющих держав одна Россия не знала карточной системы? Между прочим, пуд овса и ржи в начале 1917 года в Рязанской и Тамбовской губерниях стоил всего два рубля, а в Москве — двадцать рублей, в Петрограде же еще дороже. При завале хлеба в провинции в столице были серьезные перебои. Так в этом не страна виновата, здесь не нищета вопиет, а преступная беспечность правительства. Конечно, были в России и нищие. А разве нет их в теперешней Америке? Но у кого повернется язык назвать Америку нищей страной? А Россию — пожалуйста... А между прочим, эта держава названа была Лениным одной из самых мощных монархий, правда, он добавлял еще один эпитет — «варварская монархия», но это не о стране, а о правительстве, о методах управления, так сказать.

У нас же порой понятие метода управления переносят на страну, на народ. Один оратор недавно так и завинтил: мы, говорит, из дикой страны за семьдесят лет превратились-де в культурную. А приехал он из Сибири... За сто лет до него оттуда же приехали Менделеев, Суриков и многие другие известные на весь мир ученые, художники, мыслители... Они, значит, дикарями были? Да ведь и Ленин не в Марселе вырос, не в Манчестере и даже не в Гамбурге, а в Симбирске. Символичное название города! И Ленин любил критиковать, но не огульно всю страну, а правительство за бездорожье, в результате которого в захолустных местах «царила патриархальщина и полудикость...». Кстати, наркомом земледелия Ленин назначил простого сибирского крестьянина. Неужто дикаря? А ведь неплохим министром был. Да и Калинин, и Буденный, и Чапаев, и Блюхер были не княжеского роду, а из крестьян, и дикарями их не назовешь. А то, что русские самолеты в первой мировой войне не уступали иностранным, а наши новые корабли и подводные лодки были самыми быстроходными... Это тоже дикари сотворили? Зачем же оскорблять наше чувство национального достоинства и выдавать нас за Иванов не помнящих родства? Да, мы отмечаем семидесятилетие Октября, но мы являемся наследниками тысячелетнего могучего государства, народом, которым гордился и Ленин. Вспомните очерк Горького о Ленине! Негоже по случаю юбилея выдавать отцов наших и дедов за дикарей. Кстати, в июне 1917 года проводилась перепись европейской части населения России, которая установила, что 75 процентов мужского населения (женщин не учитывали) было грамотным. А на XV съезде ВКП(б) Н. К. Крупская сетовала на то, что на просвещение денег отпускают мало и находится оно в жалком состоянии: во многих губерниях закрываются не только школы второй ступени, но и первой ступени — и что призывники 1905 года рождения (то есть те, которые призывались в юбилейном 1927 году) по грамотности уступали предшествующим призывникам.

Полагаю, что Надежда Константиновна историю своей страны знала лучше, чем В. Ткаченко и вышеупомянутый мною оратор. Я отвлекся от темы разговора потому, чтобы лишний раз напомнить: юбилеи существуют не для того, чтобы реальную жизнь подменять выдумками; вольное обращение с цифрами, а еще хуже — с фактами истории не принесет пользы ни сельскому хозяйству, ни стране.

Михаил Сергеевич Горбачев сказал на июньском Пленуме ЦК КПСС 1987 года: «Когда шла дискуссия о путях коллективизации, уже тогда говорилось, что крупные коллективные хозяйства открывают большие возможности для применения техники, удобрений, достижений науки, но таят в себе опасность отрыва крестьянина от земли».

К сожалению, опасность эта превратилась в реальную действительность. Оттого и все беды наши: при огромном росте средств производства долгие годы наблюдается застой, мягко выражаясь, в сельском хозяйстве. Оттого-то и необходима коренная перестройка в этом деле.

Но не так скоро дело делается, как слова произносятся.

Окончание следует.

ЗА ЗДОРОВЬЕМ — НА ВЕСЛАХ!

Начало на центральной вкладке

...Южный Буг, по-степному неторопливый и покладистый, здесь вдруг натыкается на ископаемую гряду гранита. На целых полтора десятка километров спокойная, сугубо равнинная река превращается чуть ли не в горный поток — вскипающий на порогах, шипящий о валуны, прорывающийся с ревом между разомкнутых скал. Место это зовется Мигия.

Его давно уже, лет пятнадцать назад, облюбовали туристы-водники. Дело в том, что Мигийские пороги — можно сказать, идеальный водный полигон для проверки готовности к сезону. Есть еще два подобных места на европейской территории страны — Лосево под Ленинградом да Яремча в Карпатах. Надо заметить, эти сборы под городом Первомайском — мероприятие сугубо неофициальное, оно не числится ни в чьих планах и отчетах. Нет здесь ни оргкомитета, ни штаба, ни статуса. Зато есть и всегда были порядок, организованность, дисциплина. А главное — чувство родства, туристское братство, многократно воспетое под гитару, освященное бликами костров и притяжением заветных водных троп.

Палаточный городок разбросан по обоим берегам. Привольно раскинулось на берегу утопающее в садах село Грушевка. А чуть пониже его — остров, делящий неширокую речку на два рукава. В тени деревьев тоже виднеются холмики палаток.

— Это неформальная компания обосновалась! — поясняет Михаил Харшан, мастер спорта по туризму.— «Вольный ветер» называется: среди них есть и участники сборной Москвы по водному туризму. Впрочем, тут все неформальные — кроме нас...

Группа, которую возглавляет Михаил Харшан,— единственная, прибывшая сюда официально оформленной. Впервые в этом году Московский городской клуб туристов, проявив предприимчивость, организовал продажу недорогих путевок на этот десятидневный сбор, сформировал группу, обеспечил ее инструкторами, которые обучают начинающих. Природные условия дают возможность заниматься и горной техникой, и всеми видами переправы. И, конечно же, техникой водного туризма (ТВТ).

«Тэвэтэшники» (так они сами себя называют) — народ изобретательный, мастеровитый. Редко встретишь «магазинную» палатку; ни одной заводской лодки здесь, пожалуй, не увидишь — разве что случайно какая попадется. Все снаряжение — сплошь самоделки. Это объяснимо: наша туристская индустрия делает первые робкие шаги. Снаряжение, которое выпускает промышленность, пока далеко от совершенства. Судите сами: обычный гидрокостюм, скажем, весит около четырех килограммов, а самодельные, которые в изобилии сушатся на бугском ветерке,— вчетверо легче. Материалы, промышленные отходы, многие из которых дефицитны, туристам приходится «доставать»; купить их практически негде.

У москвичей сейчас появилась идея — создать при клубе туристов кооператив, который будет заниматься изготовлением и прокатом снаряжения, организацией походов. Но инициатива уже при рождении натолкнулась на целый ряд препятствий.

Тем отраднее узнавать, что есть руководители, которые всячески поддерживают увлечение людей туризмом. И понимают, ценят, помогают.

Вот веселая, дружная компания собралась за обедом. Некоторые — с детьми.

— Вы откуда, ребята? Кто вы?

— Колхозники,— отвечают со смехом.

Оказалось, не шутят. Действительно, колхозники — члены клуба туристов латвийского колхоза «Накотне». В Мигии они не впервые. В колхозе есть и другие клубы любителей путешествовать: парусников, автомотолюбителей.

В условиях пробуждающейся общественной активности голоса самодеятельных туристов все громче звучат в защиту окружающей среды, против бездумного, технократического, потребительского отношения к природе. Нынешний сбор у Мигийских порогов, кстати, можно считать одним из мероприятий клуба «Путешествия в защиту мира и природы», созданного недавно при Советском комитете защиты мира.

В данном случае это актуально хотя бы потому, что над облюбованными туристами скалами и порогами Южного Буга нависла угроза. Через несколько лет всё вокруг может исчезнуть под волнами планируемого здесь водохранилища — части сооружаемого ныне Южно-Украинского энергокомплекса.

Наталия НЕСТЕРОВА. ОДЕССКИЙ ЗАМОК.
Из серии «Игра в людей».
Картина отобрана для участия в аукционе.

АУКЦИОН СОТБИЗ: ЛОНДОН — МОСКВА

Продолжение. Начало на стр. 8.

ство некоторых современных художников, столь известных на Западе и незаслуженно забытых и не признанных на родине. Внимание аукциона к творчеству многих современных западных художников, продажа их произведений на аукционе способствовали росту их известности и повышению цен на их работы. Покупка зарубежными музеями и частными коллекционерами работ советских художников будет, с одной стороны, стимулировать интерес к советскому искусству, а с другой стороны, позволит скопить валютные средства, которые, может быть, могли бы быть использованы для покупки произведений искусства на международном рынке.

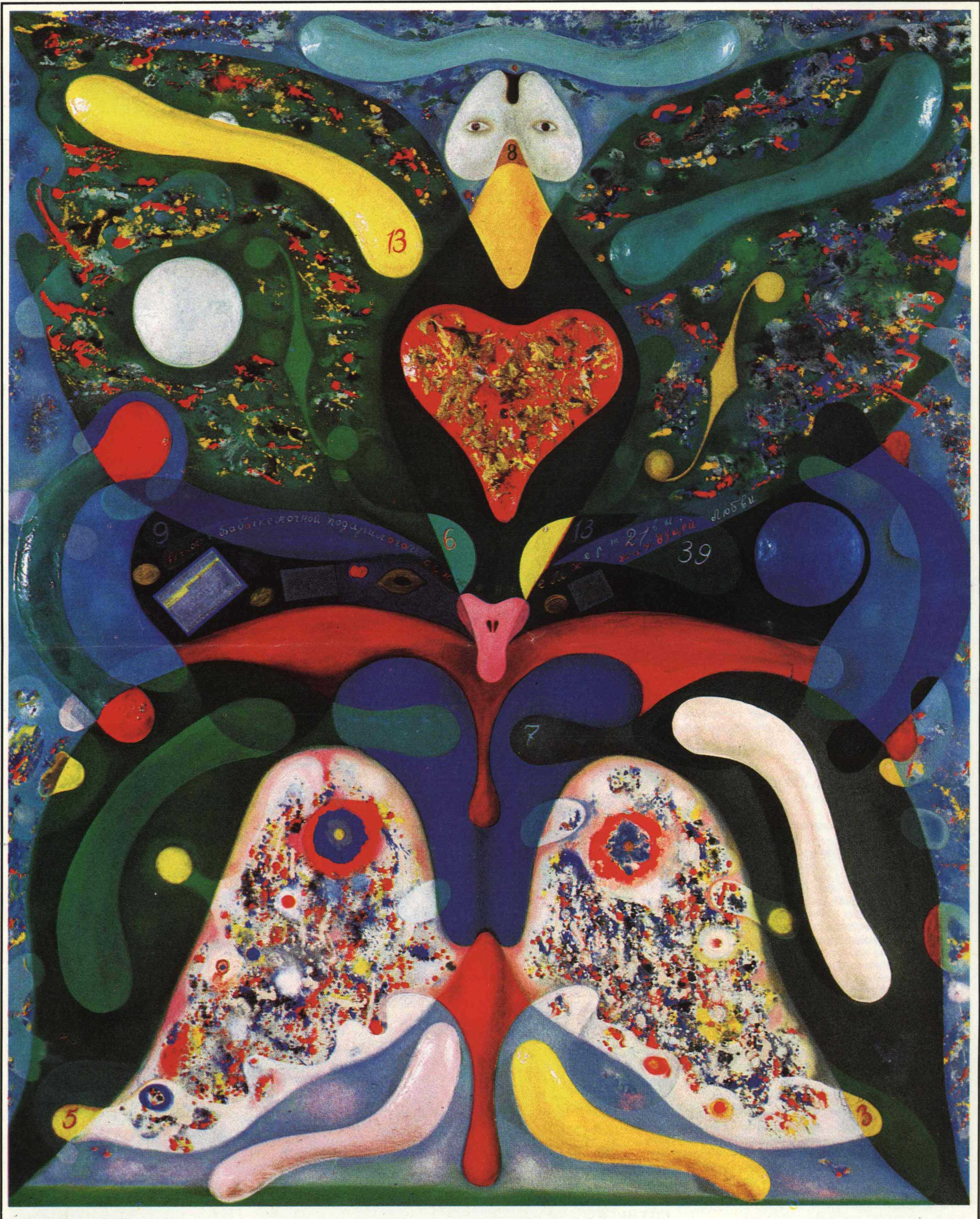
— Способствует ли, на ваш взгляд, деятельность аукциона развитию культуры?

— Циник ответил бы, что аукцион делает деньги, занимаясь исключительно бизнесом. Но даже если мы примем точку зрения циника, мы все равно сделаем вывод о том, что невозможно делать деньги в области искусства, не развивая культуру. Кроме того, сотрудники аукциона зарабатывают себе на жизнь и приносят прибыль владельцам еще и потому, что они досконально знают искусство.

— Сотбиз — первый аукцион в мире, который дает пятилетнюю гарантию подлинности продаваемых

Эдуард ШТЕЙНБЕРГ.
ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ.
Картина отобрана для участия в аукционе.

Александр СИТНИКОВ.
БАБОЧКА.
Картина отобрана для участия в аукционе.

произведений. Но может ли аукцион гарантировать, что он не торгует произведениями незаконного происхождения?

— Аукцион имеет дело только с произведениями, чей юридический статус установлен и известен. Однако на протяжении столетий произведения искусства неоднократно перемещались и меняли владельцев. Путь некоторых шедевров в те собрания, которые гордятся ими сейчас, был извилист. По поводу некоторых произведений разногласия тянутся веками. Например, правительство Греции считает, что Англия не имеет никакого права на мраморный фриз Парфенона, вывезенный из Афин в 1803 году лордом Элджином, а правительство Великобритании считает, что обладает этой скульптурой на законных основаниях. Точка зрения на происхождение произведения, которой придерживается Сотбиз, не всегда удовлетворяет обе стороны.

— Как вам понравилась Москва?

— Москва мне показалась более знакомой и близкой, чем, например, Нью-Йорк. Приезжая сюда, воочию убеждаешься, что это великая европейская столица. Видишь, что связи между европейскими державами были более тесными и долгими, чем периоды, когда между народами вырастали барьеры.

* * *

— Как готовятся к международному аукциону в Москве? — с таким вопросом я обратилась к генеральному директору Всесоюзного художественно-производственного объединения имени Е. В. Вучетича Павлу Хорошилову. Обстановка Всесоюзного объединения мало напоминает лондонскую штаб-квартиру Сотбиз. Разговор прерывался многочисленными телефонными звонками и появлением на столе срочных и сверхсрочных бумаг, ожидающих подписи. Это неудивительно, подготовка к проведению аукциона — лишь малая часть повседневных обязанностей генерального директора, ведь он отвечает и за формирование Фонда художественных ценностей СССР, и за проектирование памятников и монументов общесоюзной значимости, и за реализацию плана культурных связей Министерства культуры СССР, то есть направление советских художественных выставок за рубеж, организацию зарубежных выставок в СССР и многое другое, а компьютеров, столь облегчающих работу, в его приемной пока еще нет.

— Кто явился инициатором проведения аукциона современной живописи в Москве?

— Инициатива принадлежала Сотбиз. Следует отметить, что мы получали такие предложения и раньше. Но только сейчас мы оказались готовыми его принять. Общественная обстановка в нашей стране складывается так, что возникла потребность, необходимость сделать советскую художественную жизнь, которая включает в себя и торговлю произведениями искусства, частью мировой художественной жизни.

— Кто проводил отбор произведений для московского аукциона?

— Эксперты Сотбиз приехали сюда со своим списком художников. Мы его дополнили, так что отбор — результат совместной работы. Нужно сказать, что на Западе было принято делить советских художников на официальных и неофициальных. Официальные — это члены Союза художников, произведения которых широко пропагандировались на внутрисоюзных и зарубежных выставках. Неофициальные — это художники, которые не пользовались поддержкой и вниманием учреждений, призванных заниматься вопросами культуры. Западная пропаганда с лихвой заполнила этот пробел, руководствуясь подчас не художественными, а политическими мотивами, так как видела в этих художниках группу обиженную и оппозиционную. Многие из них известны на Западе больше, чем на родине. При отборе произведений для аукциона мы постарались отказаться от этого стереотипа и руководствовались художественным и коммерческим критериями.

— Как вы, искусствовед, могли бы охарактеризовать художников, произведения которых отобраны для участия в Московском аукционе?

— Сразу скажу, что, отбирая произведения, мы не пытались отразить всю полноту художественной жизни СССР. Это не выставка, это аукцион. Мы не имели возможности показать все течения нашей живописи. На аукционе будут представлены яркие художественные индивидуальности — в основном мы отбирали работы последних лет. Еще раз подчеркну, что аукцион — коммерческое мероприятие, поэтому при отборе мы учитывали известность тех или иных художников на Западе и желание коллекционеров иметь их в своих собраниях. Принцип аукционной торговли позволит покупателю, а уж он, поверьте мне, самый внимательный зритель, самому разобраться в художественных достоинствах произведений.

— Какие трудности стоят перед организаторами Московского аукциона?

— Первая трудность — отбор произведений. Невозможно, повторяю, вместить в узкие рамки коммерческого мероприятия всех художников. Но этот аукцион — лишь первый шаг. Есть у нас и технические трудности — не отработан механизм платежей. Финансовый механизм Сотбиз складывался два с половиной столетия, но он складывался в совершенно ином экономическом и юридическом контексте. Естественно, что он кардинальным образом отличается от нашей практики. Этот аукцион является первой попыткой преодолеть трудности, вызываемые этими различиями, и сделать наше экономическое сотрудничество возможным.

— В аукционной торговле на Западе, в фирме Сотбиз в том числе, существует практика отчислять определенные суммы от продаж на благотворительные цели. Лорд Гаури сообщил мне о намерении Сотбиз сделать отчисления в пользу Советского фонда культуры. Как вы думаете, поддержат ли эту благородную традицию участники аукциона с советской стороны?

— Я полагаю, что советские художники не останутся в стороне. К тому же деньги, перечисленные в Советский фонд культуры, могут быть использованы для покупки на Западе произведений искусства, необходимых для восполнения пробелов в наших музеях.

— Принятый у нас принцип ценообразования на произведения искусства зачастую грешит уравниловкой. Существуют установленные расценки, коэффициенты и «вилки», за пределы которых не может выйти даже самое талантливое произведение. Эти же расценки гарантируют завышенный уровень цен на посредственные произведения. В основе аукционного ценообразования лежит совсем другой принцип, при котором произведения попадают в непривычную стихию свободного рынка. Как, на ваш взгляд, это будет воспринято советскими художниками?

— На аукционе одни произведения не будут проданы вовсе, другие не уйдут от стартовой цены, стоимость третьих может подскочить в десять раз. Боюсь, что многие наши художники к этому психологически не готовы. Но обижаться не на кого, это законы свободного рынка. Нельзя признать эти законы идеальными, но для искусства они менее страшны, чем уравниловка. Аукцион не вреден, он обеспечивает своего рода обратную связь, и мы — советские искусствоведы, художники, люди, причастные к искусству,— в результате аукциона узнаем много нового о себе, о советском искусстве.

■

Приближается XIX партконференция. С нею связаны большие ожидания. Видимо, будут решены вопросы, касающиеся и атрибутов власти. В связи с этим хотелось бы знать: тиражировались ли портреты здравствующих деятелей партии и государства при В. И. Ленине? Каков статус такого портрета и где об этом сказано? Не является ли процесс безудержного копирования портретов «хвостом кометы» времен культа личности? И считал ли кто-нибудь, какие средства расходуются на это дело? Ведь, если вдуматься, распространение портрета — более высокая честь, чем представление к правительственной награде.

Иной раз попадаешь в неловкое положение: тебе доверяют нести на демонстрации портрет члена Политбюро, а завтра — его в отставку, и неизвестно, где он, что с ним. Вроде был человек, великий, изображения по всей стране. Думаю, и в этом вопросе необходимы новое мышление, гласность, демократия.

Портретов достойны Маркс, Энгельс, Ленин, деятели ленинской гвардии, великие ученые, поэты, писатели, ушедшие из жизни, но оставившиеся в сердцах и умах человечества навеки. Наградой же здравствующим деятелям партии и государства надо считать доверие, которое оказал им народ, избрав на высокий руководящий пост.

Могут возразить: народ должен знать своих руководителей. Да, конечно, но для этого есть газеты, журналы, телевидение.

В. Н. АГАПОВ
Ижевск.

■

Хочу посоветоваться о том, что касается каждой советской семьи, о простом и наболевшем. Почему наши дети в яслях и детских садах почти все время болеют ОРЗ? Я не говорю об инфекционных, вирусных заболеваниях, только о простуде.

Сделаешь ребенку все необходимые прививки, отдашь в ясли, а через 3—4 дня здоровенький крепыш превращается в бледное существо с хлюпающим носом. Начинается морока, кому быть дома с больным ребенком, чтобы не вызвать недовольства, а то и гнева своего начальника. Сидишь дома, а мысли: ну, следующее сокращение теперь меня не минует... Отсидится дома ребенок, несешь его в ясли или в детсад, а через полторы-две недели все начинается вновь. Так было с двумя моими детьми, теперь с третьим...

Мы сейчас пытаемся решать глобальные вопросы, а в этом деле никак не можем навести порядок. В печати уже шли разговоры о том, чтобы работникам детских учреждений платить больше (поднять престиж профессии) за счет предприятий или увеличить взнос родителей за содержание детей,— думаю, семья заинтересована в том, чтобы ребенок рос здоровым. Но если уж малыш заболеет ОРЗ, воспитатель и нянечка должны получить в зарплату меньше, чем те, у кого все в группе здоровы.

Когда же сдвинется этот вопрос с мертвой точки?

С. Н. ЯШИН,
служащий, 32 года
Стаханов.

■

Среди моих родственников нет пострадавших в годы культа личности. Но я знаком с живыми свидетелями ужасов тех лет, кое-что знаю от своих пациентов, прошедших «сталинские гимназии», как называет пережитое один из них. Так что процесс стирания белых пятен истории нашего Отечества воспринимаю близко к сердцу. Радостно сознавать, что уже наши дети будут знать правду о Бухарине, Рыкове и других, имена которых вслух произносить следовало только в отрицательном смысле.

А теперь позвольте изложить некоторые свои сомнения, которые, как пепел Клааса, стучат в мое сердце, а именно: справедливо ли, что Сталин остается членом ленинской партии?

Разрешите через ваш журнал внести предложение для делегатов XIX Всесоюзной партконференции. За физическое уничтожение руководителей нашей партии, командного состава Красной Армии, деятелей науки и искусства, за голод 30-х годов, за смерть и муки узников лагерей, за слезы жен, членов семей «изменников Родины» и детей, выросших в детских домах спецназначения, за репрессии всех послевоенных лет исключить Сталина из рядов КПСС.

О. Б. БЕГИШЕВ,
врач, доцент кафедры оперативной хирургии Ленинградского института усовершенствования врачей, член КПСС с 1967 года

■

Уже несколько месяцев мы живем и учимся в Советском Союзе, в городе Калинине. За это время он нам стал родным и близким. Хочу сказать, что очень многое здесь нам нравится, многое понятно, но некоторые ситуации для нас за семью печатями, о них-то и хочется сказать.

Не понимаем мы такую ситуацию, когда электропоезд на Москву подают из депо за 2—3 минуты до отхода поезда. Сотни людей штурмуют двери и не замечают, на кого они в эти минуты похожи.

Нам не понятно, почему простое письмо до Москвы идет 5 дней, а в ГДР — 18—20 дней? Что нужно сделать, чтобы письма шли, как у нас дома, 1—2 дня?

Ну и совсем непонятная ситуация произошла у меня на почтамте. Моя жена послала для пасхи небольшую бандероль (хотя мы и коммунисты, но пасха отмечается в ГДР официально, это нам не мешает). Заплатил таможенный налог 3 рубля, и служащая принесла бандероль — она была зверски распотрошена, все содержимое — а это были полуфабрикаты для кулича и чай — ссыпано в одну кучу и, конечно, не пригодно к употреблению. Мне принесли большой лист бумаги, я все содержимое завернул и тут же выбросил в урну. Кто и зачем это сделал? Мы здесь представляем дружественную вам державу, мы не враги, а «братья по оружию» — и вдруг такой выпад! Если Министерство связи СССР не является членом Всемирного почтового союза, то надо было предупредить нас заранее. Вряд ли подобные действия способствуют взаимопониманию, скорее наоборот!

Лутц ГРОМАНН
Калинин

О ЧЕМ УМОЛЧАЛО ГОС-ТЕЛЕ-РАДИО

В № 14 «Огонька» было опубликовано письмо Э. Рязанова, содержавшее критику Гостелерадио СССР и стиля работы подчиненного ему телевидения. Кроме того, ставилась под сомнение компетенция специалиста по фигурному катанию на коньках С. Кононыхина, назначенного руководить кинoредакцией ЦТ.

Ответ не замедлил. Мы подготовили его к печати вместе с нашим комментарием, из содержания которого не делали тайны. Тут-то и началось.

Звонили нам неоднократно, от имени руководства телевидения ответ просили вернуть, а помощник одного из руководителей ЦТ, Л. Кравченко, дважды приезжал в редакцию, чтобы забрать его. Все это вслед за звонками: «Не то время сейчас, чтобы обострять отношения — давайте жить мирно, не печатайте ни ответа, ни комментария». В номере, подписанном к печати 14 июня, мы сообщили, что по просьбе Гостелерадио не будем обсуждать их письмо, сосредоточившись на обсуждении проблем телевидения. Вот тут-то, переработав свой ответ Э. Рязанову, убрав в нем места, которые мы прокомментировали, и не подписав, как в официальном письме «Огоньку», руководители Гостелерадио опубликовали 16 июня в «Советской культуре» статью «О чем умолчал Эльдар Рязанов», обрушившись на журнал и на автора статьи в нем. Нас ведь предупреждали, что так и случится, если мы пожалеем не телезрителей, а телеруководителей; сплоховали — но хоть знаем теперь, с кем дело имеем.

Идя навстречу пожеланиям руководителей Гостелерадио и исправляя нашу оплошность, публикуем сегодня те самые избранные места, которые были деликатно опущены оппонентами в письме, опубликованном ими в «Советской культуре», и тот самый наш комментарий, из которого мы в свое время не сделали секрета:

«Рязанов жалуется на строгость редакторов телевидения... В передаче <«Вечер в Останкино»> был сокращен по принципиальным соображениям странно интерпретированный Рязановым рассказ о том, как В. И. Ленин и А. В. Луначарский посещали выставку абстрактного искусства. Приводим этот фрагмент передачи дословно: «Они ходили по залу, там висели какие-то круги, квадраты, что-то очень странное, какие-то просто белые листы, и Владимир Ильич наклонился к Луначарскому и сказал: «Анатолий Васильевич, вы что-нибудь понимаете?» Анатолий Васильевич, человек высокой культуры, наклонился к Ленину и сказал: «Владимир Ильич, честно говоря, я ничего не понимаю». И они на цыпочках вышли из помещения». Рязанов заключает: «Это было последнее Советское правительство, которое ничего не понимало в искусстве».

Тут уж, как говорится, комментарии излишни. Стоит только для расшифровки политического кроссворда Рязанова добавить одно. Известно, что В. И. Ленин был очень терпим в вопросах искусства, считая необходимым максимум свободы для художника, для развития его духовного и творческого потенциала. Но как руководитель политической партии он с величайшей энергией боролся за мировоззренческие, нравственные и эстетические позиции в искусстве, которые соответствуют коммунистическим идеалам.

И, наконец, история создания передачи о Высоцком, детективно проведенная Рязановым, также нуждается в прояснении истины. И в этом случае автор статьи говорит не всю правду, а лишь ту ее часть, которая ему выгодна.

«Пробивать» эту передачу Рязанову не пришлось. Его предложение было принято сразу. По первоначальному замыслу передача должна была состоять из трех частей, на что телевидение выделило немалые средства. На приобретение зарубежных видеоматериалов о Высоцком было отпущено несколько тысяч рублей в валюте. По мере накопления материалов стали яснее обозначаться ее контуры, концепция. Рязанов предложил сделать не три, а четыре части. Мы согласились и с этим, учитывая большие затраты Госкомитета на создание программы.

С согласия Рязанова показ четырехсерийной передачи решено было приурочить к 50-летию Владимира Высоцкого. Несколько месяцев она ждала своего выхода. Но не это, как следует из статьи, является причиной конфликта, а исключение из четвертой части первых семи с половиной минут.

В рассказе, который Рязанов считает «идейным центром» передачи, определяющим стало его следующее утверждение: «Вообще наши поэты, как правило, почему-то долго не живут». Проводя линию от Гумилева, которого, как говорил Рязанов, «подозревали в заговоре против Советской власти и который был расстрелян в 1921 или 22-м году», к Высоцкому, «судьба которого тоже была несладкой», автор поставил в тот же ряд Блока, Есенина, Маяковского, Мандельштама, Ахматову, Цветаеву, Пастернака. Имена выдающиеся, и они впечатляют. Но вдумаемся поглубже. Ведь судьба каждого из перечисленных поэтов сложилась очень по-разному. И, кроме того, если нам дорога истина, можно привести довольно длинный список известных советских поэтов, включая, кстати, Ахматову и Пастернака, чей век оказался, к счастью, не коротким. Подгонка фактов под заранее выстроенную концепцию политического немилосердия обернулась против лучших побуждений автора, привела к искаженным выводам.

Нам осталось ответить на последний вопрос: может, и в самом деле на телевидении установили особую цензуру на передачи Э. Рязанова? «Вырезают» самые ценные места? Нет. Телевизионные редакторы, как и редакторы во всей нашей прессе, имеют право и обязаны от авторов требовать одного — не допускать фактических ошибок, неточностей, недостоверных сведений. Этим и объяснялись наши редакторские вмешательства...

Один из нас, а именно С. Н. Кононыхин, удостоился особого внимания Рязанова и как фигурист, и как спортивный судья, и как просто некомпетентный человек. В молодости каждый из нас увлекался различными видами спорта. Фигурное катание — не самый худший из них, особенно если иметь в виду формирование эстетических вкусов. Но в данном случае для оценки компетенции С. Кононыхина важнее знать другое: он окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС по кафедре теории искусств, защитил кандидатскую диссертацию. Зачем уж и тут наводить тень на плетень?

В заключение хотим подчеркнуть: выступление Рязанова не только обескуражило, но и глубоко обидело многих работников телевидения, которые испытывали к нему искреннее чувство симпатии.

Разочаровываться всегда больно».

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Мы не тронули в письме, подписанном ответственными работниками Центрального телевидения, ни одной запятой. Сделали это из принципиальных соображений. Дело в том, что основной пафос статьи Э. Рязанова был направлен против ножниц, обильно используемых редакторами ЦТ при подготовке к эфиру его материалов.

Весьма интересным показалось нам напоминание «профессиональному» режиссеру Рязанову, что монтаж в кино и на телевидении «является необходимым художественным средством, используемым при подготовке фильмов и программ, выбора наиболее выразительных фрагментов для создания единого по содержанию, выразительного и яркого по форме, композиционно гармоничного экранного произведения». Мы не поленились и спросили Э. Рязанова, знал ли он до письма ЦТ, что такое монтаж в кино и на телевидении. Он совершенно откровенно признался, что не знал, а потому искренне благодарен авторам письма за науку. Добавим от себя, что Рязанов ставит в своей статье несколько иной вопрос, а именно: кто должен заниматься монтажом, выбирая «наиболее выразительные фрагменты»? Автор или редактор? А если редактор тоже, то имеет ли он право делать купюры без согласования с автором? К сожалению, ответственные работники ЦТ, назвав свое письмо «О чем в эпоху гласности умалчивает Э. Рязанов», почему-то скромно промолчали, не тронув кардинального вопроса, поставленного Э. Рязановым.

Наибольшее количество претензий было адресовано в статье главному редактору Главной редакции кинопрограмм Центрального телевидения С. Н. Кононыхину, который «удостоился особого внимания Рязанова и как фигурист, и как спортивный судья, и как просто некомпетентный человек». Забавно читать в публикуемом ответе ЦТ, подписанном среди прочих и самим Кононыхиным, что «для оценки компетенции С. Кононыхина важнее знать другое: он окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС по кафедре теории искусств, защитил кандидатскую диссертацию». Это, по-видимому, должно обосновать его преимущественное право делать купюры, не только не спрашивая согласия авторов художественных и документальных фильмов, но даже вопреки их категорическим протестам. «В молодости,— философически сказано в ответе,— каждый из нас увлекался различными видами спорта. Фигурное катание — не самый худший из них, особенно если иметь в виду формирование эстетических вкусов». Можно предположить, что именно поэтому с эстетическим вкусом у С. Кононыхина не просто все в порядке, а много лучше, чем у иных из нас. И вообще: почему бы, следуя этой логике, не открыть при Федерации фигурного катания Госкомспорта СССР отделения главных редакторов не только Центрального телевидения, но и киностудий, толстых журналов Союза писателей и издательств?

Не можем мы пройти мимо эпизода, связанного с посещением В. И. Лениным и А. В. Луначарским выставки абстрактного искусства, который, хоть и был вырезан редакторами из передачи Рязанова, но полностью воспроизведен в письме, присланном в «Огонек», и таким образом стал достоянием масс. Получается, что дело не в самом историческом факте и его современном толковании, запреты на которые нынче сняты, а дело в том, кто факты излагает и где: Э. Рязанову в передаче по Центральному телевидению — нельзя, а руководителям ЦТ на страницах нашего журнала — можно? Интересное начинание! — как сказали бы известные юмористы, часто выступающие с телеэкрана.

Аналогичным образом обстоит дело с семью минутами четвертой серии документального фильма о В. Высоцком, которые оказались вырезанными перед эфиром и послужили причиной острого конфликта Рязанова с Кононыхиным. Нам кажется, что, если уж руководители ЦТ поддержали Кононыхина в мысли о том, что эти минуты способны сокрушить мировоззрение телезрителей, им следовало из солидарности с нами, тоже идеологическим органом, не воспроизводить «опасные» мысли Рязанова в своем ответе на его статью, предназначенном для публикации в «Огоньке». Мы, конечно, находимся в разных весовых категориях, кому это не понятно: тираж нашего журнала несравним с аудиторией телевидения. Возможно, «нашим» почти двум миллионам читателей и впрямь позволено знать то, чего нельзя знать ста сорока или ста восьмидесяти миллионам телезрителей,— но зачем уж такая «дискриминация наоборот»? Да еще во времена широкой демократизации и гласности?

Так или иначе мы хотя бы признательны авторам письма за то, что они благородно решили вести дискуссию на нашей территории, поскольку и статья Рязанова, и ответ ЦТ опубликованы на страницах «Огонька». Страшно подумать, но могли же ответить сразу на сто восемьдесят миллионов! Впрочем, это вовсе не значит, что мы отказываемся от всесоюзного эфира. Больше того, пользуясь случаем, предлагаем продолжить разговор о наших общих проблемах и на голубом экране.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Т. ГДЛЯН, старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР,
Н. ИВАНОВ, следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР

ВСЕГО ПЯТЬ ЛЕТ — И ВОТ СЛОВО «РАШИДОВЩИНА» СТАЛО НАРИЦАТЕЛЬНЫМ, А КОРОТКАЯ, РЕЗКАЯ, КАК ВЫСТРЕЛ, ФАМИЛИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ ПРОКУРАТУРЫ СССР — ГДЛЯН СТАЛА СИМВОЛОМ ЧЕСТНОСТИ И БЕСКОМПРОМИССНОСТИ. СИМВОЛОМ ТОГО, ЧТО ОТНЫНЕ ВОРОВСТВО И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, «ОСВЯЩЕННЫЕ» ВЫСОКОЙ ДОЛЖНОСТЬЮ, ТОЖЕ КАРАЮТСЯ ЗАКОНОМ, ЧТО НЕТ ГРАНИЦ ДЛЯ ЗАКОНА. ЦЕЛЫХ ПЯТЬ ЛЕТ ДЛИЛАСЬ ЭТА КОМАНДИРОВКА ДЛЯ ТЕЛЬМАНА ГДЛЯНА, НИКОЛАЯ ИВАНОВА И СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ. ПЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ОТПУСКОВ, ВДАЛИ ОТ СЕМЬИ. И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ВИТОК СЛЕДСТВИЯ ПОДНИМАЛ ИХ НА НОВУЮ, ВСЕ БОЛЕЕ ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНУЮ «ВЫСОТУ». ДУХ ЗАХВАТЫВАЛО: А ЕСТЬ ЛИ ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ОТСЮДА — С ЭТИХ ЛЕДЯНЫХ ВЕРШИН «ЗОНЫ МОЛЧАНИЯ», ГДЕ ПРОДАВАЛИСЬ ОРДЕНА, ПАРТБИЛЕТЫ, ДЕПУТАТСКИЕ МАНДАТЫ И СОТНИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ ВСЕ ЗНАЛИ, НО МОЛЧАЛИ. СОТНИ ТЫСЯЧ МОЛЧАВШИХ... ГДЛЯН И ЕГО ТОВАРИЩИ МОГЛИ НЕ РИСКОВАТЬ — НЕ ЛЕЗТЬ НА ЭТУ ВЫСОТУ — ВСКРЫТЬ ЧЕТВЕРТЬ ПРАВДЫ И УСПОКОИТЬСЯ. ЭТО УСТРОИЛО БЫ МНОГИХ ИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ ДАННОГО ДЕЛА. ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. КОГДА БОРЬБА ЗА ПРАВДУ МНОГИМ КАЗАЛАСЬ БЕССМЫСЛЕННОЙ, ГДЛЯН СДЕЛАЛ СВОЙ ВЫБОР...

Долгое время в нашем обществе не признавался и не имел права на прописку тезис об организованной преступности. Противники перестройки не хотели видеть очевидного. Этому также способствовал и общественно-политический климат прошлых лет жизни общества и сложившиеся стереотипы. И лишь совсем недавно, когда уже невозможно стало прятать концы в воду, когда прорвалась плотина молчания в печати, когда рискнули огласить свои исследования правоведы, социологи, мы, наконец, выговорили вслух это словосочетание: организованная преступность.

Необходимо срочное создание совершенно нового механизма борьбы с организованной преступностью, если мы хотим обезопасить общество от дальнейшего разложения, от эрозии самих устоев государственности. Таким механизмом, на наш взгляд, явилось бы создание единого Следственного комитета СССР вневедомственного подчинения. В задачи одного из его ведущих подразделений должна входить исключительно борьба с организованными преступлениями и прежде всего с экономическими.

Система взяточничества и коррупции была выявлена и выявляется в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Туркмении, в трех Закавказских республиках, Молдавии, в Краснодарском крае, на Украине и в Москве...

Чтобы провести по всем этим регионам самое глубокое и всестороннее расследование по выявлению такого рода преступлений, необходимо создать десятка полтора специальных следственных групп, выявить главных организаторов, и, таким образом, дать возможность народу знать своих «героев» поименно, без ссылок на анонимного «бюрократа».

Почему такая структура сложилась? Анализ многих сторон нашей социальной действительности — а следователь в своей работе не может обойтись без такого анализа — приводит к выводу, что существующие доныне политические институты власти не обеспечивали законности и охраны прав граждан в стране. Они не стали, как все мы теперь видим, гарантом прогрессивного социально-политического развития общества. Расследование уголовного дела показало, что система расстановки кадров без учета общественного мнения не всегда позволяла выдвигать на руководящие посты наиболее способных людей, преданных интересам народа. Функционирующая система не обеспечивала самоочищения — вот что, пожалуй, самое страшное. Ведь в системе власти, назовем это так, через какой-то период происходят разного рода наслоения, как говорил В. И. Ленин, появляются примазывающиеся к господствующей партии лица. У этих примазывающихся идейность стала подменяться лояльностью, личной преданностью власть предержащим. Этот процесс девальвации истинных качеств коммуниста-руководителя может происходить на любом уровне, если в партии отсутствует действенный контроль, а не тот, который мы наблюдали в застойный период. В стране были созданы объективные условия, при которых жить и работать честно становилось невыгодно. Честного человека система нечистоплотных отношений чаще всего просто выбрасывала. Или же преподавала ему гнусную науку приспособленчества. Очень точно и образно сказал об этом один генерал милиции, проходящий по нашему делу: «Не затевай ссоры с крокодилами, если ты живешь с ними в одной реке. Лучше перенять повадки крокодилов».

Мы против того, чтобы привлеченных к уголовной ответственности должностных лиц рисовать эдакими носителями зла с заложенным в них генетическим кодом преступности. Многие из них, если проанализировать их жизнь,— это обыкновенные советские люди, наши с вами сограждане. Гипертрофированные общественные отношения этого периода сделали их преступниками. Ведь вдумайтесь, речь идет не об одном подпольном миллионере, не о десятках и даже не о сотнях, но о тысячах! Как стало возможным, чтобы эти люди грабили свой народ и государство в таких масштабах? И практически в открытую!

А теперь о структуре. Мы не раз выявляли систему тарифов: чтобы занять определенную должность, надо было платить определенную сумму. Чтобы сохранить эту должность, также требовалось «отстегивать» дань. Эта система зачастую действовала во всех звеньях, начиная с районных, областных и республиканских. Но чтобы кому-то «дать» — надо у кого-то «взять». И в погоне за деньгами взяткодатели, в свою очередь, облагали данью своих подчиненных, те — своих и так до бесконечности. Взяткополучатель и взяткодатель воссоединились в одном лице. Вся эта простая и вместе с тем страшная структура отражена в материалах уголовных дел. Машина круговой поруки вовлекла в орбиту преступлений тысячи и тысячи должностных лиц. Происходило опасное по своим масштабам и последствиям разложение кадрового корпуса в советских, партийных, административных, хозяйственных органах одной из ведущих наших республик — Узбекистане — с девятнадцатимиллионным населением. Вдумаемся: как могло случиться, что в таком цивилизованном государстве, как наше, такое огромное число должностных лиц в течение двух десятков лет могло грабить многомиллионные богатства и оставаться у власти?

Итак, сверху — от бывшего первого секретаря ЦК КП Узбекистана, бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Рашидова — и донизу, до председателя колхоза — такова вертикаль преступной структуры.

Кто же позволил ей бесперебойно работать? Кто на протяжении более двух десятилетий покрывал тягчайшие преступления, ведя антипартийную, антигосударственную линию? На основе документальных данных ответим тысячам советских людей, которые задают нам сегодня этот вопрос: без покровительства из Центра это было бы невозможно. Мы, следователи, заявляем это со всей ответственностью. Главным покровителем Рашидова был прежний лидер партии Брежнев. Благодаря их «особым» отношениям Узбекистан был выведен из зоны критики. Но взваливать сегодня всю вину на мертвых — не самый объективный и достойный способ обнаружения истины. Ведь осталось и поныне здравствует звено, которое не только одобряло эти антипартийные действия, но и само выступало в роли соучастника. Следствие доказало бесспорность этого вывода: коррумпирование власти в Узбекистане поощрялось.

Это дело точнее будет назвать политико-правовым. Мы представляем себе, какой вой и шум будет поднят тем же «бюрократом», а точнее, врагом перестройки, после прочтения им подобной оценки. Ощетинившись, он завопит: «Товарищи, до чего же мы распустились, где же пределы этой гласности и кто позволил каким-то следователям давать обобщающие оценки?» Мы же, отбросив в сторону эмоции и демагогию, обратимся к существу вопроса.

Кто же, как не Брежнев, Рашидов, Щелоков, Кунаев, Чурбанов, Бодюл, Усубалиев и целая плеяда таких же высокоранговых, но окончательно скомпрометировавших себя в глазах народа лиц, довел страну до состояния кризиса? Материалы уголовного дела свидетельствуют о том, что Рашидов с кликой приспешников своими действиями нанесли непоправимый урон политическим, экономическим, идеологическим и нравственным интересам нашего государства. При оценке нанесенного вреда на последнее место мы ставим их уголовные деяния. Можно ли при таких обстоятельствах трусливо умолчать о политических последствиях деятельности этих новоявленных «царьков», «князьков» и «ханов» с партийными билетами? Видимо, отставшая по их вине промышленность не выпускает столь совершенной вычислительной техники, при помощи которой удалось бы подсчитать все вредоносные последствия подобного метода «правления» обществом. Выкорчевывать корни «брежневщины», «рашидовщины», «кунаевщины» и некоторых поныне здравствующих апологетов застойного периода предстоит еще в течение многих и многих лет, и существенную помощь в этом должны оказать правоохранительные органы.

Часто нас спрашивают, почему до сих пор не привлечены к ответственности наиболее крупные участники коррупции?

Дело в том, что есть неписаные «законы», согласно которым члена ЦК, скажем, не просто привлечь к ответственности. Даже когда некоторые из них изобличены в корыстных преступлениях...

Что ж, давайте отбросим уголовно наказуемые деяния и взглянем на дело под иным ракурсом — с точки зрения партийной ответственности, предусмотренной Уставом в отношении коммунистов. Посмотрим на бывшего первого секретаря республики. После кончины патрона он возглавил партийную организацию республики и продолжал проводить в жизнь линию, начатую предшественником. Под его руководством продолжались те же процессы: приписки, взятки, развал кадровой политики и иные негативные явления.

Какова же оценка этого деятеля? Еще в 1986 году в соответствующие компетентные инстанции были представлены материалы о «художествах» лидера республики, приведших ее к моральному, экономическому и политическому демонтажу. До января 1988 года он, однако, продолжал восседать в своем кресле. И только когда «досье» по республике переполнилось и терпеть стало вовсе невмоготу, руководителя тихо, если не сказать почетно, освободили от должности с трафаретной формулировкой «по состоянию здоровья» и вручили ему, а также его отпрыску ключи от благоустроенных московских квартир, оставив его депутатом Верховного Совета СССР.

За какие, спрашивается, подвиги, за какие заслуги? Простые люди в республике лучше любого прокурора знают, кто есть кто и кто повинен в людской трагедии. Можно ли убедить миллионы этих людей в законности действий правоохранительных органов, да и не только правоохранительных...

У наших противников поразительная «логика»! С одной стороны, они делают нам внушение, что, дескать, нельзя до

решения суда связывать фамилии таких-то «товарищей» с выявленными масштабными разрушительными негативными явлениями, а в то же самое время всячески выгораживают и не дают возможности привлечь этих «товарищей» к уголовной ответственности. Чем не заколдованный круг? Именно это иезуитство дает нам моральное право говорить об этом публично, хотя для следствия это и невыгодно. Невыгодно потому, что теряется элемент внезапности, будущие обвиняемые имеют возможность провести большую «работу» по сокрытию следов своих преступлений, но, к сожалению, уже задолго до нас услужливые покровители из партийных и правоохранительных органов периодически информировали этих лиц о конкретных разоблачительных фактах их преступной деятельности, добытых в ходе следствия и суда.

Попытаемся разобраться, почему выдвинутые партией идеи социальной справедливости и равной ответственности сталкиваются с таким упорным противодействием по претворению в жизнь со стороны бюрократии. В частности, вспомним, как эти идеи были четко сформулированы в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС. Вот что там было отражено:

«Вызывает беспокойство и другое. Недостатки в республике появились не вдруг, они накапливались годами, из малых вырастали в большие. В Узбекистан не раз выезжали работники союзных органов, включая работников ЦК, которые не могли не замечать происходящего. О негодных порядках с возмущением писали в центральные органы трудящиеся республики. Но должного рассмотрения эти сигналы не получали. Не получали потому, что на каком-то этапе у нас были выведены из зоны критики отдельные республики, края, области и города. На местах это вело к тому, что стали появляться своего рода неприкосновенные районы, колхозы, совхозы, промышленные предприятия и т. д. Из всего этого необходимо сделать твердый вывод: **в партии нет и не должно быть организаций вне контроля, закрытых для критики, нет и не должно быть руководителей, огражденных от партийной ответственности».**

Оценки партии в этой части нашли свое отражение и в материалах уголовного дела. Но главное в том, будет ли в век перестройки существовать «двойная законность», при которой «стрелочники», как правило, отвечают перед партией и законом, а высокорангированные не всегда? Этот принцип, насаждавшийся десятилетиями во времена застоя, в период перестройки оказывается настоящим тормозом в установлении правового социалистического государства.

В деле, которое мы ведем уже не один год, было три критических периода.

Первый — это с большими трудностями и издержками удалось решить вопрос о привлечении к уголовной ответственности за взяточничество должностных лиц партийных и административных органов областных звеньев. Этот период (1983—1985 гг.) характерен ожесточенностью сопротивления против следствия, когда в арсенале методов были шантаж, попытки подкупа, угрозы увольнением, грубые провокации и даже незаконные меры по выдворению за пределы республики. «Рашидовцы» после смерти своего «пророка» еще твердо стояли на ногах, упиваясь властью и награбленными миллионами. Было трудно, что и говорить.

Второй период (1986—1987 гг.) запомнился тем, что ожесточение противоборствующих сил достигло апогея, когда стоял вопрос: кто — кого? Ведь уже пошла речь об ответственности работников республиканского уровня, а как известно, по классической формуле: власть и богатство без боя не сдают. Скомпрометировавшие себя в Узбекистане покровители бросились на выручку своих «кормильцев». Однако применялись уже более утонченные способы противоборства, от провокационных проверок, создания крайне отрицательного «кабинетного» мнения на различных этажах иерархической лестницы, окриков «сверху» и вплоть до попыток представить нас в роли нарушителей социалистической законности и отстранить от дальнейшего ведения следствия. Трудно сказать, чем бы закончилась эта борьба, если бы мы в 1986 году не обратились с докладной запиской в ЦК КПСС, где сообщили о сложившейся ситуации. У руководства партии мы нашли поддержку, благодаря чему удалось преодолеть и второй труднейший этап следствия и выстоять. Искусственно создаваемые преграды были устранены, что дало возможность Прокуратуре СССР привлечь к уголовной ответственности первого заместителя министра внутренних дел СССР, Председателя Совета Министров и заместителя Председателя Президиума Верховного Совета республики, четырех секретарей ЦК КП Узбекистана и некоторых первых секретарей обкомов партии.

И, наконец, сейчас наступил третий, завершающий, но самый кульминационный момент в расследовании дела. Многоголовая гидра коррупции, почувствовав смертельную опасность, предпринимает отчаянные порой способы компрометации следствия. На этом этапе произошла полная консолидация рядов взяткодателей и взяткополучателей, а также их покровителей. Случайно или нет, но это совпало по времени и с активизацией основных противников перестройки, выдвинувших самостоятельную платформу с целью недопущения дальнейшей демократизации, гласности и законности в обществе. «Вечно вчерашние», внешне перекрашиваясь в красный революционный цвет, но не являясь духовными приверженцами застойного периода, своими каждодневными практическими делами пытаются проводить линию на классовый мир между новоявленными советскими миллионерами и честными тружениками страны. Постепенно теряя иммунитет «неприкосновенности», эти силы мечтают о реванше, возврате утрачиваемых позиций и восстановлении милого сердцу понятия «двойной законности». Особое озлобление вызвало у этих коррумпированных должностных лиц и их покровителей выступление представителей Прокуратуры СССР через средства массовой информации, в котором открыто было заявлено о масштабах совершенных преступлений и роли в этом лиц из Москвы.

Не имея сколько-нибудь серьезных доводов против выдвинутых нами обвинений, эти силы стали выдвигать сумасбродные умозаключения против следствия: «Потеряли скромность», «выпячивают себя и гонятся за дешевой сенсацией», «им нужна слава», «люди непомерных амбиций», «подняли руку на авторитет партии», ну и целый набор аналогичных перлов. Все это имеет целью способствовать изоляции следствия в борьбе с организованной преступностью. Великое орудие перестройки — гласность — застряло как кость в горле у консерваторов, оплакивающих прошлые времена, когда и пресса, и следствие стояли навытяжку перед бюрократией и готовы были выполнить любое их желание, даже противоречащее закону и совести.

Виновные лица, используя нечистоплотные методы борьбы, пытаются уйти от возмездия, а их покровители озабочены тем, чтобы подобное объективное ведение следствия не стало прецедентом в будущем и не посягало на интересы тех, кто часто путает свой карман с государственным и любит пожить за чужой счет.

Что же касается нашей позиции, то она совершенно ясна, и об этом мы заявляем открыто: используя гласность, сорвать маску с лица тех, кто довел страну до кризиса, извратил основополагающие принципы социализма и деморализовал общество.

Мы убеждены, что это дело необходимо довести до логического завершения, а все виновные лица должны ответить перед законом.

Противникам перестройки хотелось бы напомнить, а сторонникам перестройки взять на вооружение известное высказывание В. И. Ленина в аналогичной ситуации: «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!»

Нет сомнения, что руководство партии, ее здоровые силы дадут принципиальную оценку сложившейся ситуации.

Следует сказать, что без помощи со стороны партийных органов, руководства Прокуратуры СССР и общественности мы не смогли бы продержаться в этом деле не только пять лет, но и пять недель. С другой стороны, было бы наивно предполагать, что мы работаем в режиме абсолютного благоприятствования. Выводы следствия невыгодны многим из тех, кто сегодня все еще находится у власти, и этим все сказано!

По-разному пытаются помешать следствию. К примеру, предлагается «расчленить» дело, растащить его на клочки, а стало быть, растерять совокупность доказательств в отношении центральных фигур преступления. Кричат о сроках: мол, непомерно долго идет расследование! Но у нас ведь есть печальный опыт массовых репрессий, когда вершился «правый» и скорый суд: за несколько недель, а то и дней без достаточных доказательств приговаривали к высшей мере наказания. Эта эпоха осталась грязным пятном на совести правосудия.

Что значит закончить дело к какому-то сроку? Не оборотная ли это сторона 37-х годов? Тогда ведь тоже брали обязательство: посадить столько-то «врагов», закончить следствие к такой-то дате. Истина не может устанавливаться к какому-то сроку, заданному «сверху». Сейчас перед нами многоплановая мафия, и разобраться в каждой судьбе основательно, без трафарета, в спешке невозможно! Некоторые государственные мужи заявляют, что нахождение больше девяти месяцев под стражей — грубейшее нарушение соцзаконности. Но разве можно за ДЕВЯТЬ месяцев в конвейерном порядке лихо решать судьбы тысяч людей, не разобрав степень вины каждого? Цель всех этих «доводов» в защиту законности одна — не дать следствию выстроить и проследить всю систему преступлений, не дать дойти до главных ее организаторов!

Есть и менее утонченные приемы: окрик «сверху», подспудные угрозы и компрометация тех, кто участвует в расследовании.

Вот один из примеров. Некто из Узбекистана обратился в ЦК КПСС с просьбой защитить его от «репрессивного» аппарата, который, применяя «незаконные методы 37-го года», пытается опорочить его честное имя и привлечь к уголовной ответственности. Это послание было абсолютной анонимкой — ни адреса, ни имени, ни даты. А вот приложенная к ней (кем-то написанная от руки) записка в ЦК КПСС говорила о том, что жалоба принадлежит первому секретарю такого-то райкома... В адрес следствия посыпались обвинения, началась настоящая вакханалия проверок, объяснительных. И чем все это закончилось? А тем, что после ареста у «невинного анонима» было изъято ценностей на сумму более двух миллионов рублей. Он рассказал о многих десятках своих подчиненных, от которых получал крупные взятки, назвал и целый ряд высокорангированных лиц республики и Москвы, которым приходилось давать взятки. Не вправе ли мы предположить, что записка к жалобе-анонимке была приложена и передана в высокие инстанции одним из московских покровителей-взяточников?

За последнее время наблюдается «оживление» среди различных слоев или групп, которые ставят своей целью приостановить гласность по данному делу. Помимо взяточников и их покровителей, по не понятным для нас причинам, к этой группе вольно или невольно постепенно примыкают и лица, в чьей честности у нас нет оснований сомневаться. Вся эта разноголосая публика, в унисон «верху», глаголет о недопустимости сообщения через средства массовой информации каких-либо сведений по делу, показа многомиллионных богатств, изъятых у преступников, высказывается о том, что некоторые «уважаемые» товарищи находятся под стражей по пять лет и в этой ситуации могут сломаться и оговорить кого угодно, что пора положить конец расследованию дел в Узбекистане и т. д., и т. п.

А теперь, как говорили древние римляне, приступая к расследованию, попытаемся разобраться: кому это выгодно?

А выгодно это прежде всего тем силам, которые не заинтересованы в кардинальном очищении общества от скверны, от тех, которые скомпрометировали себя на ниве служения партии и народу, кто использовал власть для употребления социальных благ, кто занимался взяточничеством и разлагал изнутри нашу систему. А невольно примкнувший к ним хор «певчих» под видом объективности оценок и суждений выполняют социальный заказ, хотят они того или не хотят. Если бы «певчие» хотели разобраться, то они бы не пользовались «мнением», созданным в каких-то высоких кабинетах на разных этажах иерархии, а при желании получить объективную информацию пришли бы к первоисточнику — следствию, где бы получили подлинные сведения, основанные на документах.

Чего стоят их домыслы о якобы допускаемых нарушениях в процессе расследования. Во-первых, не стоит большого труда посмотреть постановления о заключении под стражу обвиняемых, и станет ясно, что никто из привлеченных нами лиц не находится под арестом 4—5 лет, основная масса содержится под стражей 1,5 — 2 года, а часть из них — по несколько месяцев. Эта ложь очевидна. Для сведения сообщим, по мере окончания были выделены и рассмотрены судами 15 уголовных дел.

Что же касается других обвиняемых, которые еще находятся под следствием, то затягивание сроков происходит не по нашей вине, а по вине тех, кто препятствует следствию путем грубого вмешательства в его деятельность и волевыми решениями отказывает в привлечении к уголовной ответственности виновных, в том числе и идейных вдохновителей этих преступлений. Это не вина следствия, которое не всемогуще в борьбе с организованной преступностью, а его беда. Вся ответственность за затягивание сроков следствия ложится на те же темные силы. В подтверждение нашего тезиса мы можем сослаться на пример небезызвестного Ю. М. Чурбанова, чье привлечение к уголовной ответственности «согласовывалось» более года. И лишь после его ареста стало возможным закончить дело в отношении руководящих работников МВД Узбекской ССР. Но ведь год-то был потерян, и это только по одному участку, а ведь таких примеров немало.

Во-вторых, если взять за основу не домыслы и демагогию, а документы, то мы увидим, что обвиняемых коварное следствие «ломает», «выбивает показания» не годами, а, как правило, они сами в течение первых 10—15 дней правдиво рассказывают о всех своих преступлениях и лицах, связанных с ними, и добровольно выдают свои многомиллионные ценности.

В-третьих, оказывается, нельзя показывать широкой общественности через средства массовой информации награбленные у той же общественности миллионы, якобы это влияет на «презумпцию невиновности» привлеченных к ответственности лиц. При этом демагоги не обращают внимания на то обстоятельство, что, соблюдая этику, мы

ведь и не называем фамилии обвиняемых, у которых что-то изымается. Если бы у этих людей была хоть малейшая возможность, то они обвинили бы нас в том, что следователи, доказывая свою порочную версию, «сбросились по рублю», и у арестованных образовались мешки с золотом,как будто это картошка в мешках.

Нередко сейчас можно услышать привычные для эпохи застоя слова о нежелательности знать народу о случившейся трагедии. Хотя никто толком не может объяснить: почему?

А мы можем ответить, почему: да только лишь по той простой причине, что скомпрометировавшие себя лица толкуют об «отдельных негативных фактах», а печать, радио, телевидение пытаются в духе гласности говорить правду о массовости этих явлений. Ведь объективное и всестороннее разбирательство может привести к главарям мафии, вот в чем суть вопроса. Поэтому и идут стенания о том, что пора поставить точку в этом деле. А как это согласуется с законом и совестью, дескать, вопрос философский...

Далеко не случайно, что эти силы боятся гласной открытой дискуссии, понимая, что за следствием и совесть, и правда, и доказательства, и документы. И поэтому озлобленное шипение идет за спиной, исподтишка. А мы, со своей стороны, готовы принародно к открытому разговору и обсуждению всех серьезных проблем. Нам нужна гласность. Нам нужна возможность открыто и честно сказать людям о тех, кто повинен. Очищение от скверны должно идти на глазах народа и при его участии, тогда только и будет очищение.

Через некоторое время начинает работу XIX партийная конференция. Мы надеемся, что ее решения станут поворотным пунктом и дадут новый импульс в прогрессивном развитии страны. Мы также полагаем, что после этого форума в стране будут созданы объективные условия для торжества принципов социальной справедливости и законности, потерпит поражение вседозволенность и безнаказанность, вмешательство партийных функционеров в осуществление правосудия. С этим ненормальным явлением нужно покончить раз и навсегда. Невозможно успешное построение правового социалистического общества, если каждый государственный орган в стране не будет выполнять свойственные только ему функции.

Консервативные силы отдают себе полный отчет в том, что сломается хребет у коррумпированной бюрократии, если настоящее уголовное дело будет доведено до конца. Мы же убеждены, что этим тормозящим силам здоровая часть партии даст решительный отпор.

На фоне реальных позитивных сдвигов в общественной жизни, больших ожиданий от решений предстоящей партийной конференции возникают и вопросы, которые не могут не вызвать озабоченности и чувства горечи. К сожалению, несовершенная процедура выдвижения и избрания делегатов привела к тому, что в числе авторитетных и весьма заслуженных людей оказались и скомпрометировавшие себя на ниве взяточничества лица. И хотя их всего несколько человек, это безусловно тревожный сигнал. Что, например, может сказать партии и народу делегат-взяточник? Да ровным счетом ничего честного и полезного для принятия судьбоносных для страны решений. Мы не можем умолчать и о том существенном обстоятельстве, что о деяниях этих людей Прокуратура СССР сообщала в директивные органы. Значит, противники перестройки еще сильны, они не сложили оружия, значит, круговая порука еще существует?

Мы могли бы и не говорить об этом, не высовываться, словчить, но партийная совесть не позволяет нам молчать. Говорим только для того, чтобы подобное больше не повторялось. От этой правды партия только выиграет.

КОМПАС ЭКОНОМИКИ: КУДА КЛОНИТСЯ СТРЕЛКА?

Начало на стр. 6.

вышла из предкризисного состояния, отошла от пропасти. Но решающие показатели хотя и подтянулись по сравнению с прошлым, однако отстают от предусмотренных планом. План по приросту национального дохода выполнен примерно на 80 процентов. И это несмотря на его подкормку валом, приписки. Материалоемкость общественного продукта практически осталась на прежнем уровне. Не выполнены задания по развитию машиностроения, производству предметов народного потребления и продуктов питания. Не обошлось без движения вспять. Увеличился разрыв между доходами трудящихся и их товарным покрытием. Продолжала нарастать инфляция. Бюджет сводится с дефицитом. Мерцает невесомость рубля.

В Тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции отмечается: «Извлекая уроки из начального этапа перестройки, необходимо ускорить решение проблем, от которых зависит полная реализация принципов экономической реформы». Реальная возможность немедленной реализации программы — минимум в этой области — состоит в том, чтобы на весь госсектор наложить передовой опыт управления предприятиями Минхиммаша.

Трудовые коллективы отрасли вносят в бюджет и министерству налоги, составляющие примерно 50 копеек на рубль прибыли. У самых рентабельных предприятий образуется «избыток» денег по сравнению с пятилеткой. Напомню, что при подгонке платежей под пятилетку у них изъяли бы, допустим, 90 копеек с рубля прибыли. «Излишек» направляется на рост фондов стимулирования, на возврат ранее взятых кредитов, откладывается в резерв на трудные времена. Эта группа предприятий пятилетку выполняет и перевыполняет. Вторая группа предприятий — те, где налоговые платежи и платежи по «индивидуальным нормативам» совпадают. Эта группа преобладает. Для нее проблемы пятилетки также не существует. Наконец, третью группу образуют предприятия, которым при уплате налогов средств на выполнение пятилетки не хватает. Для восполнения возникшего дефицита им предоставляются кредиты. Может показаться, что это требует от государства дополнительных средств. Ничего подобного. В остальных отраслях данным предприятиям даются не кредиты, а дотации — явные и скрытые. «Свое», как говорится, они получают все равно...

Главный урок Минхиммаша в том, что он нащупал путь взвешенного, расчетливого сочетания пятилетки и перестройки, проверил «на себе» налогово-кредитные регуляторы. Не было тройных прыжков без точек опоры, не было опрометчивости. Пример отрасли — другим наука. Что могут предприятия одного отраслевого министерства, доступно предприятиям и других министерств. Как нет двух таблиц умножения для разных коллективов, так нет принципиально отличающихся систем управления ими.

Ждем ответа, ждем ответа, ждем ответа... Но живая вода не бурлит, пока можно зарабатывать не трудом, а выклянчиванием у государства низких нормативов платежей в бюджет.

Пятилетку нельзя фетишизировать. К обычным причинам ее уточнения (неполная предсказуемость НТП, конъюнктуры рынка, особенно внешнего, колебания погодных условий, выявление допущенных ошибок и т. д.) сейчас прибавляются перемены в хозмеханизме. Они скромны, но сказываются. Под воздействием зародыша самофинансирования сельское хозяйство сократило заявки на технику. Оттаивают горы запасов. Высвобождение излишних рабочих позволяет заполнить пустующие рабочие места. Привычную жизнь меняет кооперация. Так что без поправок к пятилетке вряд ли обойтись.

Еще последовательнее, чем в Минхиммаше, хозрасчет в кооперации. Стоило лишь провозгласить новые принципы работы кооперативов, и они стали зарождаться. В кооперацию не приходится зазывать людей. Они идут туда. Кооператоров не надо уговаривать, чтобы они хорошо работали. Это делает хозрасчет, лучший Макаренко в экономике. Без агитации расширяется и индивидуальная трудовая деятельность. Если сейчас она совпадает с «и т. д.», то скоро ИТД станет существенным укладом хозяйства. Основа та же — хозрасчет.

Мне пришлось участвовать во многих обсуждениях проектов Закона о госпредприятии и Закона о кооперации. Могу засвидетельствовать, что проект кооперативной деятельности вызвал гораздо более заинтересованный и профессиональный разговор, даже среди руководителей госпредприятий. И это понятно: все истинно глубокое рождает интерес, захватывает.

Если раньше существовала необходимость преодолеть неравноправие кооперации, то теперь речь идет о преодолении неравноправия госсектора. Когда Закон о госпредприятии обогатится стимулами, приводящими в движение мысль и руки кооператоров, тогда госсектор выйдет из спячки, обретет новое дыхание, займет положенное ему место. И сделает это не под нажимом сверху, а по собственному интересу, сильнее которого ничего нет. Допустимо ли такое? Заимствование госпредприятиями управленческих подходов кооперации? Не только допустимо, необходимо. Ибо речь идет об элементах общеэкономических и общедемократических, об очистке госсобственности от приклеившейся к ней бюрократии. И сделать это надо как можно быстрее, чтобы гальванизировать госсектор, а также поставить его в равные условия с кооперацией, обеспечить их здоровое соревнование и сотрудничество. На недавней сессии Верховного Совета СССР подчеркивалось, что «обогащая друг друга, эти законы (о кооперации и о госпредприятии.— **П. Б.**) наполняют новым содержанием хозяйственную деятельность...».

Особенно эффективен арендный подряд. Он демонстрирует лицо нового хозмеханизма, призван стать основной формой его производственных отношений, преодолевающей отчуждение человека труда от общенародной собственности. Именно формой, ибо, по существу, коллективы госпредприятий не могут арендовать собственность, которая им и так принадлежит. Арендный подряд не только выживет сам, но и изживет старые формы хозяйствования. Механизм арендного подряда может быть усилен переводом взаимоотношений госпредприятий с бюджетом на лицензионную основу, когда трудовой коллектив, кроме арендной платы за взятые в аренду фонды, вносит в бюджет твердую сумму. За фонды, построенные за счет своих средств, арендная плата не берется. Эти фонды «пристраиваются» к госсобственности как собственность акционерная, и владельцы акций получают дивиденды. Фонды оплаты облагаются спецналогом, чтобы текущие интересы коллективов не возобладали над перспективными, чтобы закачать побольше средств в фонды развития — от налогов освобождаемые. Нужны также прогрессивные налоги на индивидуальные личные доходы, когда они круто растут (но не такие убийственные, как введенные для кооперации).

Такой механизм понятен. Он эффективен. Наказывает за просчеты, поощряет грамотные расчеты. Требует квалифицированного руководства, когда высокое назначение отвечает высокому значению. Система подходит не только для мелких и средних, но и для крупных предприятий. В общих чертах арендный подряд применен Бутовским заводом строительных материалов, еще примерно ста предприятиями Московской области. На арендном подряде работают внутренние подразделения предприятий Минбыта Латвии, производящие 46 процентов продукции отрасли, арендные госпредприятия в сферах торговли, общественного питания, подрядные арендные звенья совхозов, арендные экипажи таксопарков.

Что ведет к тому, что, несмотря на поддержку большинства, потенции реформы используются явно недостаточно, что сама суть перестройки извращается? Боязнь риска и неумеренная умеренность Госплана СССР, Минфина СССР, банковских органов; бюрократическая позиция ряда министерств и ведомств. Но и рефлекс устойчивости к старому у многих хозяйственных руководителей и работников низовых, первичных звеньев. Есть у реформы и противники, боящиеся потерять незаслуженные привилегии. Их немало среди держащих бразды правления. И в среде рядовых, согласных мало зарабатывать, но еще меньше работать. Эти родственные души тянутся друг к другу в стремлении перевести волны в штиль. Как не вспомнить Гиляровского, который когда-то с печальной иронией сказал: «В России две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти». В усеченном объеме эта фраза верна и сейчас.

Предыдущие реформы вследствие их косметического характера массы не затрагивали, прошли по верхам и сгинули. В современной обстановке рубить реформу в открытую лично рискованно. Поэтому формально все — «за». А кто «против», тот маскируется, сменил отнекивание на отдакивание, превращает декларации в декорации и в рекламации к борцам за перестройку.

Замедленные новообразования напоминают здоровые клетки в больной молекуле. Они раздроблены, противостоят поодиночке целостной старой системе, которая еще имеет силы в пороховнице, не карточный домик, разваливающийся от малейшего дуновения или прикосновения. Поэтому слишком слабые ростки нового могут быть им отторгнуты либо переродиться. Огонек без свежего ветра превращается не в костер, а в потухший уголек.

Долго так продолжаться не может. Джинна, выпущенного из бутылки, обратно не загнать. Кто глотнул воздух надежды, тот хочет им дышать постоянно и полной грудью. Ему во всем в самом широком смысле нужен огонек, из искры которого возгорится очистительное и созидательное пламя. «Даешь перестройку» — категорический императив времени. Не так, так иначе. Не намеченным путем, так другим. Не с нынешними издержками, так сверхценой. Не сегодня, так завтра. Не в этом году, так после более длительного срока.

Выход в том, чтобы высшие органы партии и государства, выражая волю авангарда, возглавили и организовали подготовку новых кардинальных реформ и законов, взяли на себя риск их безотлагательного принятия, разбросали жизнестойкие зерна действенного хозмеханизма и помогли их прорастанию. Затем система окрепнет, начнет саморасширяться и самоуглубляться согласно логике продолжения, во многом перейдет на самонастройку, на «автопилот», пустит столь глубокие корни, что станет необратимой.

Стрелка экономического компаса показывает — ожидается буря. Пусть она грянет сильнее. Пробил час экономики, ее работников без страха, и хотя с упреком, но и с другими жизненными интересами, «умоводителей», а не руководителей коллективов.

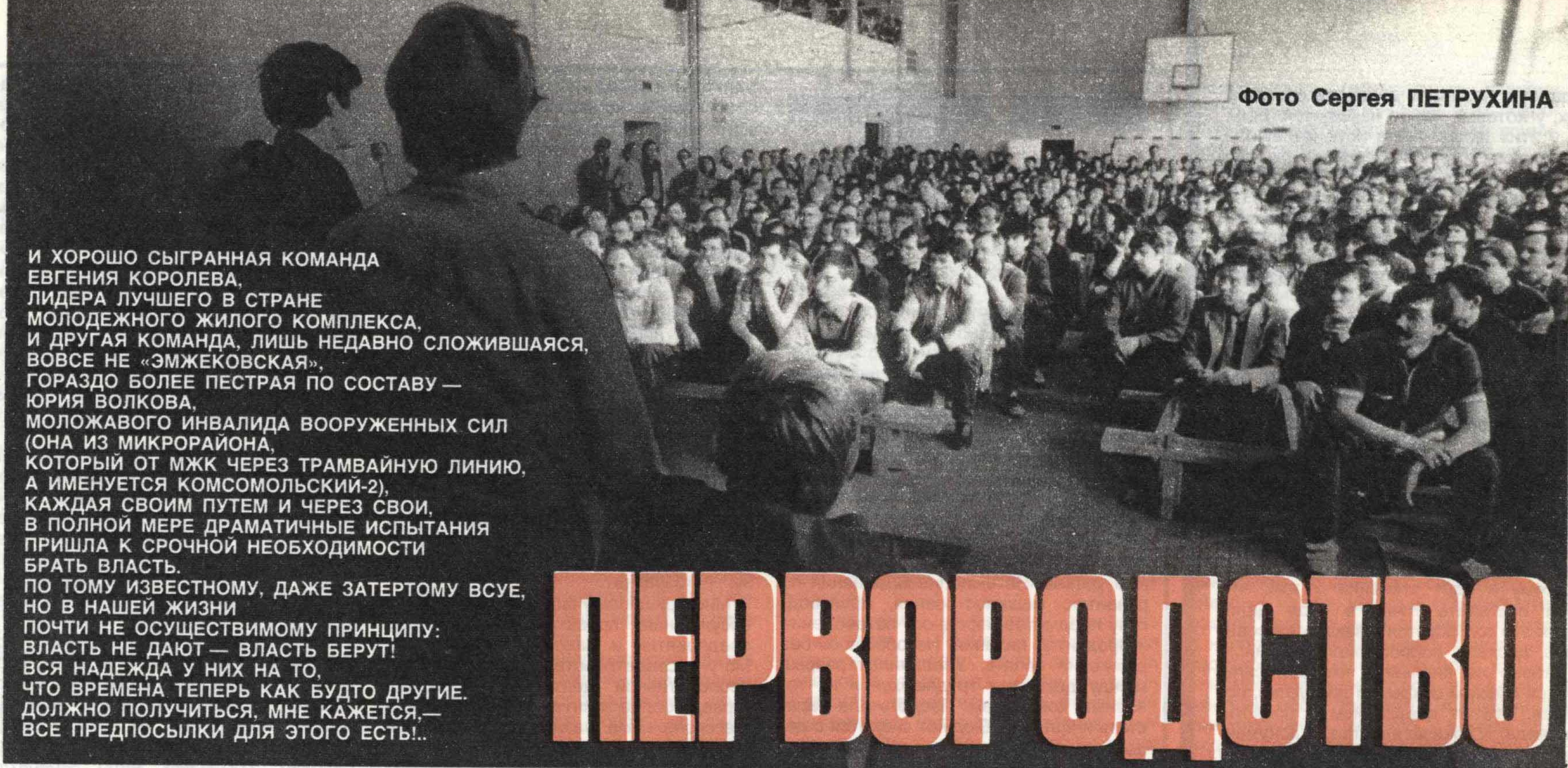

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

И ХОРОШО СЫГРАННАЯ КОМАНДА
ЕВГЕНИЯ КОРОЛЕВА,
ЛИДЕРА ЛУЧШЕГО В СТРАНЕ
МОЛОДЕЖНОГО ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА,
И ДРУГАЯ КОМАНДА, ЛИШЬ НЕДАВНО СЛОЖИВШАЯСЯ,
ВОВСЕ НЕ «ЭМЖЕКОВСКАЯ»,
ГОРАЗДО БОЛЕЕ ПЕСТРАЯ ПО СОСТАВУ —
ЮРИЯ ВОЛКОВА,
МОЛОЖАВОГО ИНВАЛИДА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
(ОНА ИЗ МИКРОРАЙОНА,
КОТОРЫЙ ОТ МЖК ЧЕРЕЗ ТРАМВАЙНУЮ ЛИНИЮ,
А ИМЕНУЕТСЯ КОМСОМОЛЬСКИЙ-2),
КАЖДАЯ СВОИМ ПУТЕМ И ЧЕРЕЗ СВОИ,
В ПОЛНОЙ МЕРЕ ДРАМАТИЧНЫЕ ИСПЫТАНИЯ
ПРИШЛА К СРОЧНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ
БРАТЬ ВЛАСТЬ.
ПО ТОМУ ИЗВЕСТНОМУ, ДАЖЕ ЗАТЕРТОМУ ВСУЕ,
НО В НАШЕЙ ЖИЗНИ
ПОЧТИ НЕ ОСУЩЕСТВИМОМУ ПРИНЦИПУ:
ВЛАСТЬ НЕ ДАЮТ — ВЛАСТЬ БЕРУТ!
ВСЯ НАДЕЖДА У НИХ НА ТО,
ЧТО ВРЕМЕНА ТЕПЕРЬ КАК БУДТО ДРУГИЕ.
ДОЛЖНО ПОЛУЧИТЬСЯ, МНЕ КАЖЕТСЯ,—
ВСЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ЭТОГО ЕСТЬ!..

ПЕРВОРОДСТВО

Александр РАДОВ

Для начала разберемся: на какую власть претендуют?

На ту, на которую мало кто покушается, и потому она почти бесхозна. Речь о власти над своим домом, двором, улицей, над жилищной конторой, над бытовыми и прочими учреждениями, призванными создавать удобства, но доставляющими почему-то одни неприятности.

— Эка вы о какой чепухе! — разочарованно выговорит серьезный читатель, приученный и к глобальным проблемам, и к крупномасштабным структурам... По сравнению с ними тут сфера и в самом деле низменная, малопрестижная, низкооплачиваемая, становящаяся прибежищем в основном неудачников.

А между тем... «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни».

Это из письма Энгельса к Блоху от 21—22 сентября 1890 года. Перед нами поздний Энгельс, все в марксизме постигший, умеющий отделять в нем дух от буквы. Он уже сталкивался с «марксистами», примитивно толкующими и вульгарно извращающими своего кумира и прежде всего в вопросе о том, что «экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом».

Именно такое упрощенное, в высшей степени однобокое толкование марксизма было свойственно Сталину и превратилось в философскую суть сталинизма. Уже с конца двадцатых годов высший приоритет в обществе получило материальное производство, рассматриваемое как самоцель, а вот производство и воспроизводство человека и того, что Энгельс называет действительной жизнью, были низведены до чего-то подсобного, необязательного. Были свернуты науки, исследовавшие социальные факторы, закрыты соответствующие факультеты. Еще с тех пор специалисты, занятые машинами, ценятся и оплачиваются значительно выше, чем специалисты, занятые людьми. Резко сокращались ресурсы, направляемые в эту сферу, и сегодня капиталовложения в человека в десятки раз меньше того, что требуется. И не только с точки зрения полноты человеческого счастья. А впрочем, именно счастье на сегодня — тот коренник, который очень многое может потянуть за собой. В том числе — перестройку! Да-да, именно так! Не зря писатель Андрей Платонов, один из чувствительнейших социальных мыслителей, писал: «...Даже для обыкновенного несложного труда человеку необходимо внутреннее счастье».

Почему мы все — если брать в общем и в целом — плохие на сегодня работники? Очень мало кто из нас счастлив или хотя бы душевно спокоен. Замотаны и задерганы, перенапряжены, выведены из равновесия десятками каждодневных нужд.

Достоевский уверял: три четверти человеческого счастья — в семье, во всем остальном мире — только одна четверть. Если и преувеличено, то ненамного. Если будут счастливые семьи — быть хорошим работникам! Это открытие сделано — да не умозрительно, а в реальном эксперименте — еще Робертом Оуэном, от него подхвачено Фордом, затем японцами. Многократно подтверждено и на Западе, и на Дальнем Востоке — вкладывание средств и усилий в семейное счастье дает беспрецедентные выигрыши для корпорации, для всего общества.

Успели убедиться в этом и в Свердловске. С тех пор как семь лет назад въехали в первый «эмжековский» дом и обустроились настолько, что все желания стали осуществимы. Никто, увы, не считал, но, по моим прикидкам, сразу в сто раз больше благ и услуг (включая культурные, спортивные, информационные, воспитательные) предоставляет жителям МЖК по сравнению с обычными и даже сверхпривилегированными домами. А все потому, что проблема человеческого счастья решается тут не в рамках малой, а в пределах большой семьи, которая в первом свердловском МЖК уже насчитывает шесть тысяч человек. Но чтоб такая семья сложилась, она должна если не все, то очень многое сделать своими руками, совместными и обязательно сверхнапряженными действиями.

Подробности про МЖК могу опустить — они много раз описаны, и мной в том числе. А тут возьмусь за итоги. Любой почти «эмжековец» — не работник, а золото! Еще бы — тылы у него обеспечены. Мало того, что есть квартира, при отсутствии которой вечный в семье разлад. И за детей спокоен: знает — есть кому встретить из школы, накормить, усадить за уроки. Это сделает та или другая соседка, рассчитывающая, что завтра так же вот выручат ее. В МЖК — жизнь без патологий, и это сразу же сказывается на деловой ценности «эмжековцев». А патологий нет не только и не столько потому, что люди тут особенные. И даже не по той только причине, что вечерами, в выходные, а впрочем, в любое время тут есть чем заняться: примыкай к любому из десятков любительских образований, где для каждого есть достаточные материальные условия. Но главное, на мой взгляд, тут есть «перед кем стыдно» — вокруг люди, в чьих глазах не хочется, нельзя выглядеть плохо. Потеряв репутацию, слишком многим тут рискуешь. А в обычном случае? И дома, и на работе легко распоясываются, поскольку наплевать, что думают окружающие, до которых дела нет...

— Ну вот — опять коммуналка! — завопит оппонент. Его успокою: силой в МЖК никто его не потянет. Но если даже и оказался в нем и тяготишься, то ради бога — меняй на любой другой дом. Даже с выгодой — слишком многие в городе Свердловске мечтают поселиться в МЖК и ради этого готовы пожертвовать большим комфортом.

Но все же издержки могут быть, и они уже были. При низкой политической культуре любая демократизация заканчивается тиранией. Так слишком часто бывало в истории человечества. Так и здесь могло случиться после того, как сняли Королева... Вернее так: временно сняли, но потом вмешался народ...

Что Королева рано или поздно скинут — в этом можно было не сомневаться: и для центральной, и для местной бюрократии он словно бы кость в горле! Но разве можно было предположить, что снимать-то его станут не чужие чиновные люди, а свои же товарищи — сердечные к нему, им тысячекратно проверенные за одиннадцать-то лет совместной борьбы?

Ах, если б ты знал, читатель, как это событие меня обрадовало! Наблюдая семь лет за ходом этого беспрецедентного эксперимента, единственного, быть может, не придушенного в застойные годы (а МЖК как придушишь? Если только переселишь, но на это кто пойдет!), я с тревогой начинал понимать — вынимают из него душу. Вернее так — сам ее теряет. И по обычной схеме: революционеров меняют функционеры, которые отрываются от рядовой массы настолько, что она начинает их раздражать. Штатные активисты что-то организовывали, а тысячи рядовых участников эксперимента приходили лишь потреблять.

Хоть и был «совет коллектива» (так и именовавшийся на титульном бланке), да входили в него те же начальнички. И в этом трагический парадокс — не имея перед глазами других примеров, более демократических, копировали с казенных структур, давно себя скомпрометировавших. Обычно принимается за образец какая-либо форма представительной демократии, где штатные активисты выполняют роль посредников, а массе остается одно: голосовать. Но такие издержки демократизации казались неизбежными, поскольку прямому включению всех да с решающим голосом мешали технические возможности, а вернее, их отсутствие. И вдруг они появились...

Тут надо пояснить, что в этом «эмжековском городке», раскинувшемся на 11 гектарах, «эмжековцы» уже и теперь имеют немалую власть. Иначе ничего бы не добились. Но прежде была она полулегальной, строилась на неформальных отношениях, на тактических хитростях и уловках. Многое удавалось оттого, что всем вокруг было наплевать, а им очень хотелось. А поскольку имели кулак — сплоченную группу, цепкую, предусмотрительную,— преград почти не встречали. Если же были — ухитрялись продавливать. Тут очень помогали большие люди, поверившие в их идею. Первый среди них — Сергей Борисович Воздвиженский, секретарь по строительству Свердловского обкома партии.

Однако позже они додумались все свои привилегии узаконить. В высоких республиканских инстанциях подписали документ, гарантирующий им статус эксперимента, то есть, как определил Королев, «право на неотстрел». И теперь все ведомственные учреждения подчиняются совету МЖК. А он, имея свой счет в банке, может заключать любой хозяйственный договор. Где еще, подскажите, объединившиеся жители могут распоряжаться всей квартплатой, избирать себе и начальника ЖЭУ, и дирекцию будущей школы, которая появится на их территории, подбирать участкового милиционера, открывать любые кооперативы или клубы... В мой последний приезд читаю на столбе объявлений: «Штаб разновозрастных отрядов «Орленок» приглашает школьников с 9 лет на оплачиваемую работу в пионерский трест «Чистодвор» в качестве рабочих по уборке территории».

Где да кто может похвастать такими полномочиями? В Комсомольском-2 и близко этого нет, хотя нужда в объединении сил и получении властно-распределительных функций страшенная. И спровоцировало ее ЧП.

Представьте себе, что, кроме жилых корпусов,— ничегошеньки. Если не считать почти всесезонной грязи. Только стоит схема, на которой обозначено будущее великолепие. Если, конечно, воплотится

в кирпиче или камне. Мучились от неудобств, но если и возмущались, то сквозь зубы — успели привыкнуть, что если и приходит комфорт в нашу жизнь, то с многолетним опозданием.

Но вместо того, что было на схеме, им вдруг втиснули еще тринадцать домов да высотных. А у них и без того проблемы с водопроводом и канализацией. Увидев, что всем, включая и депутатов, на это наплевать, они пришли к идее объединения сил. Группа подобралась разношерстная — бывший офицер Юрий Волков и преподаватель философии Игорь Чариков, рабочий Леонид Гашев и научный сотрудник, кандидат технических наук Рудольф Илатовский. Начали с того, что предложили избирателям признать работу депутатов, наплевавших на нужды своего избирательного округа, неудовлетворительной. Только один из присутствовавших этому не последовал. Затем провели и такое решение: если решительно не включатся — поставить вопрос о досрочном отзыве депутатов.

Этим так перепугали и депутатов, и власти, что через неделю был на встрече с избирателями весь цвет районного и городского руководства. Вины своей не признавали, не оправдывались, а хотели выкрутиться за счет недоброкачественной информации. Но наши герои так подготовились к встрече, что легко разбили все доводы властей. И вели себя сдержанно, с достоинством. Не потребовался взвод милиции, который предусмотрительно был прихвачен руководителями исполкома.

Видя, что оппонентов никакими разумными доводами не пронять, члены активной группы, как сами себя назвали, предложили за соломоновым судом отправиться в Москву. Но за народный счет. «Несите поэтому, кто сколько может,— пусть это будет народной командировкой».

С этого и началась главная драма, которая тянется до сих пор. «Демагоги!» — скажут про них в райкоме партии. «Горлопаны!» — напишут в местной газете. «Экстремисты!» — изречет предрайисполкома.

А уж когда они решатся обозначить свою группу как «Союз содействия перестройке», ярость властей перейдет все границы. Про их «враждебную деятельность» с целью «взбудоражить общественное мнение, поддерживать нестабильность сложившегося психологического климата, сохранить конфронтации между жильцами и руководителями района» сообщили каждому из них на службу, предложив разобрать и осудить. Каждым из них занялся оперативный работник милиции, выискивая какой-нибудь да криминал. Про Игоря Чарикова сказано будет — «злоупотреблял спиртным», хотя чего-чего, а уж этого никогда не было. Всех их представят неудачниками, которые ждали и дождались-де своего часа...

А если так и есть? Перестройка и потребовалась, поскольку потенциально все самые талантливые, заинтересованные в общественной пользе, деееспособные были загнаны в угол, действительно превращены в неудачников. В них и есть, быть может, главный резерв перестройки!

Без напоминаний и понуканий жители собрали для поездки в Москву 750 рублей. Подготовили письма, справки, доказательные схемы и отправились. Вернулись с победой: начатое строительство приказано было заморозить, поправки к исходному проекту пересмотреть.

Жители встретили их с ликованием, а власти с еще большей враждебностью. Вскоре по их письму прикатил высокий чин. К его приезду в микрорайоне собрали выездную сессию облисполкома, но посторонних на ней — представителей, так сказать, общественности — не было. Если не считать наших героев. Высказаться им толком не дали, упрекали бог знает в чем, хотя именно их поездка, а до этого «вопрос ребром» в корне переменили само положение микрорайона в системе городских и областных ценностей. Было объявлено: вместо 13 домов поставить только пять да и те на периферии микрорайона. А в первых этажах домов обязательно предусмотреть социально-культурно-бытовые учреждения. За профессиональные ошибки, бесконтрольность и безынициативность ряду городских и районных руководителей объявлялись и строгие, и простые выговоры.

Здесь можно было воскликнуть: «Виктория!» — и предложить самораспуститься, чтоб вернуться в круг привычных занятий. Но расставаться им уже не хотелось. Да и видели — убогая жизнь им пока уготована. Разве сравнишь с той, которой живут «эмжековцы»?

Но ясно им было: даже при такой бедности негоже ходить попрошайничать. Надо поднимать народ! Если «эмжековцы» — помоложе нас, неопытнее — так себе обустраиваются, то почему мы не можем? Были б только материалы...

«Хорошо,— им сказали,— выводите людей на субботники». Так и сделали, но строители будто специально, чтоб сбить их энтузиазм, ничего толком не организовали. На сто человек дали три лопаты.

Нет, решили они, так дело не пойдет! Почему мы должны зависеть от кого-то? Переведем наши дома на хозрасчет. Вот здесь обязательно станем хозяевами микрорайона. Изберем из жильцов совет — он и будет всем рулить!

Идею эту проработали, сделали по ней выкладки, предусмотрели экономический механизм. Оставалось начать, и сразу бы — в этом они уверены — возникли эффекты. У них уже был актив, который привлекали на разных этапах. Заметно было: очень многие засиделись за годы застоя, хотят выплеснуться, осуществиться. Что требовалось? Добро!

А его не было. Все то, что разрешали МЖК, ни за что не хотели позволить мятежной команде, представляющей «Союз содействия перестройке». А его — то есть устав Союза — второй год не утверждают. Почему так?

— У них иждивенческий подход! — безапелляционно заключал председатель Кировского райисполкома Борис Михайлович Смолин.— За что у них голова болит? Быть на гребне волны, чтоб их увидели, оценили.

Да нет же, все не так. Есть искренняя забота о деле, многократно подтвержденная поступками: и сотни деревьев посадили, и порядок наводят, с подростками возятся.

— Если б этот «Союз содействия перестройке» пришел к нам с программой — что они хотят делать? — и состоялся бы деловой разговор,— ресурсы бы нашлись...

А в пример Борис Михайлович привел «эмжековцев»: деловые, дескать, люди. Приходят с готовыми разработками, даже уже с проектами постановлений...

Это замечательно, что команда Королева вышла на такой уровень. Так ведь начинала-то тоже с первых блинов. И мятежная команда научится. Если бросить в воду. А иначе разве сможет плыть? Да и помощь извне пригодилась бы...

Помощь только-только осуществилась, но посмотрите, как же уродливо! Полгода команда Волкова пробивала детский клуб. Для этого пришлось отбить претензии ЖЭУ, намеревавшегося захватить помещение клуба себе под контору. Пришлось пошуметь, пособирать подписи, опять атаковывать депутатов. Наконец добились своего и больше того — смогли убедить ПЖРТ поставить руководителем клуба Людмилу Алексеевну Гашеву. Она уже и работать начала, да в райисполкоме рассудили: как так можно той компании помещение отдать? А вдруг не о том разговоры там поведут, не тем займутся? Но отказать решили искусно — в форме конкурсного отбора, провести который попросили «эмжековцев». У них, дескать, большой опыт...

Не пойму: или доверчивы оказались «эмжековцы», или беспринципны? Либо посчитали, что должны расплатиться с райисполкомом за доброту и ласку? Как бы там ни было, сделали то, что от них просили: «научно обоснованно» Гашеву прокатили.

Неужто тут единственный будет опыт «дружеской» кооперации двух соседних, так нуждающихся друг в друге микрорайонов?

Итак, вернусь к тому, как Королева прокатили. Сделало это бюро, членами которого значились те, с кем Женя начинал одиннадцать лет назад. Доводы были: «звездная болезнь», «оторвался от конкретики, от грешной жизни», «зафилософствовался».

Чтоб утвердить или не утвердить решение бюро, собрался представительный совет коллектива. И он своим большинством постановил: долой Королева из председателей.

В других условиях так бы все и кончилось, но тут революционную роль сыграло кабельное телевидение. Оно существует уже второй год и не только гоняет фильмы, замечательные, кстати сказать, в том числе «полочные», но и дает политическое вещание. Каждый понедельник — день заседания совета. Всякий из шести тысяч жителей МЖК может включить «телек» и попасть на совет. А если воспользуется телефоном, то осуществит с ним и обратную связь.

Коротко поясню: радиоспециалисты МЖК нашли гениальный способ, как систему кабельного телевидения сделать просто грошовой по капиталовложениям. Что касается эксплуатационных расходов, то их полностью покрывает двухрублевая месячная оплата.

Фактор «кабельного телевидения» в корне переменил политическую жизнь МЖК, позволил от несовершенных, очень склонных к бюрократизму форм представительной демократии перейти к прямой, самой непосредственной. Посмотрите, что это дает...

Весь МЖК посмотрел, да два раза, заседание того совета, где утверждали решение об освобождении Королева. Казалось бы, оппоненты Жени все аргументы высказали и выглядели при этом солиднее, чем Королев: он даже не защищался, не парировал наносимых ему ударов. Голосование вполне отражало соотношение сил на совете, убедительность сторон. Казалось бы, донесли информацию до массы, и она должна теперь присоединиться к большинству в совете. Ведь в нем ее, массы, избранники.

Но случилась неожиданность: масса разгневалась... Стихийно выбившиеся лидеры взялись собирать подписи под требованием срочного созыва внеочередной конференции. Довод такой: с Королевым обошлись несправедливо! Тут и испуг: власть отойдет бюрократам! Речь о доморощенных — сложившихся в МЖК, отмеченных его спецификой. Поклонники у бюрократов, а точнее сказать, у здешних централистов, есть. Вот их резоны: хозяйство у нас обширное, сложное, требует четкого порядка. Нужна, следовательно, твердая рука. «Либерал» Королев тут не годится.

Но тех, кто стоит за демократический выбор, за то, чтобы МЖК представлял собой свободную ассоциацию самостоятельных клубов, таких оказалось большинство. Их знаменем и служит Королев. Им импонирует, что неутомимо рвется ввысь, не дўмая об удобствах, не соглашаясь на выгодные компромиссы.

Набрав необходимое количество голосов, они добились конференции, а на ней большинством отстояли Королева, отменив решение совета. Самых ярых противников Жени из совета вывели.

Но обе стороны признали: форма власти в МЖК несовершенна. Уже на конференции, а потом и последующем совете судили да рядили, как исключить монополизм власти, добиться реального плюрализма. Решили: должно быть три независимых органа — оргкомитет по эксперименту, секретариат и, наконец, совет. Этот последний — в первоначально ленинской форме советов. Как они выглядели? И последовала команда собственным историкам — изучить в подробностях, а потом всем вместе решать, что и как применить...

Если по-хорошему, рассуждает Королев, эти 11 гектаров мы должны взять в аренду. Арендный подряд для производства и воспроизводства человека...

Это предложение не кажется мне крамольным. Более того, нормально бы выглядело, если б общество платило МЖК некую сумму за качественно произведенного человека. Примерно так, как платит Федорову за каждый прооперированный глаз. И за те опережающие эксперименты, за пионерские социальные технологии, которые в обилии рождаются в первом свердловском МЖК, за это тоже бы надо платить. Потому что страна, не вкладывающая средств в свое будущее, приговорена к прошлому.

Но «эмжековцы» вполне обойдутся и без таких выплат. Вот-вот начнут зарабатывать миллионы на «железках» — проектируя для деловых партнеров новые машины, новые технологии. Этому служит внедренческая фирма «Урал», которая недавно образовалась. Уже есть несколько собственных кооперативов, а вскоре их будет еще больше.

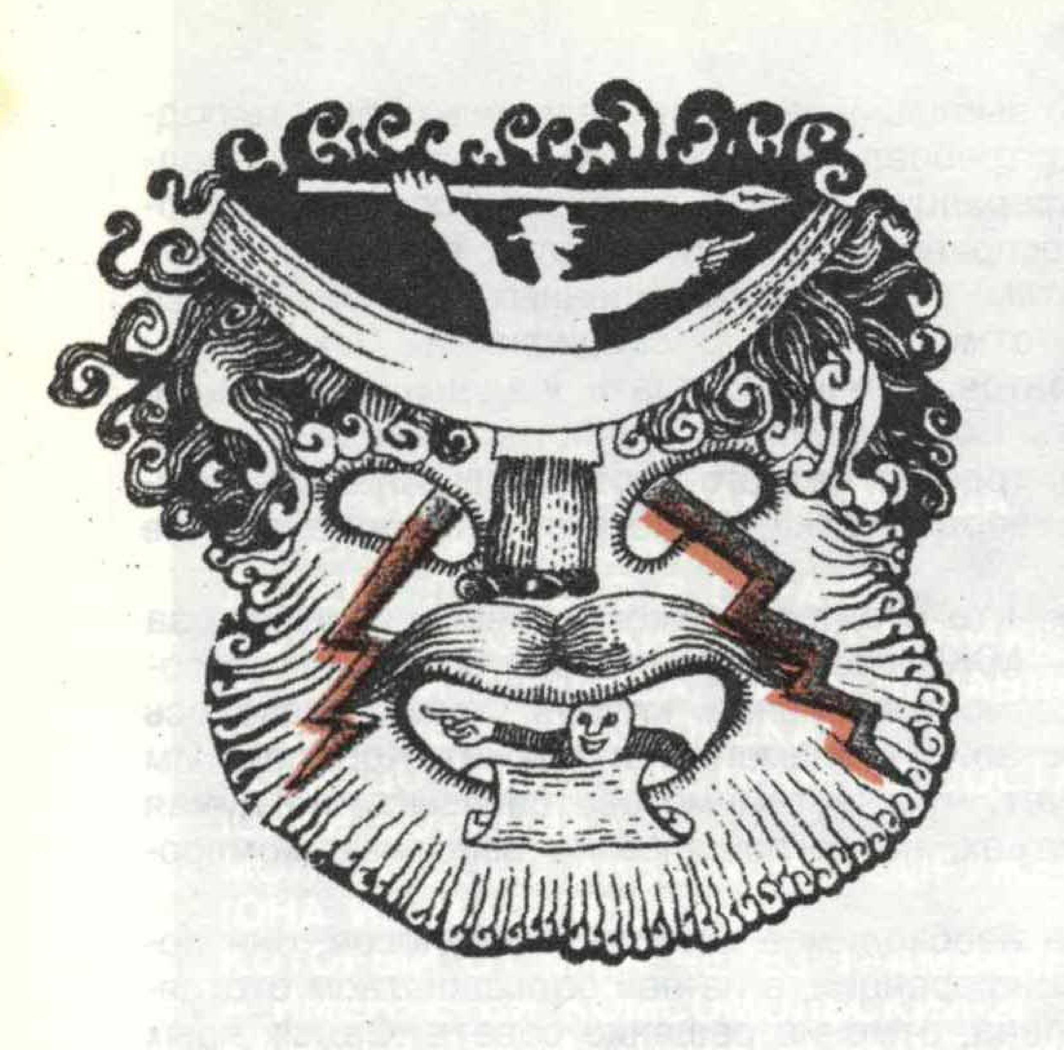
Этот момент еще более существен для МЖК, которые только начинают строиться. Теперь, когда индустрия на самофинансировании, дотаций от предприятий ждать бесполезно. Надо думать о собственных источниках финансирования. Владивостокский МЖК: еще не приступив к строительству, уже завел тридцать девять хозрасчетных коллективов, которые обещают как минимум дать средства на социальную программу, а если повезет, на весь МЖК.

Сходная линия у мятежной команды из Комсомольского-2. Намерены силами жителей открывать разномастные кооперативы, чтоб заработать хотя бы на половину тех благ, которые получают сегодня жители соседнего от них МЖК. А второе: в таких свободно возникших трудовых отношениях формировать коллективность, без которой ничего не добиться даже для дома и семьи.

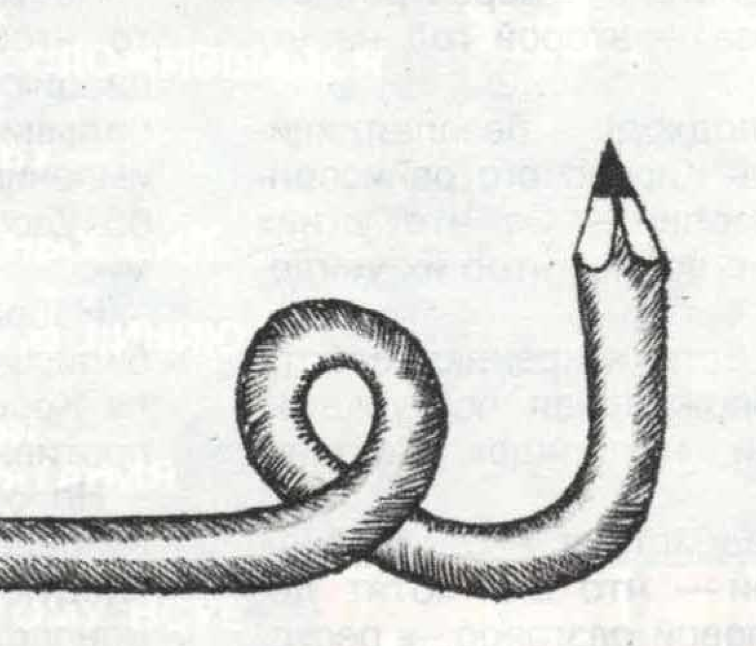
Отчаявшись дождаться от исполкома официального признания, «Союз содействия перестройке» стал снизу создавать советы. Начал с советов подъездов, перешел к советам корпусов, и вот теперь на очереди совет всего микрорайона — советского муниципалитета, который может реально стать хозяином «действительной жизни». Будет тогда кому взяться всерьез за очеловечение человека, за изгнание из нашей жизни слишком многочисленных на сегодня социальных патологий.

Это просто замечательно, что всего только трамвайной линией будут разделены две не очень похожие модели Советской власти: не сверху спущенные, а прорвавшиеся, несмотря на сопротивление аппаратной бюрократии, с самого низа. Ясное дело: этим моделям будут мешать. Но надо в таком случае, чтоб тех, кто помогает — идеями, советами, дружеским участием,— было гораздо больше. В этом смысле Королев зафиксировал: отныне «эмжековцами» они будут считать не только и не столько тех, кто живет в их домах, но тех главным образом, кто участвует в их экспериментальных программах. И тут они готовы рассмотреть любые предложения из любых городов и стран. Вот и адрес: Свердловск, улица Риммы Юровской, 18, оргкомитету по эксперименту.

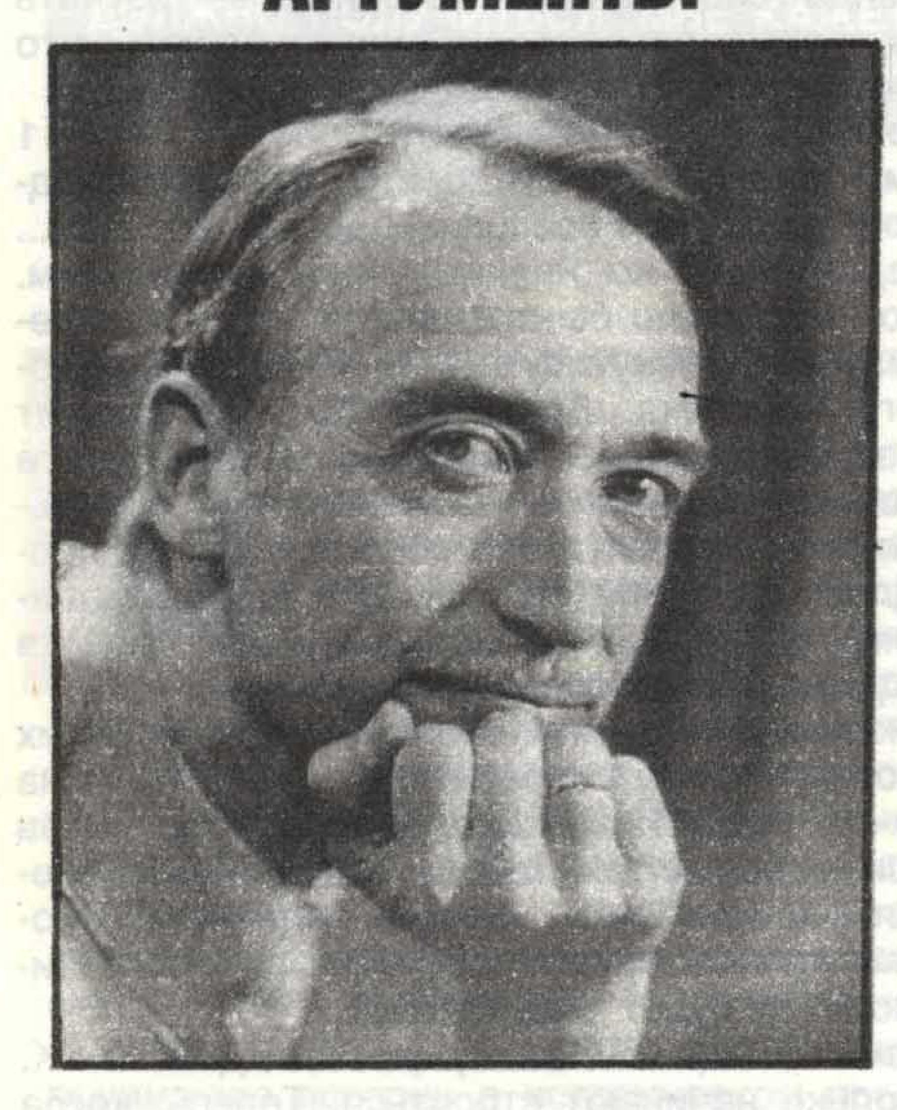
Может, так и возникнет незримый коллектив тех, кто решил все же попробовать: как же они могут выглядеть сегодня — коммунистические отношения. Согласитесь: это нам и в социализме не помешает. В том, естественно, случае, если будет он настоящим...

Читатель! Не ищи в этом выпуске многообразия имен и псевдонимов. Сегодня у нас один «гвоздь» программы, и он по самую шляпку вошел в жанр пародии. Но прежде, чем передать слово поэту-пародисту АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВУ, скажем в его адрес пару теплых слов, как было принято формулировать в недавнем прошлом, «и от себя лично». Итак...

ФАКТЫ, СПЛЕТНИ, АРГУМЕНТЫ

«36» и «63» — магические цифры в биографии Александра Иванова. Сопоставим их: в 1936 году будущий поэт-пародист родился, а в 1963-м он впервые опубликовался, то есть «терпел» целых двадцать семь лет. Еще одна цифра: «10». Ровно столько книг вышло у Александра Иванова к настоящему моменту, и ровно столько сантиметров ему не хватает до отметки два метра.

Он не вегетарианец, то есть не ограничивает свой рацион пережевыванием «капусты», вышедшей из-под пера начинающих и малоизвестных поэтов, но и отхватывает некоторые места от теплокровных произведений «генералов». Недаром Александра Иванова называют санитаром поэтического леса. Отношение к его творчеству опародированных им поэтов самое разное: от искренней дружеской улыбки до судебного иска.

Александр Иванов первым вышел со стихотворной пародией на большую эстраду. И сделал этот жанр одним из самых популярных и любимых. Как следствие — зрительский обстрел письмами и записками. Накопившаяся статистика выделяет один из самых «волнительных» вопросов: «Как ваша настоящая фамилия?» Не кривя душой, поэт-пародист отвечает: «Иванов. Это фамилия моих родителей». Однажды спросили: «А как настоящая фамилия ваших родителей?»... «Очевидно,— говорит Александр Александрович,— в моей внешности есть нечто такое, что в определенных кругах вызывает определенное подозрение. Ну, нету у меня «этого», нету!.. А вот мой друг Михаил Жванецкий, когда его — правда, редко! — спрашивают о национальности, отвечает: «Да!»

Александра Иванова многие считают злым и желчным. Посмотрите на первую фотографию: вы увидите, что это не так. Это лицо доброго человека, озабоченного принятым на себя грузом.

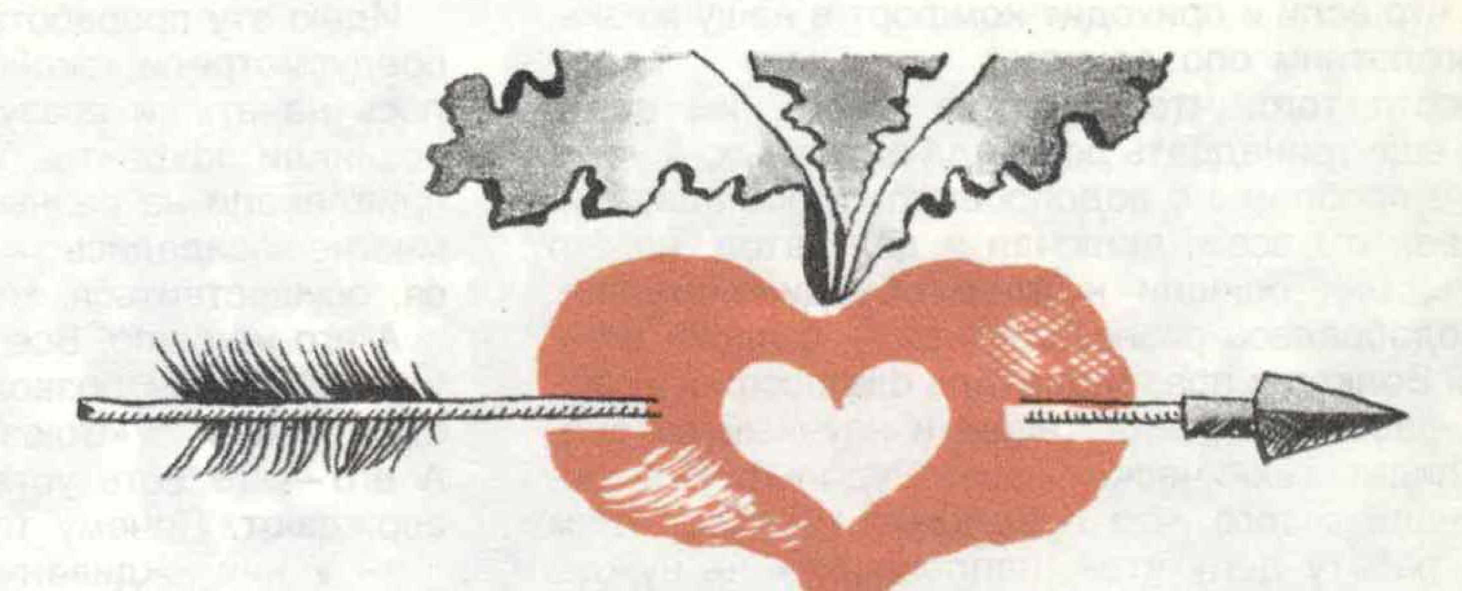
Таким, каким пародист изображен на второй фотографии, его видят постоянные «клиенты»: многорукий, всюду за ними поспевающий, как Шива. А «Шиву в мешке не утаишь»,— вот и получается, что для «клиентов» он торчит как гвоздь, на который они все время садятся. Иванов — их кошмар. Они-то думают, что пишут для народа, а он им каждый раз доказывает, что — нет, для него...

Некоторые критики утверждают, что жанр стихотворной пародии в нынешнем его виде низкий и грубый. Неправда. В том, что он высокий... и тонкий... вы убедитесь, глядя на эти снимки и читая пародии Александра Иванова.

ПАРОДИИ

Александр ИВАНОВ

ЛЮБОВЬ И ВИТАМИНЫ

Ты востренький взгляд положил
на кого-то.
Тебе не любви — витаминов охота.
И слаще любого любовного вздора
Прозрачный апрельский кружок
помидора.
(Лариса Тараканова)

Я тщетно пыталась понять,
в чем причина,
Но как измельчал в наше время
мужчина!
Какое он жалкое нынче созданье!
Он ходит на рынок,
а не на свиданье...
Он губ не кусает в истоме
любовной,
Грызет с наслаждением хвостик
морковный.
Дороже и слаще любовного бреда
Сопенье блаженное после обеда...
Скажи мне, мужчина,
ответь, современник,
Зачем ты любовному делу изменник?
И он отвечает — не скажешь яснее:
— Намного дешевле, полезней,
вкуснее...

ПРЯМО СО СКЛАДА

Философ из меня
не получается.
Не тот, как говорится,
склад ума.
(Генрих Рудяков)

Чего на свете
только не случается,
Природа рассчитала все сама.
Философ из меня
не получается,
Хоть есть, как говорится,
склад ума.
Пишу стихи,
хожу средь издающихся,
Известность приобрел у земляков.
Но не снискал успехов выдающихся,
Мой склад таланта, видимо, таков.
Питая к интеллекту тягу сильную,
Немало умных прочитав томов,
Я для себя работу выбрал
пыльную —
Оптовый склад талантов и умов.
Повсюду дефицит, и тем не менее,
Доверьтесь мне, добро не пропадет.
В столь тонком деле
надобно умение:
Глядишь, и нам чего перепадет...

«МЫ ГОВОРИМ»

•

Древо разума произрастает из шишек на лбу.

•

Причина, породившая следствие, редко бывает уважительной.

•

Сколько вокруг робких попыток проявить смелость!

•

У перестройки нет регламента, но много регламентеров.

•

Его мимике явно недоставало лица.

•

Злоупотребление — это чрезмерное потребление добра.

•

Иногда то, что написано пером, не выразишь никакими словами.

•

Шел в ногу с колесом фортуны.

•

Всю жизнь бил себя в грудь, но на стук никто не отвечал...

Леонид СУХОРУКОВ (Киев)

•

«Рукописи не горят»... Горят авторы этих рукописей!

•

Человек звучит гордо, но сидит тихо...

Игорь ДВИНСКИЙ

Составил подборку и написал к ней предисловие Игорь ДВИНСКИЙ, рисовал Виктор КОВАЛЬ.

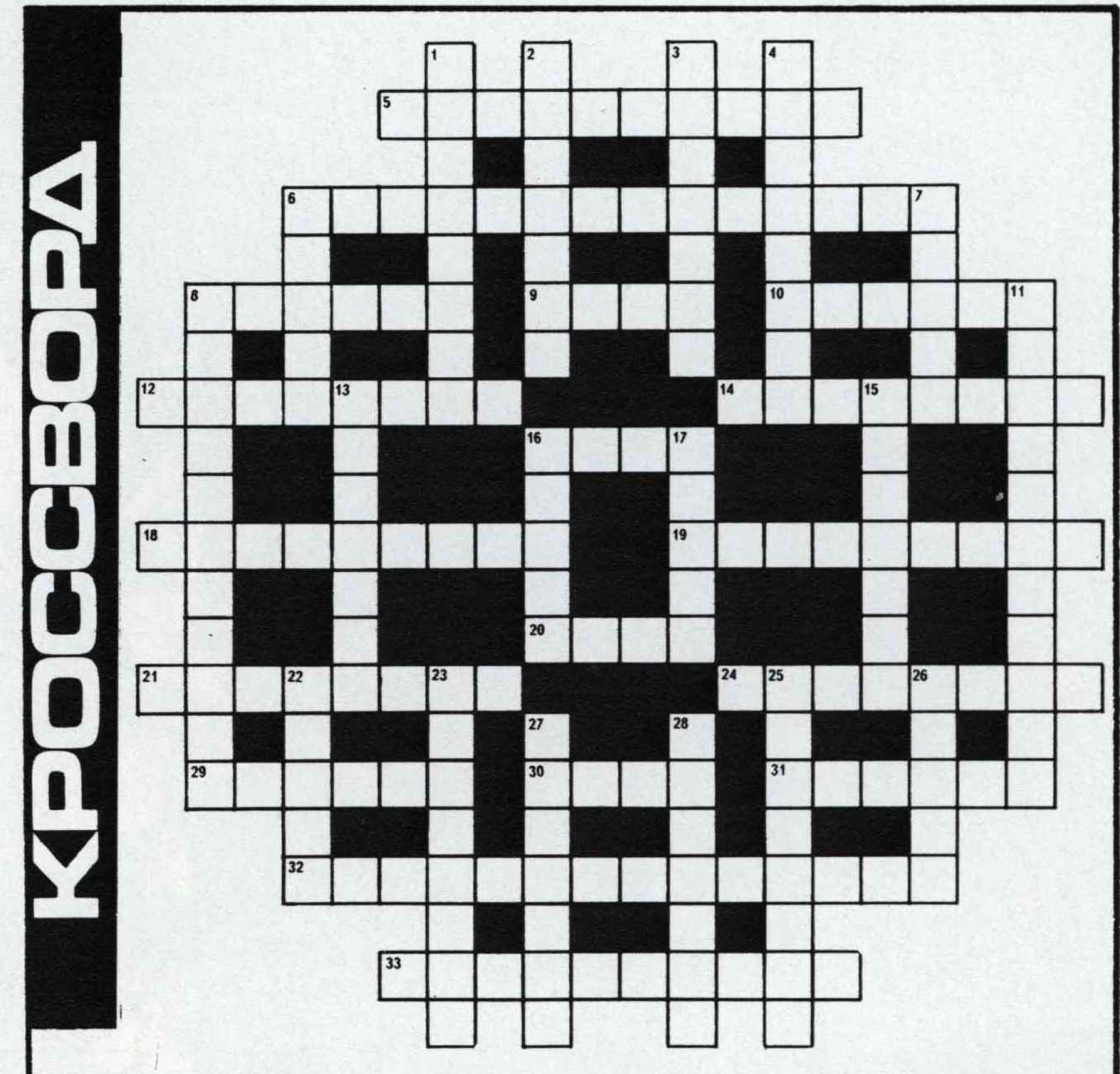
ДЕНЬ С ПОЛЬЗОЙ

Как давно мы с женой не варили
ухи,
не варили любимой похлебки
грибной...
Хорошо, что хоть вышли вот
эти стихи —
хоть с какою-то пользой прошел
выходной.
(Борис Маслов)

Лично я не без пользы провел
выходной,
я решил в этот день никому
не мешать.
Мы поехали за город вместе
с женой,
отдохнуть, погулять, помечтать,
подышать.
До отвала в тот день
я наелся ухи,
а потом от похлебки грибной
изнемог.
Собирался слагать
на досуге стихи,
но слипались глаза и творить
я не мог.

А под вечер сидел и в затылке
чесал,
зазевался — комар укусил меня
в нос...
Но зато ничегошеньки не написал!
Хоть какую-то пользу народу
принес.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Еженедельное приложение к газете «Комсомольская правда». 6. Передовой работник, совершенствующий производственные процессы. 8. Приток Воронежа. 9. Лососевая рыба. 10. Чешский писатель. 12. Раздел механики. 14. Советский космодром. 16. Снаряд для метания в легкой атлетике. 18. Выборный руководящий орган собрания, совещания. 19. Порядок ведения заседаний, конференций, съездов. 20. Химический элемент, инертный газ. 21. Птица, обитающая в горах. 24. Индивидуальный склад личности человека. 29. Спортивное соревнование по круговой системе. 30. Головной убор невесты. 31. Спутник Нептуна. 32. Областной центр в УССР. 33. Зодчий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город в Красноярском крае. 2. Ягодный кустарничек. 3. Воинское звание в военно-морском флоте. 4. Многогранник. 6. Афро-кубинский народный танец. 7. Французский писатель и философ XVIII века. 8. Высшее учебно-научное заведение. 11. Мореплаватель, руководитель первой русской кругосветной экспедиции. 13. Испанский живописец XVII века. 15. Парнокопытное животное, обитающее в горной тайге. 16. Поэма М. Ю. Лермонтова. 17. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 22. Население государства. 23. Станция воздушного транспорта. 25. Специалист, изучающий Вселенную. 26. Морское ластоногое животное. 27. Государство на северо-востоке Африки. 28. Составная часть военного искусства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Фабрикат. 9. Анатомия. 10. Параллель. 11. Стационар. 13. Ярлык. 14. Бейрут. 15. Рындин. 16. Ассистентка. 20. Светофильтр. 27. Шиллер. 28. Кантон. 30. Апекс. 32. Живописец. 33. Рейсфедер. 34. Вивианит. 35. Раскопки.

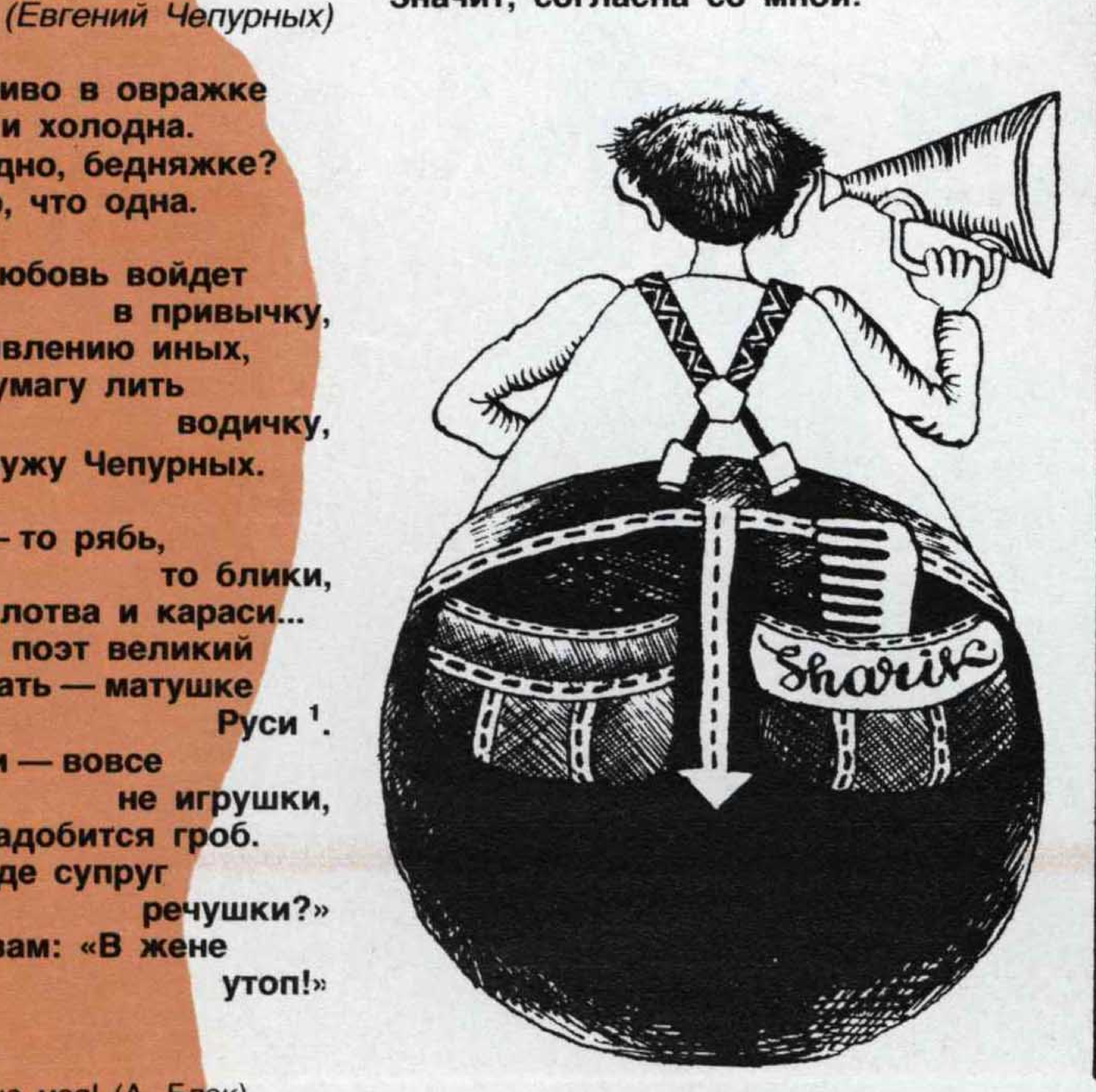
ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Наташа. 2. Аркадьев. 3. Экслибрис. 4. Ланцетник. 5. Золотник. 6. «Гигант». 8. Тольятти. 9. Автокран. 12. Электрофорез. 16. Анис. 17. Сене. 18. Тушь. 19. Адур. 21. Валериана. 22. Терапевт. 23. Люксметр. 24. Теннисист. 25. Виктория. 26. Бобоедов. 29. «Критик». 31. Клетка.

РАЗГОВОР С ПРОСИТЕЛЬНИЦЕЙ

Душа призывает благо —
Тело кричит: блага!
То кликуши вокруг, а то шептуны.
Душа призывает поле, ветер
и облака,
А задница просит импортные
в обтяжку штаны.
(Владимир Костров)

Я к тебе обращаюсь,
Хорошая ты моя,
В жизни так много сложного,
необъятного не объять,
Все перепуталось в противоречиях
бытия.
Ты по натуре мягкая,
Ты же должна понять.

Что скрывать, разумеется,
ты мне очень нужна,
На тебе так удобно
Думать о судьбах страны.
Но неужели, милая, для тебя
так важна
Импортная оболочка,
то есть в обтяжку штаны?!.
Все в душе протестует,
Голос души звучит,
Переплелись голос духа
и голос страсти земной...
Душа страдает, а задница,
слава богу, молчит.
Молчание — знак согласия.
Значит, согласна со мной!

СУПРУГИ

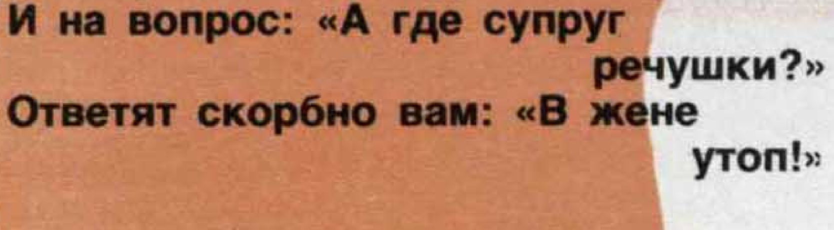
Построю дом с террасой и
крылечком
На берегу, где дуют холода,
И, может быть, женюсь на этой
речке,
Она и глубока и молода.
(Евгений Чепурных)

Течет себе задумчиво в овражке
Речушка, глубока и холодна.
А почему ей холодно, бедняжке?
А потому, наверно, что одна.

Женюсь на ней! Любовь войдет
в привычку,
Жить будем к удивлению иных,
Я, склонный на бумагу лить
водичку,
И речка та — по мужу Чепурных.

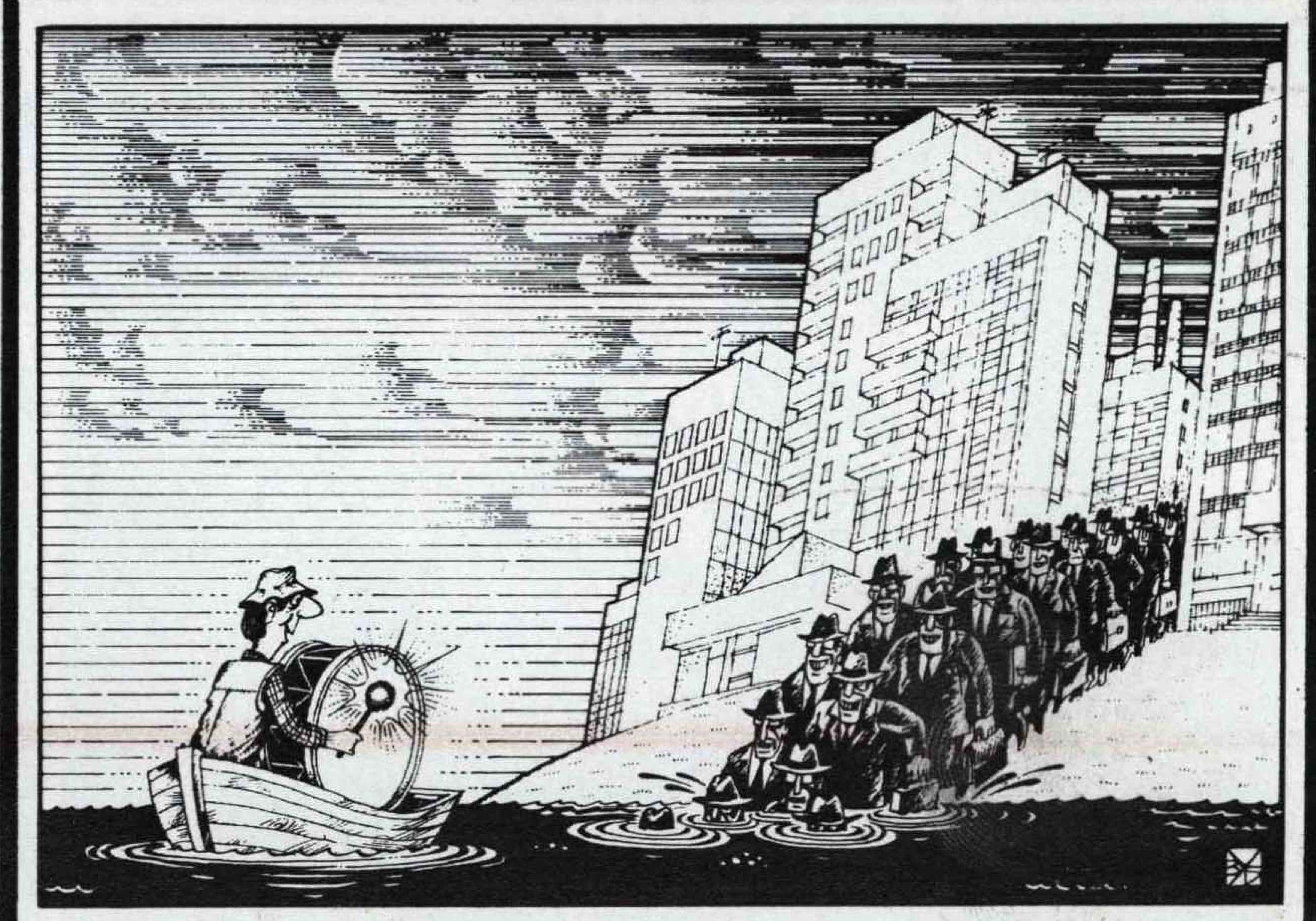
А на лице жены — то рябь,
то блики,
Захочешь есть — плотва и караси...
Женился же один поэт великий
На — страшно думать — матушке
Руси [1].
Быть мужем речки — вовсе
не игрушки,
К тому же не понадобится гроб.
И на вопрос: «А где супруг
речушки?»
Ответят скорбно вам: «В жене
утоп!»

[1] О, Русь моя! Жена моя! (А. Блок).

НЕТ ПРОБЛЕМ? Рисунок Владимира УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

ОГОНЁК

И дети, и взрослые, попавшие в объектив фотокорреспондента «Огонька» Сергея Петрухина, живут по одному адресу — Свердловск, улица Риммы Юровской, 18. Но тут не отдельный дом, а целый городок, уже насчитывающий шесть тысяч жителей. К их услугам очень многое из того, что не встретишь в других местах. Однако свердловский МЖК «Комсомольский», о котором идет речь,— на распутье, в нем муки выбора. Читайте об этом в номере материал Александра Радова.

ISSN 0131—0097. Индекс 70663 Цена номера 40 коп.